В.Н. ДЖАНДЖГАВА

# НЕМЕРЕННЫЕ ВЕРСТЫ

SHOUT
SHARE
IT

# Annotation

Автор этой книги Владимир Николаевич Джанджгава — генерал-лейтенант в отставке. Герой Советского Союза, бывший командир стрелкового полка, а затем и дивизии, прошедший всю войну, ныне председатель ЦК ДОСААФ Грузии.

В своих записках он рассказывает о героизме, мужестве и воинской доблести рядовых бойцов, командиров, которыми ему довелось командовать в боях на границе, в Молдавии, на Украине, под Воронежем, на Курской дуге, при освобождении Белоруссии, Польши и завершающих сражениях в Германии.

Для массового читателя, и прежде всего молодежи.


- Владимир Джанджгава
  - 
  - 1941
    - 
    - Вызов в штаб
    - Второй эшелон
    - У самой границы
    - С марша — в бой
    - Вынужденный отход
    - Выбили!
    - У Днестра и за Днестром
    - В резерве
    - В боях под Уманью
    - Память и долг
    - Из боя в бой
  - 1942
    - 
    - Новое назначение
    - 676-й
    - И снова фронт
    - Разведка боем
    - Встреча первая и последняя
    - От Тима до Кшени
    - На реке Кшень
    - Теперь главное — стоять насмерть!
    - Сто семь метров под землей
  - 1943
    - 
    - В тревожном ожидании
    - Активизировать разведку!

- Взяли живым
- Прорыв
- Сквозь пургу
- Трофеи и пленные
- Трудный бой
- Григорий Кагамлык
- Не забывать о флангах
- Прощай, полк!
- Навстречу великой битве
- Генеральная проверка
- Накануне
- Битва
- Герои и подвиги
- На Днепре

○ 1944

- 
- Мокроступы
- Километровая гать
- Прорыв
- Осиповичи
- В новой дивизии
- Друзья-однополчане
- По следам раненого зверя
- На границе
- Встреча с Польшей
- Наревский вал
- Держаться!
- И снова бои за плацдарм
- Комсомольцы

○ 1945

- 
- В междуречье
- Перед Вислой
- По тонкому льду
- Берег левый, берег правый
- Наступление продолжается
- В боях за Гданьск
- Штурм
- Штурм продолжается
- У самого моря
- От Вислы до Одера
- Тревожная ночь
- Даешь западный берег!
- Завершающие бои

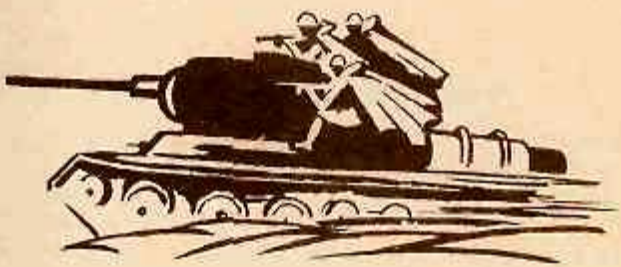
- Вместо послесловия
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

# Владимир Джанджгава
# НЕМЕРЕННЫЕ ВЕРСТЫ
## Записки комдива

**В.Н. ДЖАНДЖГАВА**
генерал-лейтенант
Герой Советского Союза

# НЕМЕРЕННЫЕ ВЕРСТЫ

**Записки комдива**



Москва
Ордена «Знак Почета»
Издательство ДОСААФ СССР
1979

# 1941

# Вызов в штаб

На востоке уже занималась заря, а в кабинете командира 16-й танковой дивизии полковника Михаила Ивановича Мындро все еще кипела работа. По груде вмятых в пепельницу окурков и клубам табачного дыма нетрудно было догадаться, что комдив, полковой комиссар Никита Васильевич Руденко и начальник штаба подполковник Андрей Григорьевич Земляной всю эту ночь не спали. Мужественно-красивое, умное, щедрое на улыбку лицо комдива в этот раз было необычайно строгим и сосредоточенным. Его живые, проницательные глаза под густыми полукружьями темных бровей словно потускнели не то от бессонной ночи, не то от чрезмерной озабоченности. Михаил Иванович, всегда спокойный и уравновешенный, умел сдерживать себя, не повышать голоса при любых обстоятельствах. Вместе с тем он был предельно требовательным. Активный участник гражданской войны, в мирные годы М. И. Мындро много и упорно учился, окончил Высшую тактическую школу им. Коминтерна, Военную академию РККА им. Фрунзе, преподавал тактику в Военной академии механизации РККА. А когда, начиная с лета 1940 года, в Красной Армии стали формироваться новые танковые соединения, Михаил Иванович был назначен командиром танковой дивизии. К нам он прибыл в середине марта 1941 года. Широко образованный, опытный и заслуженный командир, еще в довоенные годы удостоенный ордена Красной Звезды, в обращении с людьми постоянно оставался простым и доступным. В штабе и в полках он пользовался непререкаемым авторитетом и искренней любовью.

В кабинет комдива один за другим вошли начальник оперативного отделения штаба майор М. А. Миносян, начальник артиллерии полковник А. С. Юрасов, начальник связи подполковник В. Т. Захаров, всего человек пятнадцать. Всех их в тот предрассветный час 22 июня 1941 года подняли по боевой тревоге.

Когда все вызванные командиры собрались, комдив встал, окинул внимательным взглядом собравшихся, тихо, но сурово заговорил:

— Товарищи. Получена директива Военного совета округа. Я прочту из нее то, что считаю самым важным и самым главным. В директиве сказано: «В течение 22–23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев… Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие

вызвать крупные осложнения…» Вместе с тем Военный совет округа требует «быть в полной боевой готовности и встретить внезапный удар немцев…» Войскам округа предложено: «В течение ночи на 22.06.1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; перед рассветом 22.06.1941 года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; все части привести в боевую готовность… Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»[1].

Закончив чтение, Михаил Иванович положил листы директивы в папку:

— Командованием корпуса нам приказано немедленно приступить к выдвижению боевых частей первого эшелона к государственной границе и начать формирование второго эшелона дивизии в соответствии с планом.

— Что это? Война? — спросил кто-то из присутствующих.

Полковник Мындро ответить не успел. Зазвонил телефон.

Комдив взял трубку.

— Что?! Фашисты бомбят Грасулово? Это — война. Война…

Тот, кому довелось в ней участвовать, хорошо знал, что это такое. Перед глазами, словно в тумане, предстали прощание с семьями, заплаканные глаза жен, растерянные лица разбуженных среди ночи детей, стоны раненых, пожары, разрушения…

Комдив положил на рычаг трубку, встал и четко, с суровой строгостью начал отдавать боевые приказания о выдвижении частей дивизии к государственной границе.

Мне было приказано выехать к складам боеприпасов.

— Там возможно скопление машин, — сказал комдив. — Их необходимо рассредоточить, замаскировать. В любой момент может появиться вражеская авиация.

В комнате, которую занимало наше пятое отделение штаба, ведавшее вопросами планирования материально-технического обеспечения частей дивизии, а также ее развертывания в случае войны, меня уже поджидали заместитель старший лейтенант Бугаенко и помощники капитан Булатов и лейтенант Коваленко. Обрисовав им наскоро обстановку, приказал Бугаенко подготовить отделение к развертыванию работы по формированию второго эшелона и вместе с капитаном Булатовым выехал к складам.

# Второй эшелон

У складов, как и следовало ожидать, уже скопилось значительное количество машин, выстроившихся по три в ряд.

Во время учебно-боевых тревог боеприпасы со складов обычно не выдавались. Задача заключалась лишь в том, чтобы своевременно, без опоздания прибыть на место. Водители, привыкшие к боевым тревогам, не подозревая о начавшейся войне, весело переговаривались между собой в ожидании дальнейших распоряжений. Чтобы разнести в щепки все это скопище автомобилей, а вместе с ними и склады, достаточно было двух-трех бомб.

— Командиры колонн — ко мне! — громко крикнув, выпрыгиваю из эмки. — Немедленно рассредоточить машины! Всем с дороги в лес! К складам подъезжать по очереди. Быстро грузить боеприпасы и рассредоточение возвращаться в полки. Внимательно следить за воздухом. Назначить наблюдателей.

Командиры колонн недоуменно переглядывались. Зачем загонять машины в лес? К чему эта комедия с наблюдателями? И почему надо получать боеприпасы? Ведь никогда такого не было.

— Война, братцы! Война. Фашисты бомбят наши аэродромы. На границе идут бои. Никакой паники. Действовать по плану.

Действовать по плану в сложившейся обстановке значило последовательно и неукоснительно выполнять ранее составленный план на случай войны. Однако уже первые часы показали, что при его разработке были допущены определенные просчеты. Командование исходило из того, что оно заблаговременно будет осведомлено о дне и часе начала войны, а фашисты развязали ее внезапно, цинично нарушив все договорные обязательства. Планом предусматривалось, что полки дивизии через два часа после объявления боевой тревоги должны быть на марше для выдвижения к государственной границе. Но получилось так, что господство в воздухе сразу же захватила вражеская авиация. В этих условиях выдвижение полков в приграничную зону в светлое время суток оказалось практически невозможным.

Поручив капитану Булатову проследить за порядком погрузки боеприпасов и за соблюдением водителями маскировки на марше, немедля возвратился в военный городок. Штаб и политотдел дивизии уже работали по плану военного времени. Неотложных дел свалилась гора: снабжение, комплектование, эвакуация раненых, ремонт вышедших из строя машин, организация медико-санитарных пунктов, хлебопекарни, почты…

Все это требовало определенных знаний и кропотливого труда, а в условиях боевой действительности немалое значение имел и опыт.

Работники нашего отделения в известной степени обладали таким опытом: вместе в составе 173-й стрелковой дивизии участвовали в боях с белофиннами. За время совместной службы крепко сдружились, хорошо понимали друг друга и нисколько не сомневались, что с заданием по формированию второго эшелона справимся в срок. Обнадеживало и то, что общее руководство формированием второго эшелона возложено на заместителя комдива по технической части подполковника В. С. Самуйлова, опытного и волевого командира.

Автомашины и пополнение личного состава дивизия должна была получать из ближайших областей. Вопросы эти согласовывались заранее. Однако уже первый день войны внес свои неожиданные коррективы. Железная дорога работала не по графику (он был нарушен налетами вражеской авиации), и потому приписной состав прибывал в дивизию не в установленные сроки. Мобилизованные автомашины поступали не все в полной исправности, а для их ремонта не было ни запасных частей, ни времени.

И все же, несмотря на все трудности, к исходу третьего дня войны второй эшелон дивизии был сформирован и в ночь на 25 июня отправился вслед за боевыми частями первого эшелона, которые к тому времени сосредоточились северо-западнее Кишинева.

Города и села Бессарабии, уже несколько раз подвергавшиеся ожесточенным бомбардировкам с воздуха, предстали перед нами разрушенными и сожженными. Два года назад, когда части Красной Армии, в том числе и наша 173-я стрелковая дивизия, входили в Бессарабию, жители встречали их с красными знаменами, цветами, музыкой, торжественно преподносили пышные караваи белого хлеба. Теперь же земля, на которой фашистские пираты уже успели оставить свой черный след, выглядела будто на сотни лет постаревшей.

С наступлением рассвета мы укрыли машины в окрестных лесах и фруктовых садах и выехали на старенькой эмке к городку Унгены, севернее которого, в местечке Теленешты, расположился штаб дивизии. Над дорогой, по которой двигались многочисленные подводы с беженцами, неожиданно появились два советских истребителя «мига». Они стремительно неслись в сторону Прута. И вдруг в воздухе показались пять

«мессершмиттов». Три из них примерно на такой же высоте, как и «миги», а еще два — немного выше.

Пять против двух! Что предпримут советские летчики: вступят в неравный бой или попытаются уйти? Наши советские летчики избрали первое — вступили в неравный, полный драматизма бой. Маневр, другой, третий… На какое-то мгновение юркий «миг» оседлал «мессер», оказался у него на хвосте. Одна за другой последовали несколько пулеметных очередей. Объятый пламенем вражеский самолет рухнул на землю и взорвался.

Как хотелось узнать имя отважного пилота! Только через много лет после войны стало известно, что пилотом того отважного советского «ястребка» был Александр Иванович Покрышкин — ныне Председатель ЦК ДОСААФ СССР маршал авиации, трижды Герой Советского Союза.

На шоссе из кустов выскочил тягач с пушкой на прицепе. Столкновение с ним эмки казалось неизбежным. Но водитель-красноармеец Лев Май успел повернуть руль вправо. Эмка с полутораметровой насыпи полетела под откос, перевернулась через крышу и благополучно стала на колеса.

— Нам посчастливилось, товарищ капитан, — виновато улыбнулся водитель Май, — отделались в первый же день пребывания на фронте легким испугом. Поэтому я, как одессит, даю полную гарантию, что всю войну пройдем без единой царапины.

— Будь поосторожнее. Это самая верная гарантия.

Наконец добрались до местечка Теленешты. Штаб дивизии располагался на окраине, в глинобитной хате, прятавшейся в глубине большого фруктового сада. На случай налета вражеской авиации были отрыты зигзагообразные узкие щели, поверх которых стояли тщательно замаскированные зеленью танки.

Начальника штаба подполковника А. Г. Земляного на месте не оказалось, и пришлось зайти к комдиву.

Выслушав доклад о готовности второго эшелона, Михаил Иванович задал несколько вопросов, поинтересовался, где остановился на дневку второй эшелон, хорошо ли замаскирован. Ответами комдив остался доволен. Засунув по привычке большие пальцы обеих рук под ремень, он прошелся по комнате, в задумчивости остановился у настежь распахнутого окна, к которому свисала ветка вишни.

— Так-то, капитан. Война, — негромко произнес комдив. — Я ведь родом отсюда. Мое родное село Вышкоуцы тут, совсем рядом. Думаю, если удастся, завтра съездить туда. Надо помочь старикам эвакуироваться подальше от границы. Кто знает, как

могут развернуться события?..

В комнату вошел начальник штаба дивизии подполковник Земляной. Указав на карте район, где намечалось расположить медсанбат, ремонтные мастерские, полевую хлебопекарню, дивизионный обменный пункт и другие подразделения тыла, начальник штаба с привычной строгостью предупредил:

— Размещайтесь так, чтобы в любой момент быть готовыми к возможной передислокации.

# У самой границы

Предупреждение начальника штаба было не случайным. Оно диктовалось несколько необычной обстановкой, сложившейся в первые дни войны в полосе войск Южного фронта, которым с 24 июня командовал генерал армии И. В. Тюленев. В состав войск наряду с другими соединениями был включен и 2-й механизированный корпус генерала Ю. В. Новосельского[2]. Если севернее Молдавии фашистские войска с самого начала развернули бешеное наступление, то на границе СССР с Румынией было еще относительно спокойно. Правда, уже на рассвете 22 июня штурмовые группы противника пересекли в некоторых местах реку Прут, захватили мосты и кое-где образовали небольшие плацдармы, но удержались далеко не везде. Советские пограничные части в ряде мест сильными контратаками в тот же день отбросили противника обратно за Прут. Такой поворот событий, видимо, нисколько не обеспокоил немецко-фашистское командование. Сосредоточенные за Прутом войска 11-й немецкой армии под командованием генерал-полковника Риттер фон Шоберта, а также 3-я, 4-я румынские армии и 8-й венгерский корпус в течение первых нескольких дней с начала войны не проявляли активности. Вражеская группировка, как стало известно позже, имела особую задачу: сначала обеспечить защиту жизненно важной для агрессора территории Румынии и лишь в ходе дальнейшего развития событий перейти в наступление.

Южный фронт использовал затишье для подтягивания своих войск к пограничной реке Прут. 16-я танковая дивизия, как и другие соединения 2-го механизированного корпуса, успели выйти в приграничную зону и занять исходное положение для встречи с противником.

Севернее вражеские войска, имея большое превосходство в силах и средствах, продолжали наступать в направлении Киева. Не было сомнений и в том, что скоро противник начнет наступление и в Бессарабии. Но где и когда?

— Направление главного удара, который противник, несомненно, готовится нанести в ближайшее время с территории Румынии, пока еще не известно, — сказал полковник Мындро. — Постоянно поддерживайте связь с подполковником Земляным, чтобы тылы не оказались застигнутыми врасплох. А лучше всего после размещения второго эшелона сразу нее возвращайтесь в штаб. У вас будет информация.

*Командир 16-й танковой дивизии М. И. Мындро.*

Первая весть о попытке противника создать значительный плацдарм на левом берегу Прута поступила с соседнего участка фронта. В ночь на 26 июня полки двух пехотных соединений Антонеску под прикрытием мощного огня артиллерии форсировали Прут и атаковали позиции 30-й стрелковой дивизии 35-го стрелкового корпуса. В ходе ожесточенного боя был захвачен приречный населенный пункт Скуляны. Однако удержаться на восточном берегу реки противник так и не смог. Мощным контрударом полков той же 30-й стрелковой Дивизии, частью сил 2-го кавалерийского корпуса и 47-го стрелкового полка 15-й Сивашской стрелковой дивизии обе вражеские дивизии были отброшены на исходные позиции за Прут, потеряв при этом более 700 солдат и офицеров убитыми и ранеными.

Весть об этом первом, совсем небольшом успехе, быстро облетела весь корпус. В частях и подразделениях называли имена отличившихся в боях красноармейцев, командиров, и в частности, командиров батальонов — Ивана Ковуна и капитана Ивана Ковальчука из 15-й Сивашской мотострелковой дивизии.

*Комиссар 16-й танковой дивизии Н. В. Руденко.*

Политработники, секретари партийных и комсомольских организаций, агитаторы в беседах с личным составом рассказывали о таких боевых эпизодах. Когда в районе Петрешты фашистские танки вплотную подошли к окопам первой мотострелковой роты, в противоборство с ними вступило отделение, возглавляемое парторгом сержантом Бадулиным. Связками гранат воины отделения перед самыми окопами вывели из строя два танка. Остальные бойцы и командиры роты огнем из пулеметов и винтовок отрезали от танков вражескую пехоту и заставили ее залечь, а затем бежать с поля боя.

На подступах к городу Унгены отлично действовали артиллеристы под командованием комсомольца лейтенанта Суховарова. Ведя огонь прямой наводкой, они подожгли шесть вражеских танков. Танковая атака на этом участке была отражена.

Хотя попытка двух дивизий Антонеску закрепиться на восточном берегу Прута оказалась неудачной, противник после 26 июня продолжал активизировать боевые действия против войск 9-й армии, пытаясь форсировать реку на других участках. Стало известно, что ожесточенные бои с переправившимися через Прут войсками вели пограничники и части двух стрелковых корпусов: 48-го — под командованием генерал-майора Р. Я. Малиновского и 35-го — под командованием комбрига И. Ф.

Дашичева.

Это, правда, еще не было началом решительного вражеского наступления, но оно ожидалось с часу на час. Советскому командованию уже было известно, что к развертыванию такого наступления спешно готовится 11-я немецкая армия и две армии Антонеску.

Руководящие товарищи из штаба дивизии были уверены, что фашистские полчища после форсирования Прута непременно двинутся прежде всего на Кишинев. Однако это предположение не оправдалось. Враг нанес удар в сторону Кишинева значительно позже. Захватив плацдарм на реке Прут, немецко-румынские войска с боями стали продвигаться в северо-восточном направлении — в полосе 18-й армии на Могилев-Подольский и в полосе 9-й армии на Бельцы, Рыбница.

В тот же день командующий 9-й армией генерал-полковник Я. Т. Черевиченко отдал приказ: 2-му механизированному корпусу, в том числе и 16-й танковой дивизии, срочно выдвинуться в район станции Дрокия, что севернее Бельцы. Войскам корпуса ставилась задача: с рубежа Дрокия, София, Речa, Никорены нанести встречный удар по группировке противника в направлении Костешты и задержать ее продвижение к реке Реут.

Боевым частям и тылам дивизии предстояло быстро, без какой-либо задержки, преодолеть хотя и относительно небольшой, но тем не менее сложный путь через горно-лесистую местность с многочисленными речками и речушками, сбегающими к Белецкой равнине.

# С марша — в бой

— Из штаба армии сообщили, что в Кодрах прошли сильные дожди. Грунтовые дороги размыты потоками воды, — сказал комдив на коротком совещании командно-политического состава перед маршем. — Мосты на реке Куле, притоках Реута ветхие, не рассчитаны на проход танков и бронемашин. Словом, придется изрядно поработать товарищам саперам, — и обернулся к командиру 16-го отдельного саперного батальона капитану С. Ф. Веревкину.

— Если не возражаете, я поеду с саперами, Михаил Иванович, — сказал полковой комиссар Руденко.

Полковник Мындро согласился. Правильно решил комиссар. Быстрое перебазирование во многом зависит в сложившихся условиях от саперов. Им придется много работать. Противник почти рядом, всякое может случиться. Поэтому отнюдь не лишнее, если там некоторое время побудет и комиссар. Это ускорит дело, что в данном случае чрезвычайно важно. Тем более, что комиссар не только отличный воспитатель, но и умелый организатор.

Саперы во главе с комиссаром выехали первыми. Часа через два вслед за ними двинулись боевые части. Замыкали огромную колонну нагруженные всем необходимым для боя автомашины второго эшелона.

Маршрут оказался действительно не из легких. Саперам приходилось оборудовать объезды, срезать спуски, выстилать хворостом гати, укреплять мосты, отыскивать подходящие для проезда броды. Там, где проходили танки, зачастую буксовали машины.

Только под утро дивизионная колонна миновала лес и с трудом выбралась на шоссе. Но впереди ждала река Реут. Сохранился ли мост? На карте он значился, но ведь уже несколько дней идет война: фашистские летчики, возможно, успели разбомбить его.

Бельцы обошли стороной. Город пылал. Над ним стлалось сплошное облако дыма. Фашистские стервятники в который раз подвергали этот небольшой, в основном деревянный городок ожесточенной бомбардировке.

Колонна машин дивизии благополучно вышла к реке Реут. Мост оказался разрушенным. Несколько в стороне от него была наведена понтонная переправа. Ее соорудили саперы 11-й танковой дивизии полковника Г. И. Кузьмина, двигавшейся впереди 16-й дивизии.

…В ночь на 3 июля соединения мехкорпуса сосредоточились в районе станции Дрокия, населенных пунктов София, Речa, Никорены и получили задачу нанести удар в направлении Костешты с целью уничтожения противника, подошедшего к рубежу реки Реут.

Бой начался утром. Однако согласованного мощного контрудара не получилось. Танки врага упредили развертывание корпуса, и поэтому в бой он вступил неорганизованно. К тому же действия корпуса сковала фашистская авиация. Небо было безоблачным. Бомбардировки следовали одна за другой. Полки несли большие потери в людях и боевой технике. Противовоздушных средств в дивизии, да и во всем корпусе было очень мало: десятка два малокалиберных зенитных пушек и счетверенных пулеметов.

Тем не менее танкисты дивизии мужественно и самоотверженно дрались с гитлеровцами. В бою горели легкие танки БТ-7, горели бронемашины, гибли люди, но оставшиеся в живых советские воины продолжали упорно сражаться. К исходу первого дня боя в частях и подразделениях дивизии стал ощутимо сказываться недостаток боеприпасов. Подвозили их из второго эшелона, расположенного в районе станции Дрокия. Многие автомашины по пути к передовой попадали под бомбежку. Часто груз не доходил до передовой. Да и боеприпасов, горючего во втором эшелоне было не столь много.

В Одесском военном округе, к сожалению, склады оказались выдвинутыми в приграничные районы. Это, безусловно, было серьезной ошибкой, так как авиация противника в первые же часы войны смогла нанести бомбовые удары не только по самим складам, но и вывести из строя подъездные пути к ним. Пришлось ездить за горючим, боеприпасами и продовольствием за сто пятьдесят километров на восточный берег Днестра.

А гитлеровцы с каждым днем усиливали бомбардировки. Вражеские самолеты стали охотиться не только за машинами, но и за людьми. Для движения автотранспорта приходилось использовать главным образом темное время суток, а оно в июле очень короткое.

# Вынужденный отход

Противник наступал широким фронтом, причем каждое направление было до предела насыщено боевой техникой, особенно танками.

Если по замыслу командования армии войска 2-го механизированного корпуса 4 июля должны были нанести мощный встречный удар по переправившимся через Прут немецко-румынским соединениям и отбросить их на исходные позиции, то в действительности получилось так, что все три дивизии корпуса из-за недостатка сил и средств с самого начала вынуждены были обороняться, сдерживать натиск врага, рвавшегося к городу Бельцы. И даже эта задача на ряде участков не была выполнена ввиду многократного превосходства противника в танках и авиации. Авиация противника препятствовала подходу резервов из глубины, постоянно контролируя оба моста через Днестр (Рыбницкий и Бендеровский) и наведенную в первые дни войны паромную переправу в районе Криуляны — Дубоссары. Таким образом, надеяться на подход резервов не приходилось.

Начала боев все мы ждали с нетерпением и, естественно, с надеждой на то, что гитлеровцы будут в первые же дни разгромлены. Той же уверенностью, возможно несколько самонадеянной, жил и штаб дивизии. Имелись, конечно, основания и для опасений. Все уже знали, что танки БТ по своим тактико-техническим данным уступали фашистским средним танкам. В единоборстве между ними экипажи гитлеровцев обладали явным преимуществом. Однако этому факту поначалу не придавалось должного значения.

Когда же на направлении города Бельцы развернулись первые сильные бои, советские танкисты уже в самом начале потеряли несколько машин БТ. И что было особенно огорчительно — вместе с устаревшими танками сгорали и экипажи. Пламя с такой быстротой охватывало машины, что спастись было практически невозможно.

Такая трагедия постигла, в частности, экипаж БТ-7, возглавляемый младшим сержантом Иваном Чуевым — уроженцем Курской области. Это был смелый и мужественный экипаж. 3 июля в бою у деревни Рошкань-Тыгр он одним из первых вступил в борьбу с фашистскими танками и сопровождавшей их пехотой, уничтожив до десятка гитлеровцев. Но стоило механику-водителю сержанту Прокофию Щербине на какое-то мгновение неудачно развернуть танк, как вражеский

снаряд пробил бортовую броню в расположении бензобака и БТ-7 загорелся. Никому из членов экипажа спастись не удалось.

Примерно при таких же обстоятельствах 4 июля сгорели легких танках старший лейтенант Михаил Трубников, командир танковой роты младший лейтенант Федор Сергиенко, командиры взводов лейтенанты Юлий Рубахин, Анатолий Магрецкий, механик-водитель старший сержант Ельцов, красноармеец Петр Шпакович и другие.

Малопригодными к участию в «войне моторов» оказались и некоторые устаревшие типы бронемашин, которыми был оснащен 2-й механизированный корпус. Их тонкая броня не всегда защищала экипаж даже от крупнокалиберных пулеметов. А уж если подбитая снарядом машина загорелась, то выбраться из нее экипажу удавалось крайне редко. Подчас заклинивались люки — сказывалось конструктивное несовершенство. Так получилось с бронемашиной старшего сержанта Икмата Байназарова в бою у деревни Кубата 8 июля. При первом же попадании вражеского снаряда она загорелась. Экипаж в составе Икмата Байназарова, Леонида Мельничука, Юсуфа Кадырова и Михаила Левчишина пытался выбраться из горящего броневика, но не смог открыть люк.

Применяясь к обстановке, командиры полков в целях прикрытия устаревших танков и бронемашин первыми вводили в бой тридцатьчетверки, имея в виду их превосходные боевые качества. Экипажи тридцатьчетверок смело шли на сближение с противником и, как правило, в единоборстве с вражескими танкистами выходили победителями. Но беда заключалась в том, что танков Т-34 в дивизии было мало, поэтому основную тяжесть боев приходилось выдерживать экипажам БТ-7.

Утром 5 июля стало известно, что крупным силам вражеских войск удалось развить успех на стыке между 2-м механизированным и 48-м стрелковым корпусами, оборонявшимися на широком фронте. К середине дня 7 июля, несмотря на мужественное сопротивление наших войск, противник достиг рубежа Хотин, Тырново, Бельцы. В тот же день войска 17-й немецкой армии и танковые соединения врага, наступавшие севернее этого района, захватили на юге Житомирской области город и крупный железнодорожный узел Бердичев. Для всех, кто мало-мальски разбирался в военном деле, стало очевидно, что немецко-фашистское командование всерьез намеревается осуществить свой коварный замысел — окружить войска Южного фронта — 9-ю и 18-ю армии, отрезать им пути отхода, прижать к Черному морю и уничтожить.

*Командир 2-го механизированного корпуса генерал-лейтенант Ю. В. Новосельский.*

Обстановка накалялась. Больше всего тревожили почти непрерывные воздушные налеты вражеской авиации. Ожесточенной бомбардировке подверглись не только действующие части и подразделения, но и тылы соединений. В один из ясных погожих дней фашистские стервятники добрались и до пристанционного поселка Дрокия, где располагался второй эшелон дивизии. Десятка три бомбардировщиков в течение 15–20 минут «утюжили» поселок: обстреливали из крупнокалиберных пулеметов, по нескольку раз бомбили каждую улицу. Погибло много женщин, детей и стариков. Немалые потери понесли и подразделения второго эшелона. Одна из бомб попала в броневик, в котором находился командир разведывательного батальона дивизии капитан Васильев, награжденный орденом Ленина во время войны с белофиннами, и старший политрук Иваненко. Оба они погибли. Несколько бомб взорвалось прямо в щелях.

В горячие дни тяжелых боев выезжать во второй эшелон дивизии приходилось нечасто. Работу там вел главным образом мой заместитель старший лейтенант П. А. Бугаенко. Да по сути дела, плановые начала в работе тылов в сложившейся обстановке утратили свое первоначальное значение. Все зависело теперь от

складывающихся возможностей.

— В тылу сейчас справятся и ваши помощники, — сказал как-то комдив. — Поезжайте-ка в полк своего земляка Окропиридзе. Туго приходится ему. Посмотрите, что там и как. Помогите ему, чем сможете.

Не задерживаясь, выехал в 16-й мотострелковый полк, которым командовал Иван Константинович Окропиридзе. Полковник Окропиридзе был родом из Гори. В свое время окончил в Тбилиси Грузинскую сводную школу курсантов, продолжительное время служил начальником штаба стрелкового полка в Грузии, участвовал в войне с белофиннами и удостоился ордена Красного Знамени.

*Командир 16-го мотострелкового полка И. К. Окропиридзе.*

Иван Константинович обладал большим опытом штабной работы, принимал четкие и конкретные решения, которые настойчиво проводил в жизнь. В первых же боях с фашистами проявил себя как бесстрашный, грамотный, инициативный командир.

Встретились на полковом КП. Выглядел Окропиридзе до предела утомленным, но, как всегда, был тщательно выбрит. По-южному смуглое лицо его стало еще темнее. От бессонных ночей под глазами образовались синие полукружья. Аккуратно забинтованная левая рука была подвешена на груди на марлевой повязке.

— Плохи наши дела, шени чири ме (мой дорогой), — сказал Иван Константинович после взаимного приветствия. — День-другой, может, продержимся, а дольше вряд ли. Бойцы дерутся храбро, не жалея себя, стоят до конца, без приказа никто не отходит. Потери большие. Враг давит танками и авиацией. А у нас даже устаревших танков становится все меньше.

Ценой нечеловеческих усилий войска Южного фронта сдерживали, перемалывали живую силу и технику врага, давая советскому командованию возможность подтянуть резервы и создать крепкую оборону за Днестром. Полк Окропиридзе, поддерживаемый небольшим количеством танков БТ-7, героически удерживал свои оборонительные позиции. В течение 8 июля гитлеровцы неоднократно пытались окружить полк, зажать в тиски, но и это им не удавалось. Полк стоял насмерть.

Во второй половине дня, после отражения атаки противника, поступил приказ комдива: оставить занимаемые позиции и отойти на юго-восток.

# Выбили!

Заняв оборону за рекой Куболта, бойцы полка Окропиридзе надеялись немного передохнуть и привести в порядок оружие и боевую технику. Собрав необходимые сведения, выехал с докладом в штаб дивизии. В штабе встретил комдив.

— Напрасно ехали, — сказал он. — Обстановка круто изменилась. Противник захватил Грибово, Доминешты и расчленил тем самым дивизию на две части. Думается, не стоит объяснять, какую это таит в себе для нас опасность. Возвращайтесь к Окропиридзе, соберите все разрозненные подразделения и подчините их полковнику. Из Доминешты противника выбить любыми средствами, отбросить за реку Куболту и захватить за рекой плацдарм.

С тяжелым осадком на сердце выехал снова в 16-й полк. Смогут ли решить такую трудную задачу подразделения, измотанные в боях? Но когда командиры и политработники разъяснили личному составу, что полку предстоит не отражать атаки врага, а выбить его из населенного пункта и отбросить за реку, настроение у воинов сразу поднялось. Выходит, есть еще силы, чтобы не только оказывать мужественное сопротивление в обороне, но и заставить фашистов повернуть вспять.

Бой за Доминешты продолжался недолго. Первыми в населенный пункт ворвались танки, а вслед за ними дружно ринулись в атаку стрелки, пулеметчики и тогда еще не очень многочисленные группы автоматчиков.

Гитлеровцы и их союзники, по всей вероятности, не ожидали от русских подобной «дерзости». Внезапное появление советских танковых и стрелковых подразделений застало оккупантов врасплох. Противник, имея в Доминешты танки, артиллерийские орудия и до полка пехоты, не смог оказать организованного сопротивления и, побросав все, в паническом страхе бежал. Уйти, однако, удалось далеко не всем. Многие фашистские вояки были уничтожены пулеметным и артиллерийским огнем советских танков. В этом быстротечном бою воины полка захватили впервые за две с лишним недели войны трофеи: 3 исправных танка, 12 грузовых автомашин с боеприпасами и продовольствием, несколько пушек и пулеметов. Был также захвачен в плен румынский офицер, давший при допросе ценные показания о составе и вооружении наступавшей вражеской группировки.

Сразу после того, как населенный пункт был занят, враг не замедлил принять ответные меры. Ожесточенный бой разгорелся на северо-западной окраине села. Гитлеровцы несколько раз

атаковали позиции, занятые подразделениями полка, сначала силами пехоты, а затем и танков. Трем вражеским машинам удалось на высокой скорости близко подойти к домам, где оборонялись оставшиеся без машин танкисты 31-го танкового полка. Бойцы еще не успели закрепиться, отрыть окопы. Появление танков грозило бедой. Надо было остановить танки. Сделать это могли только артиллеристы.

Вместе с лейтенантом Самодуровым бежим в лесок, где стояла артиллерийская батарея. До нее надо было проскочить метров 200–250 по совершенно открытой местности. Над головой свистят пули, осколки снарядов. Ползком по-пластунски, где перебежками наконец добрались до артиллеристов. Быстро объясняю командиру батареи, что нужно сделать. Пушки тут же выкатили на пригорок. По танкам грохнули залпы. Два танка загорелись, а третий повернул вспять.

Это была последняя в тот день вражеская атака. Быстро начинало темнеть. Наступило затишье. Ночью гитлеровцы предпочитали отдыхать и обычно не наступали.

— Да, горячий выдался денек, — сказал по-грузински лейтенант Самодуров. — Подсыпали перцу фашистам.

— Откуда вы? — удивляюсь, услышав грузинскую речь.

— Из Сагареджойского района.

Возвращаюсь на КП. Полковник Окропиридзе приглашает поужинать. Ординарец приносит бутылку кахетинского.

— У какого грузина не найдется стакана вина для друга? — улыбается Иван Константинович. — Сегодня есть за что выпить. Все-таки вышибли врага из Доминешты. Первая небольшая победа.

Настроение у полковника приподнятое. От прошлой мрачности не осталось и следа.

Поздним вечером в комнату вошел высокий худощавый старший лейтенант. Серое от пыли и усталости лицо, воспаленные глаза, выгоревшая добела, прожженная в нескольких местах гимнастерка. Это был командир саперной роты Михаил Гегучадзе.

— Как дела, Миша?

— Трудно, — ответил Гегучадзе. — Минируем дороги на путях наступления противника, уходим последними. Всем трудно, а нам, саперам, особенно…

# У Днестра и за Днестром

Еще двое суток тяжелейших боев. Части 2-го механизированного корпуса из последних сил сдерживали вражеский натиск и с боями отходили к Днестру. 16-й стрелковый полк вновь оставил Доминешты. А стоило ли отбивать это село у противника на какие-то сутки, если заранее было известно, что придется опять оставить его? Стоило. Непременно стоило, — отвечал сам себе. — Во-первых, потому, что удалось задержать противника на его пути к Днестру. А во-вторых, это наступление имело важное чисто моральное значение для бойцов полка. Оно как бы окрылило воинов, упрочило в них веру в свои силы и в то, что наши первые неудачи в войне временны. Если в трудных условиях отхода удалось на сутки выбить гитлеровцев из населенного пункта, то при иных обстоятельствах, когда настанет время и возможность наступать, фашистам придется убраться и из других временно захваченных ими советских городов и сел.

В ту пору воины дивизии мало знали о том, насколько упорно сопротивление советских войск на других фронтах и даже на сравнительно недалеких, соседних участках. Однако каждый по опыту боев своего полка, дивизии и, наконец, корпуса твердо знал, что Красная Армия самоотверженно сопротивляется натиску врага, перемалывает его живую силу и технику.

В середине июля командующий армией принял решение вывести из боя танковые полки 11-й и 16-й танковых дивизий для приведения в порядок и ремонта материальной части. 15-я мотострелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. Н. Белова, усиленная стрелковыми и артиллерийскими полками танковых дивизий, получила задачу: продолжать оборонительные бои, сдерживать продвижение врага.

Единственной в районе действий 2-го мехкорпуса переправой, по которой можно было вывести танковые части за Днестр, был Рыбницкий железнодорожный мост, путь к которому пролегал по Реутской долине. Накануне прошел ливневый дождь, и долина превратилась в почти сплошное болото. Танки и бронемашины с трудом двигались по размытой и разбитой дороге, которая практически существовала только на карте, а в действительности же представляла собой месиво грязи.

На КП дивизии поступило сообщение, что две тридцатьчетверки увязли в болоте и не могут выбраться из него самостоятельно.

— Поезжайте туда, — приказал комдив. — На месте что-нибудь придумайте. Надо спасти машины. Иначе налетят немцы,

разобьют танки, а у нас их и без того не густо.

Легко сказать: «Придумайте». А как быть, если в дивизии всего лишь один мощный тягач «Ворошиловец», способный отбуксировать тяжелые танки? А если тягач уже за Днестром? Разве переправишь его обратно, навстречу потоку машин и беженцев?

На легонькой полуторке помчался к болоту, где застряли танки. К счастью, на дороге попался тягач. Тут же повернул его вслед за собой.

Танкисты сделали все возможное, чтобы выбраться из болота. Под гусеницы были подсунуты доски, молодые деревья, еловый лапник, но безрезультатно.

Подъехали на тягаче к первому танку, бросили лейтенанту трос:

— Зацепляй!

Танкисты быстро выполнили команду, заняли свои места в машине. Разбрасывая комья грязи, танк двинулся с места и послушно пошел за тягачом.

Отбуксировав на дорогу один танк, отправились за вторым. И вдруг — в воздухе гул моторов.

— Быстрей, ребята! — крикнул механику-водителю. Едва двинулись вперед, по обшивке тягача забарабанили пули. Водитель выскочил из кабины, отбежал шагов на десять, шлепнулся в грязь.

Когда самолеты улетели (бомбить они почему-то не стали, ограничились обстрелом), был вытянут на дорогу и второй танк. Оба они позже еще долго воевали. А вот тягачу не повезло. За Днестром он был разбит во время бомбежки.

Мост в районе Рыбницы был железнодорожным. Но после ухода из-за Днестра последнего поезда саперы лейтенанта Б. Г. Сильвестрова из 15-й стрелковой дивизии приспособили его для проезда колесного и гусеничного транспорта. Для этого не потребовалось большой инженерной изобретательности. Саперы уложили на шпалы на уровне рельсов сбитые из толстых досок щиты, соответствующим образом закрепили их — вот и все.

К мосту с различных участков фронта подступали три грунтовые дороги. Все они на много километров были до предела запружены танками, пушками, автомашинами, повозками с ранеными, беженцами. Все стремились как можно быстрее перебраться на восточный берег реки. У въезда на мост создалась такая пробка из танков, тягачей, повозок, что, казалось, нет силы, способной прекратить это столпотворение. И основными виновниками этого были беженцы, число которых непрерывно росло. Обезумев от страха остаться на западном берегу Днестра,

они бросались наперерез танкам, тягачам, карабкались на орудия, автомашины…

Беспрепятственно, на бреющем полете проносились над толпами беззащитных людей, расстреливая их из пулеметов, вражеские истребители. Бойцы вели огонь по самолетам из винтовок, но пули не причиняли стервятникам вреда. Стоны раненых, истошные крики женщин, прикрывавших своими телами детей, заглушали рев самолетов.

Возле моста остановился забрызганный грязью грузовик. Из него вышел командир корпуса генерал-майор Ю. В. Новосельский. Я подошел к нему, представился.

— Займитесь, капитан, вот этим, — кивнул генерал в сторону моста. — Постарайтесь навести порядок. Много людей гибнет в панике. Это недопустимо.

У моста зазвучала моя команда:

— Без разрешения — ни шагу! Всем оставаться на местах. Нарушители будут расстреливаться на месте!

Толпа притихла, присмирела. За сравнительно короткое время нам удалось наладить относительно организованный пропуск машин и людей через мост.

Еще дважды появлялись у моста вражеские истребители, сбрасывали бомбы, стреляли из пулеметов, но переправа продолжалась.

Уже под вечер вновь налетела большая группа немецких пикирующих бомбардировщиков. Черной тучей они закрыли небо. Чтобы как-то уберечься от осколков, мы залегли прямо на деревянном мостовом настиле.

Пока бомбы взрывались на берегу, все обходилось для нас благополучно. Но вдруг пронзительно-воющий звук раздался над мостом. Последнее, что удалось услышать, — это оглушающий, режущий скрежет.

…Очнулся уже в рыбачьей лодке, промокший с головы до ног. Надо мной наклонился красноармеец, что-то сказал, но я его услышать не мог. Попытался было спросить у бойца, что случилось, но не смог произнести ни слова — потерял дар речи.

Уже в медсанбате, куда меня доставили вскоре, узнал, что одна из бомб прошила настил моста и взорвалась в воде. Меня и еще несколько человек взрывная волна сбросила в реку. На счастье, плывшие через Днестр на рыбачьей лодке бойцы сумели вытащить нас.

…Во второй половине июля боевая обстановка на южном крыле советско-германского фронта стала еще более усложняться. Встретив упорное сопротивление советских войск под Киевом,

гитлеровцы вынуждены были там перейти к обороне, однако севернее и южнее столицы Украины противник продолжал развивать наступление. От Каменец-Подольска до устья Дуная против 9-й и 18-й армий Южного фронта наступали 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии и 8-й венгерский корпус.

18 июля войска 9-й армии, теснимые превосходящими силами противника, полностью завершили отход на восточный берег Днестра. Они получили задачу: опираясь на Рыбницкий и Тираспольский укрепленные районы, обороняться на Днестре. Бессарабский участок Южного фронта к тому времени прекратил свое существование.

Между тем в тылу войск Южного фронта, в районе Умани, куда с нескольких направлений прорвались крупные силы врага, для отходивших на восток советских соединений складывалась опасная обстановка.

Переправа по Рыбницкому мосту через Днестр для 16-й танковой дивизии завершилась в основном благополучно. Не обошлось, конечно, без потерь в людях и боевой технике, но они оказались незначительными. В сложной обстановке вынужденного отхода войск потерь могло быть гораздо больше.

После выхода из боя 2-й механизированный корпус был официально выведен в резерв командующего фронтом. Его соединения и части, в том числе и 16-я танковая дивизия, получили возможность привести себя в порядок. В условиях яростного напора немецко-фашистских войск такое в первые недели войны случалось не часто.

Правда, к моменту сосредоточения частей дивизии на восточном берегу Днестра заправочные баки большинства танков и автомашин опустели почти до дна. На исходе были и боеприпасы. Это больше всего беспокоило командование дивизии. Требовалось принять самые энергичные меры по ускорению подвоза горючего и боеприпасов.

# В резерве

Наконец доехали до тылового района. У входа в один из складов стояли заместитель командира дивизии по материально-техническому обеспечению подполковник Самуйлов и начальник артснабжения дивизии майор Уткин.

— Как там на передовой? Что нового? Живы ли товарищи по штабу? Много ли осталось боевой техники? — посыпались вопросы.

— Перелома пока не видно. Танки, автомашины еще есть, но нет горючего, на исходе боеприпасы. Комдив приказал с максимальной нагрузкой использовать весь автопарк, мобилизовать для подвоза боеприпасов гужевой транспорт колхозов.

— Транспорт найти можно, — сказал подполковник Самуйлов. — Но вот беда. На базе снабжения не хватает емкостей для перевозки горючего. Несколько бензовозов сгорело по пути к фронту, три спецмашины повреждены, а запасных частей к ним нет.

*Помощник начальника связи 16-й танковой дивизии капитан Э. А. Яновский.*

— А что, если емкости с неисправных машин-бензовозов

погрузить на обычные грузовики, а часть горючего залить в металлические бочки и тоже доставить их на грузовиках?

— А вдруг они от тряски взорвутся?

— Ничего. Сделаем из досок и тряпья прокладки.

В ближайших колхозах удалось добыть десятка три подвод. На них погрузили ящики с боеприпасами. В сторону фронта выехали с наступлением темноты и на рассвете благополучно прибыли на место.

Увидев большой обоз с горючим и боеприпасами, начальник штаба подполковник Земляной облегченно вздохнул:

— Наконец-то теперь есть чем встретить фашистских бандитов.

Обрадовался и комдив. Однако он тут же приказал сделать за горючим и боеприпасами еще несколько рейсов.

— Без запаса на фронте нельзя, — сказал комдив.

Так оно и произошло. 18 июля поступил приказ срочно перебазироваться в район Умани. Дивизии предстояло форсированным маршем совершить почти 150-километровый переход.

*Заместитель начальника отделения штаба 16-й танковой дивизии П. А. Бугаенко.*

Перед маршем полковник Мындро созвал первое после начала войны служебное совещание руководящих командиров

управления и штаба дивизии. Собрались быстро. В ожидании начала совещания командиры делились впечатлениями о последних боях, высказывали различные предположения о возможных событиях… Впервые услышал тогда о гибели одного из своих друзей — помощника начальника связи дивизии капитана Эдуарда Алофенсовича Яновского. Произошло это так. Днем 9 июля по заданию комдива капитан Яновский на танке БТ-7 вместе с его экипажем выехал в город Бельцы установить связь с соседними частями корпуса. В 15 километрах восточнее Бельцы танк по железобетонному мосту переправился через реку Куболту. Связь была налажена. В обратный путь пришлось выехать уже ночью. Вновь река Куболта. Водитель танка на высокой скорости вывел машину на мост, и БТ-7 рухнул в реку, так как два пролета моста оказались взорванными.

Утром жители соседнего селения через башенный люк извлекли из затонувшего танка тело танкиста — капитана и на берегу, в трех километрах восточнее деревни Куболта, похоронили его. Так случилось, что имя и фамилию погибшего никто из местных жителей не узнал.

Вскоре к реке Куболте подошли немецко-фашистские войска. Узнав о затонувшем русском танке, гитлеровцы при помощи тягача вытащили его из реки и отбуксировали к себе в тыл.

Несколько лет назад юные следопыты-досаафовцы Фрумушикской средней школы Флорештского района Молдавии во главе с учителем Яковом Ефремовичем Кариным решили узнать имя погибшего и захороненного на берегу Куболты капитана. Однако долгое время поиск оставался безрезультатным. При содействии местного военкомата ребята узнали адреса некоторых ветеранов 16-й танковой дивизии, оставшихся в живых, списались с ними, и в конце концов цель была достигнута. Юным следопытам стало известно, что имя погибшего — капитан Яновский Эдуард Алофенсович. По инициативе юных досаафовцев в канун 30-летия Победы останки капитана Яновского были с воинскими почестями перезахоронены у монумента перед школой.

Установлены имена и многих других воинов, погибших в боях с фашистскими захватчиками на территории Флорештского района трудным летом сорок первого года. Не менее важно и то, что юные следопыты-досаафовцы Фрумушикской школы помогли отыскать и объединить большинство оставшихся в живых воинов танковой дивизии.

…Итак, 16-я танковая дивизия получила приказ перебазироваться в район Умани. На срочно созванном совещании командного состава управления и штаба дивизии

комдив М. И. Мындро, комиссар Н. В. Руденко и начальник штаба А. Г. Земляной кратко пояснили, чем это вызвано.

Встретив упорное сопротивление Красной Армии под Киевом, немецко-фашистское командование решило не ввязываться в затяжные бои за столицу Украины. Некоторые вражеские дивизии перешли к обороне, а основные силы действовавшей там 6-й немецкой армии повернули на север, в направлении Коростеня. Одновременно вражеские войска осуществили прорыв южнее Киева и Белой Церкви. Стало очевидно, что фашистское командование, развивая наступление на юг вдоль Днепра, стремилось помешать отходу советских войск Юго-Западного и Южного фронтов. 17-я немецкая армия быстро продвигалась к Виннице и Умани, а 11-я румынская, обходя Умань с юга, — к Балте и Первомайску.

Выйдя на оперативный простор несколько западнее Белой Церкви, 2-й моторизованный корпус танковой группы Клейста создал угрозу прорыва в тылы Юго-Западного фронта. 17-я немецкая армия после ожесточенных боев продвинулась в район Жмеринки.

Все три советские армии — 6-я, 12-я и 18-я отходили от самой границы с тяжелыми боями и оказались сильно измотанными. В своем распоряжении фронт имел лишь единственный резерв — 2-й механизированный корпус в составе трех дивизий. Ему-то и предстояло оказать помощь 6-й и 12-й армиям.

# В боях под Уманью

Завершив 150-километровый марш, дивизия сосредоточилась в лесу неподалеку от Умани. В город была направлена группа разведчиков. Разведчики вернулись необычайно быстро. Их командир, молодой, слегка прихрамывающий на левую ногу светловолосый сержант, пришел в штаб, доложил полковнику М. И. Мындро:

— В Умани фашисты, примерно до роты мотоциклистов. Располагаются в бывшем военном городке.

— Это точно? — недоверчиво спросил комдив.

— Точно, товарищ полковник. Собственными глазами видел. Ведут себя так, будто на отдых приехали. Основные силы их дивизии находятся примерно в 30–35 километрах от города.

Полковник Мындро сразу же принял решение — атаковать военный городок и уничтожить фашистских наглецов.

В бой пошла танковая рота младшего лейтенанта Мустафы Маметова. Поначалу фашистские мотоциклисты несколько растерялись, так как советские танки появились неожиданно, но вскоре опомнились и стали из-за укрытий забрасывать их гранатами. В скоротечной и жестокой схватке погибли командир танковой роты младший лейтенант Мустафа Маметов, политрук роты Виталий Дьячков, командир танка младший лейтенант Иван Обухов, механик-водитель сержант Александр Холминов, стрелок ефрейтор Иван Ревичев. Несколько танкистов получили серьезные ранения. Но враг жестоко поплатился за это. Немецкие мотоциклисты были уничтожены.

Сразу же после разгрома мотоциклетного отряда поступил приказ 16-й и 11-й танковым и 15-й мотострелковой Сивашской дивизии нанести контрудар по прорвавшемуся со стороны Белой Церкви противнику и во взаимодействии с 26-й армией генерал-лейтенанта Костенко уничтожить немецкую группировку, дав возможность нашим 6-й и 12-й армиям отойти на новый рубеж.

Не задерживаясь, дивизии двинулись на северо-запад. Тылы 16-й танковой дивизии остались на восточном берегу реки Синюхи. Поскольку большой запас горючего имелся в военном городке Умани, подтягивать тыловые подразделения ближе комдив посчитал нецелесообразным. Мне было приказано следовать вместе со штабом, чтобы координировать работу тылов, сообразуясь с обстановкой.

В первый день полки преодолели большое расстояние. Противника не встретили. Поблизости ни одного выстрела, словно и нет войны. На ночь расположились неподалеку от

небольшой деревеньки, разведали ближайшие окрестности, выставили усиленную охрану.

Ночь прошла спокойно. А на рассвете снова двинулись в путь. Километров через пятнадцать, у деревеньки Харьковка, произошла первая стычка с танками врага. Как вскоре выяснилось, это были части 2-го моторизованного корпуса группы Клейста, оснащенные большим количеством мощных по тому времени машин. Фашисты лезли напролом. В ход были пущены артиллерия, минометы, авиация. Советские танкисты и пехотинцы стояли насмерть. Героизм был массовым. Это привело в замешательство даже высшее немецкое командование.

Вот, например, одна из записей, которую сделал в своем дневнике 22 июля тогдашний начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Франц Гальдер:

«В районе Умани 16-я и 11-я танковые дивизии (1-я танковая группа Клейста. — *Прим. автора*) ведут упорные бои с крупными силами танков противника. По-видимому, противник бросил против нашего танкового клина соединения, отведенные с фронта, чтобы прикрыть отвод своих войск, еще действующих, западнее… из под угрозы окружения. Это, конечно, может поставить наши соединения, действующие в районе Умани, в тяжелое положение, тем более, что характер боев с 26-й русской армией не дает оснований надеяться на быстрое достижение успеха»[3].

Бои продолжались с нарастающей ожесточенностью. Немецко-фашистское командование вводило в бой свежие подкрепления. Советские танкисты продолжали сражаться до последней возможности. В бою за деревню Роги красноармеец Петр Смушков при появлении вражеских танков первым пополз навстречу со связкой гранат. Хорошо зная уязвимые места танка, он подбил один из них, а выскочивших из горящей машины гитлеровцев уничтожил из автомата инструктор политотдела Александр Резяпкин. Два других танка повернули в сторону и подорвались на минах. Их экипажи также были истреблены.

Немецко-фашистская авиация порой беспрепятственно бомбила наши боевые порядки и тылы, поскольку дивизия располагала минимальными средствами противовоздушной обороны. Зверской бомбежке подвергся медсанбат, располагавшийся в больничном городке на окраине Умани. Тяжелая бомба угодила в операционный корпус. Погибли раненые, врачи, медсестры. В результате одной из бомбардировок Умани взорвались цистерны с горючим. Теперь горючее для танков приходилось подвозить из-за реки Синюхи. А это — расстояние немалое. Подтягивать тылы ближе было опасно.

Командование дивизии беспрерывно требовало подвоза горючего, боеприпасов, продовольствия. Работники тыла делали все возможное для выполнения этих требований, однако подвоз затруднялся беспрерывными налетами вражеской авиации. К тому же дороги, и без того не идеальные, в результате бомбежек и участившихся ливней становились во многих местах непроезжими. Машины с боеприпасами, горючим, продовольствием доходили до переднего края с большим трудом.

Водители автомашин сутками работали без отдыха. Чтобы быстрее доставить срочные грузы в полки, машины, следовавшие в район боев, нередко сопровождались либо помощником командира дивизии по материально-техническому обеспечению подполковником В. С. Самуйловым, либо командирами автобатальона и авторот. Особенно запомнился командир автороты 149-го танкового полка старший лейтенант А. Ф. Ларин. Андрей Фомич был смелым, волевым и очень находчивым командиром. Много раз попадал он с грузами в опасные ситуации и выходил из них благополучно.

Положение на фронте между тем с каждым днем все больше обострялось. Войскам 2-го мехкорпуса, действовавшим на направлении Христиновка, Умань, и 18-й армии, сдерживавшей продвижение противника южнее — на рубеже Копай-Город, Гайсин, Ободовка, удалось открыть довольно широкие ворота для выхода из окружения ряду советских частей, но эту возможность они использовать не смогли. Части, попавшие в окружение, плохо знали общую обстановку, были сильно измотаны в многодневных кровопролитных боях и, ко всему, не имели оперативной связи с вышестоящими штабами.

К 31 июля стало известно, что вражеским танковым соединениям удалось вклиниться в расположение 6-й и 12-й советских армий, к тому времени уже сведенным в одну группу под общим командованием генерал-майора П. Г. Понеделина. А 2 августа до дивизии дошли слухи, что фашистские танки прорвались к Первомайску, в тыл группе Понеделина. В результате часть сил 6-й и 12-й советских армий, не сумевшая своевременно отойти из района Умани, оказалась в окружении. Остальные соединения этих армий отступили к Первомайску.

В трудном положении оказались к тому времени и части 2-го механизированного корпуса. Они, правда, еще вели бои, отражали атаки противника и сами порой переходили в контратаки. Однако их силы подходили к концу. Штаб 16-й танковой дивизии уже не имел телефонной связи с полками и батальонами, не ладилась и все чаще нарушалась также радиосвязь. Чтобы как-то продолжать управлять дивизией,

полковник М. И. Мындро и подполковник А. Г. Земляной время от времени посылали в подразделения танки с командирами связи. Связные уезжали и во многих случаях не возвращались — либо погибали в пути, либо попадали в плен.

*Старший инструктор политотдела 16-й танковой дивизии А. К. Резяпкин.*

Наконец прекратилась связь и со штабом корпуса. Никаких данных о противнике, хотя бы самых общих, больше не поступало. Не было уже и сплошной линии фронта. Между действовавшими подразделениями образовались большие разрывы, в которые свободно проникали подвижные части врага и оказывались там, где их меньше всего ожидали.

Многие подразделения дивизии все еще продолжали оказывать врагу отчаянное сопротивление. Выполняя приказы командира, работники тыла старались по возможности бесперебойно обеспечивать их всем необходимым. Было не понять, как водителям автомашин, доставлявшим боеприпасы, удавалось в этой сумятице отыскивать танковые роты и батальоны.

В ночь на 2 августа вместе с небольшой автоколонной, с

боеприпасами я выехал на передовую. На место, в село Лигедзино, на окраине которого в наспех отрытой землянке разместился штаб дивизии, прибыли утром. У начальника штаба дивизии подполковника А. Г. Земляного получил указания, куда прежде всего направить машины с боеприпасами. Как раз в это время вражеские танки и пехота развернули бой за овладение селом. Перевес в силах и средствах был явно на стороне противника, но танкисты все же отразили атаку. Доставленные боеприпасы пришлись очень кстати.

В полдень меня вызвал комдив. Он был до изнеможения усталым, осунувшимся, но, как всегда, подтянутым.

*Заместитель начальника политотдела 16-й танковой дивизии старший батальонный комиссар М. Д. Васильев.*

— Надо спасать тылы, — спокойно сказал полковник. — У Подвойского и Терноки еще можно прорваться. Все тыловые хозяйства приказываю отвести в район Пятихатки, и как можно быстрее, потому что с севера противник уже вышел к Синюхе. Передайте это Самуйлову. Он назначен старшим.

Это была последняя моя встреча с Михаилом Ивановичем Мындро, смелым и мужественным комдивом, человеком щедрого сердца и широкой души.

…Коридор, который еще связывал Лигедзино с тыловыми службами дивизии, простреливался гитлеровцами из всех видов

оружия и в любую минуту мог оказаться перерезанным. Собственно говоря, никакого коридора уже не было. Фашисты, скорее всего, просто не спешили преграждать естественную дорогу в ожидании, что по ней, возможно, попытаются прорваться к себе в тыл советские танки и здесь, на открытой местности, их гораздо легче будет уничтожить, нежели путем лобовых атак. На добровольную сдачу русских танкистов в плен гитлеровцы, конечно, не рассчитывали. В этом их убедили многодневные бои.

Поначалу дорога выглядела пустынной. К счастью, дожди накануне прекратились и за сутки грунт хорошо подсох. Это и помогло. Проскочили.

Подъехали к Синюхе. Добротный мост через нее оказался разрушенным. Речка Синюха — тихая и неглубокая. Где-то непременно должен быть подходящий для проезда брод. Обнаружили его километрах в пяти от бывшего моста.

Сверившись с картой, приказал шоферу ехать на северо-восток, туда, где должны были стоять тылы. Но не проехали и километра, как до нашего слуха донеслось эхо артиллерийских взрывов. Артиллерия била уже восточнее того места, где стояли тылы. Там же находился и медсанбат, забитый ранеными. Успел ли он эвакуироваться? Ушел ли обоз с боеприпасами? Ведь в нем было до трехсот автомашин.

Наконец стали попадаться бойцы и командиры из нашей дивизии, которые вырвались из полуокружения. С трудом удалось узнать, что тылы дивизии успели эвакуироваться и что не только Пятихатки, но и Подыма уже заняты немцами.

Километрах в тридцати от станции Ново-Украинка разыскал своих. Посеревший от усталости старший лейтенант П. А. Бугаенко вкратце рассказал, каких усилий стоило ему вместе с подполковником В. С. Самуйловым, инструктором политотдела А. К. Резяпкиным и заместителем начальника Особого отдела А. П. Фляжниковым вывести тылы дивизии.

Командование фронта не раз пыталось оказать помощь частям, сражавшимся в окружении. По личному указанию Маршала Советского Союза С. М. Буденного для доставки боеприпасов и продовольствия была выделена группа транспортных самолетов По-2. Работу ее корректировал старший лейтенант Бугаенко.

— Несколько раз мы вылетали в район окружения, — рассказывал Бугаенко, — но так как бои уже велись небольшими группами, многое из того, что сбрасывали, доставалось противнику.

Тогда было решено снарядить автомашины с боеприпасами, горючим и продовольствием, хотя надежда прорваться в район

боев была незначительной.

Возглавил эту колонну энергичный молодой офицер воентехник Алексеев. Он повел колонну из двадцати восьми машин. Но к передовой прорвалось лишь восемь. Четыре были подбиты вражеской артиллерией, а шестнадцать вернулись назад.

В дивизиях еще не знали, что Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая тяжелую обстановку, сложившуюся на Южном фронте, приняла решение о создании новой оборонительной линии от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кременчуг и далее на север по Днепру, включая район Киева. За эту линию отводились измотанные непрерывными боями, вырвавшиеся из окружения и полуокружения войска. Туда же предстояло отвести и тылы 16-й танковой дивизии.

По дорогам нескончаемым потоком тянулись войска и беженцы. В воздухе все время кружили вражеские самолеты-разведчики. Бомбардировщики безнаказанно, не встречая никакого сопротивления, сбрасывали бомбы на дороги, с бреющего полета расстреливали людей из крупнокалиберных пулеметов.

Тылы 16-й танковой дивизии двигались на восток, по-прежнему не имея ясного представления, где остановиться. Снова пошли дожди, грунтовая дорога раскисла. Машины буксовали, выходили из строя. Упершись плечами в борта машин, тыловики на руках вытаскивали их из грязи. А враг наступал по пятам.

Минуя Александрию, Кривой Рог, тыловые подразделения выбрались на Днепропетровское шоссе. На подступах к Днепропетровску готовился новый рубеж обороны. Работали тысячи женщин, стариков, школьников. Они отрывали окопы и противотанковые рвы.

В штабе обороны города подполковник В. С. Самуйлов получил приказ отвести колонну автомашин за Днепр в район Павлограда. К утру 10 августа тылы 16-й танковой дивизии сосредоточились в небольшом лесу у села Булаховки Павлоградского района.

# Память и долг

Группами и в одиночку выходили бойцы и командиры 16-й танковой дивизии из окружения. Тщетно пытались мы узнать о судьбе комдива, военкома, штаба и особенно о боевом Знамени дивизии. Долго не теряли надежды, что дивизионное Знамя будет спасено и 16-я танковая как воинское формирование сохранится. Но шли дни, а Знамя не поступало.

По рассказам вырвавшихся из окружения бойцов и командиров можно было более или менее точно представить судьбу полков дивизии, оставшихся на рубежах в Лигедзино. Свой боевой долг воины выполнили до конца. Они сражались до последнего снаряда, до тех пор, пока в танках окончательно не опустели баки с горючим. Многие продолжали драться с врагом и после того, уничтожали гитлеровцев из винтовок и пистолетов.

Тяжелая участь плена постигла заместителя начальника политотдела дивизии старшего батальонного комиссара М. Д. Васильева. Чудом ему удалось выжить.

«Пленных согнали в глубокий котлован между Уманским кирпичным заводом и птицефермой, — поведал после Михаил Дмитриевич. — В течение нескольких дней держали там под палящими лучами солнца, не давая ни пищи, ни воды. Многие умерли от истощения и жажды, многих гитлеровцы расстреляли, а оставшихся в живых отправили потом под усиленным конвоем в лагерь».

И все же некоторым удалось бежать, перейти линию фронта. Они-то и поведали о судьбе полков. Но о судьбе штаба дивизии, ее командира и комиссара, дивизионного Знамени никто никаких подробностей не знал. Говорили так: «Штаб, наверно, тоже погиб, потому что фашисты плотным кольцом окружили село. Прорваться не было возможности».

Некоторые красноармейцы 15-й Сивашской дивизии, вышедшие из окружения, говорили, что полковник Мындро, полковой комиссар Руденко и другие старшие командиры погибли в неравной схватке с врагом.

И все-таки нам удалось узнать подробности о боях в селе Лигедзино.

В последний час сражения, когда оставшиеся без боеприпасов орудия были взорваны, комдив полковник Мындро выехал на единственном уцелевшем танке в разведку, чтобы определить, где легче прорвать вражеское кольцо окружения.

Командиры просили его не ехать, предлагали послать их. Но он сказал:

— Котовцам смерть не ведома. — Сел в танк и повел его вперед. Место прорыва было выбрано. Но на обратном пути в танк попал снаряд. Мындро был ранен в живот. Раненный, он с трудом выбрался из горящей машины, но был убит.

Когда Мындро погиб, командование взял на себя полковой комиссар Руденко. Собрав оставшихся в живых, он повел их на прорыв. Сил было крайне мало. Прорыв не удался. Наступили сумерки. Горстка бойцов во главе с Руденко отошла к речушке и замаскировалась в камышах. Фашисты стреляли наугад, но каждый раз мины и снаряды находили новые жертвы. 4 августа в живых остались лишь семеро, в их числе и Руденко. Полковой комиссар приказал завернуть в гимнастерку боевое Знамя, документы и, переплыв речку, проскочить незамеченными. Но едва они подплыли к противоположному берегу, как были схвачены гитлеровцами. Из шестерых последних защитников Лигедзино удалось спастись лишь одному — связисту Шевелеву. Он бежал при конвоировании. Полкового комиссара Руденко гитлеровские палачи расстреляли в гестапо в Умани вечером 5 августа.

Удалось узнать судьбу и других командиров дивизии. Военком батальона политрук Пахомов слыл в дивизии отличным связистом, весельчаком. Он прекрасно выступал в самодеятельности — пел, плясал, но умел и воевать. Сколько раз под ураганным огнем ходил он на восстановление связи!

Когда шли уличные бои в Лигедзино, Пахомов с радистом Рубисом около трех часов вели неравный бой, защищая узел связи. Немцы пустили в ход танк. Пахомов поджег его связкой гранат и уничтожил экипаж. Когда минометным огнем гитлеровцы разрушили узел связи, Пахомов с Рубисом побежали к реке, в камыши. Фашисты бросились вслед. Рубис погиб. Пахомов остался один… Улучив момент, он выстрелом из автомата сразил офицера. К политруку кинулись девять солдат. В них полетела граната. Но и Пахомов был сражен автоматной очередью. Хватаясь руками за стену хаты, он из последних сил приложил пистолет к виску, крикнул:

— Все равно, гады, нас не победите! — и нажал на курок. Так героически погиб политрук Пахомов, уроженец города Балашова.

Командир батареи Чалов последним оставался в живых из командиров-артиллеристов. Весь день 3 августа его батарея вела огонь по врагу. Вражеская мина оборвала Чалову обе ноги. Когда сержант Грушев хотел вынести своего командира и спрятать его в подсолнухах, тот сказал:

— Дай мне связку гранат, а сам беги.

Едва Грушев скрылся, как к лейтенанту подбежало больше

десятка гитлеровцев. Чалов сорвал предохранительную чеку с противотанковой гранаты и подорвал себя вместе с немцами.

Героически погибли батальонные комиссары Гладышев и Карпец, старшие политруки Дерягин, Сидоров, Корнеев и другие.

…Окруженные под Уманью советские части и подразделения вели героическую борьбу до 13 августа, пока не иссякли возможности сопротивления.

## Из боя в бой

Оставшиеся в живых героические защитники Умани со дня на день ждали распределения по другим соединениям.

Как-то уже под вечер, вернувшись из Павлограда, куда ездил по какому-то делу, Павел Андреевич Бугаенко сообщил мне, что из частей и подразделений, вышедших из окружения, в городе формируются новые соединения.

— Наша недавняя соседка — пятнадцатая Сивашская тоже пополняется людьми, боевой техникой, автомашинами, — Добавил он. — Командует всем этим полковник Кравченко.

Оба мы хорошо знали Андрея Григорьевича Кравченко. Мне довелось служить под его командованием еще задолго до Великой Отечественной войны. Потом вместе с ним участвовал в финской кампании. За мужество и героизм, проявленные в боях с белофиннами, Андрей Григорьевич был награжден орденом Красного Знамени, а я орденом Красной Звезды. Расстались мы совсем незадолго до Великой Отечественной войны, когда Андрей Григорьевич получил очередное повышение по службе — был назначен начальником штаба танкового корпуса.

На прием к полковнику А. Г. Кравченко мы пришли вместе со старшим лейтенантом П. А. Бугаенко. Увидев меня, Кравченко тепло поздоровался, расспросил о судьбе дивизии, выразил сожаление по поводу случившегося.

Круто повернувшись к сидевшему возле окна полковнику в кавалерийской форме, Кравченко сказал:

— Вот вам, Афанасий Никитич, начальник тыла дивизии. Капитан Джанджгава — мой давний боевой товарищ. Вместе воевали в финскую[4].

Кравченко тут же познакомил меня с полковником в кавалерийской форме — Афанасием Никитичем Слышкиным, только что назначенным командиром по существу заново возрожденной 15-й стрелковой Сивашской дивизии. Ее прежний командир генерал-майор Николай Никандрович Белов героически погиб в боях под Уманью.

Мне и Бугаенко очень хотелось получить назначение в одно соединение, чтобы вместе продолжать боевую службу, но наши попытки добиться этого оказались напрасными. Бугаенко был назначен заместителем начальника штаба по тылу в 47-ю танковую бригаду.

Когда я получил назначение в 15-ю Сивашскую, ее переформирование уже подходило к концу. До возвращения дивизии на фронт успел близко познакомиться с командирами

полков капитаном Даниилом Игнатьевичем Давискибой, майором Тимофеем Калиновичем Шкрылевым, начальником инженерной службы дивизии Геронтием Николаевичем Шенгелия, начальником разведки капитаном Сергеем Дмитриевичем Лаврентьевым, начальником политотдела дивизии полковым комиссаром Вячеславом Григорьевичем Рунге.

В новые бои дивизия вступила в сентябре. В кровопролитных сражениях с немецко-фашистскими полчищами на Днепре, в топях реки Самары, под Казачьим Гаем, балкой Водяной, Раздорами, Артемовском и другими городами и населенными пунктами Донбасса сивашцы мужественно и стойко защищали каждую пядь советской земли, проявляли образцы невиданного героизма. Из грозных испытаний тех дней бойцы и командиры вышли еще более окрепшими, приобрели боевой опыт, умение использовать боевую технику и оружие. Героические подвиги воинов дивизии политруков А. Травина, Н. Петриченко, И. Горелика, командира батальона В. Сержанина, лейтенанта Ф. Лехницкого, медсестер В. Дацюк, Н. Суховаровой остались в памяти навсегда.

Личная смелость, самоотверженность абсолютного большинства воинов в немалой степени способствовали тому, что на отдельных рубежах дивизии удавалось сутками задерживать численно превосходящие, оснащенные новейшей боевой техникой вражеские силы.

Подходил к концу сорок первый год, неимоверно трудный и тяжелый. Первой наиболее радостной и важной вестью для всех сивашцев в те дни было сообщение о начале разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Сознание того, что Москва выстояла перед грозными силами врага и что там, в снегах Подмосковья, фашистские полчища повернули вспять, еще больше укрепляло веру в то, что в конце концов враг будет разбит, что победит наше правое дело.

В среде воинов-ветеранов по сей день бытует присловье: «Сорок первый год был трудным, но он многому научил нас. И прежде всего массовому героизму. Без героических усилий Красной Армии и всего нашего народа, проявленных в сорок первом году, не было бы победного сорок пятого».

И это правильно. Мужество и отвага года сорок первого были прологом грядущей, хотя тогда еще очень далекой Победы.

1942

# Новое назначение

Первые дни марта сорок второго года были очень холодными. Потом немного потеплело, пошел жесткий, словно рисовая крупа, снег. По ночам дул сильный степной ветер.

Контрнаступление Красной Армии под Москвой и Ростовом принудило фашистское командование несколько ослабить свой натиск на юге. Воспользовавшись этим, командование фронта вывело Сивашскую дивизию во второй эшелон в район Лисичанска. Полки приступили к оборудованию участка второй полосы обороны. Вражеская авиация в ясную погоду периодически бомбила Лисичанск и его окрестности, но для измотанных в осенне-зимних боях воинов это был все же отдых.

Во втором эшелоне снабжение продовольствием было значительно хуже, чем на передовой. Хозяйственники не привозили в дивизию и половины потребного количества продуктов.

При отступлении многие предприимчивые старшины подразделений находили возможность пополнять запасы продовольствия за счет «самозаготовок». Теперь же, когда фронт несколько стабилизировался, «самозаготовкам» пришел конец.

Да и много ли можно было заготовить в шахтерских поселках и расположенных вблизи угольных шахт деревнях?

В этих условиях мне пришлось часто приходить к командиру дивизии полковнику Слышкину и подробно докладывать о положении дел. Афанасий Никитич молча выслушивал мои нужды, но тут же ставил не менее трудные задачи.

В принципе мне нравилась служба в должности начальника отделения штаба дивизии. Свои обязанности, по мнению комдива, выполнял неплохо. Но не только по образованию, и душой я все же был строевым командиром и постоянно думал о том, что мог бы быть более полезным на строевой службе. Не раз обращался к полковнику Слышкину с просьбой о переводе в полк на любую командную должность.

Старый кадровый командир, умный и проницательный человек, Афанасий Никитич прекрасно понимал обоснованность моей просьбы, считал ее вполне справедливой, но удовлетворить не торопился. Его тоже можно было понять: не так-то легко подыскать опытного командира, способного возглавить службу тыла в столь трудную пору.

— В полк я тебя пошлю, Владимир Николаевич, — всякий раз говорил комдив. — Только не торопи меня ради бога. Сам понимаешь, лишь бы кого на твою теперешнюю должность не

назначишь.

Назначения ждал терпеливо. И однажды мне было приказано срочно прибыть на дивизионный КП. В блиндаже вместе с полковником Слышкиным находились начальник политотдела Николай Иванович Романов и комиссар дивизии полковой комиссар Николай Григорьевич Ковалев.

— Присаживайтесь, майор, поговорим, — кивнул Афанасий Никитич на единственный незанятый табурет у стола.

Комдив обратился на этот раз не как обычно по имени и отчеству, а по званию — майор, которое мне было присвоено в конце 1941 года. Такое обращение настораживало: уж не допустил ли какого просчета в работе?

— Так вот какие дела, — вновь заговорил комдив. — Просьба ваша удовлетворена. Сегодня получен приказ Военного совета армии. Вы назначены командиром шестьсот семьдесят шестого стрелкового полка. Принимайте свое «хозяйство» у полковника Жданова.

Командир полка! Наконец-то сбылось самое заветное желание.

Командир дивизии, начальник политотдела и комиссар Долго говорили о дисциплине в полку, о необходимости подтянуть людей и навести в подразделениях порядок, о том, как опираться в работе на партийную организацию.

Слушая их наставления, думал: «Справлюсь ли? Все-таки полк — хозяйство сложное. Однако быть начальником отделения штаба дивизии и фактически исполнять обязанности заместителя комдива по тылу — дело тоже далеко не из легких, тем более в условиях боевой действительности, в обстановке вынужденного отхода войск…»

*Командир 15-й стрелковой дивизии генерал-майор А. Н. Слышкин.*

— Мы считаем, что с новой должностью вы справитесь, — сказал в заключение полковник Слышкин. — Командирские навыки у вас есть. Вы уже командовали взводом, ротой, батальоном. И, как нам известно, не плохо. К тому же у вас есть еще один плюс — хорошее знание службы тыла. В общем, желаем успеха! Слава шестьсот семьдесят шестого должна быть восстановлена.

## 676-й

Полк, в который я получил назначение, был для Сивашской дивизии, как говорится, «инородным». Сформированный в 1939 году, он входил в состав 192-й горнострелковой дивизии, которой командовал тогда участник боев у озера Хасан К. И. Привалов. В составе той же дивизии полк участвовал в освобождении Северной Буковины. Великая Отечественная война застала его в Карпатах, в местечке Турка. Оттуда полк, отражая яростные атаки врага, отходил через Борислав, Дрогобыч, Станислав, Винницу на восток. В боях за Умань потерял значительную часть личного состава и боевой техники. Оставшиеся в живых воины прорвались сквозь вражеское кольцо, вышли в район Днепропетровска и сумели спасти святыню части — полковое Знамя. Из остатков 192-й дивизии 676-й полк был доукомплектован и включен в состав 15-й Сивашской.

*Комиссар 15-й стрелковой дивизии полковник Н. Г. Ковалев.*

В оборонительных боях за Донбасс полк сражался героически. Зачастую даже небольшие группы смельчаков обращали в бегство целые вражеские подразделения.

Немало героизма проявили воины полка в осенне-зимних боях 1941–1942 годов. В декабре 1941 года решением Военного

совета Южного фронта более 20 участников этих боев — воинов 676-го стрелкового полка были награждены орденами и медалями Советского Союза. Один из них — капитан Петр Будаговский удостоился самой высокой награды — ордена Ленина. Тогда же за мужество и отвагу, проявленные при спасении раненых, была награждена орденом Красной Звезды первая из девушек полка — санинструктор Зина Остапенко.

С приходом в полк командира полковника Жданова, недооценивавшего политработу, многие хорошие традиции были растеряны. Теперь предстояло вернуть полку прошлую боевую славу.

И вот 676-й полк. Первым меня встретил заместитель по политчасти батальонный комиссар Мазниченко. До этого мы знали друг друга, но теперь знакомились будто заново.

Иван Иванович Мазниченко был несколько старше меня. До войны он работал парторгом ЦК ВКП(б) на одном из крупных донбасских заводов. В боях зарекомендовал себя смелым, деловым командиром, умеющим создать вокруг себя атмосферу спокойствия и уверенности. Когда требовалось, первым поднимался в атаку. В полку его любили, как отца и наставника, и шли за ним смело в пекло сражения. Своим присутствием, краткой репликой или вовремя сделанным замечанием этот суровый на вид человек оказывал на бойцов и командиров огромное воздействие.

В первый же день Мазниченко довольно подробно ознакомил меня с настроением бойцов и командиров. Начальника штаба полка капитана В. А. Фомина охарактеризовал как командира зрелого, наблюдательного, знающего свое дело. Василий Александрович до войны работал учителем в одной из средних школ Новгорода.

— Почему полк сдал прежние рубежи славы? — спросил я у Мазниченко.

— Вся причина в том, что бывший командир, несмотря на неоднократные мои предостережения, отодвинул политработу на второй план, не опирался в работе на партийную, комсомольскую организации, а пытался делать все сам. Отсюда и последствия.

После беседы с заместителем по политчасти начал знакомство с командирами и политработниками подразделений. Всматриваясь в лица командиров, слушая их рассказы о людях, их героизме в бою, мысленно прикидывал, на что особо налечь. У одного не ладилось дело со сбережением оружия, у другого была низкая бдительность.

Как выяснилось из бесед, многие воины, особенно прибывшие

из запаса, не умели метать гранаты, плохо знали оружие, не могли сноровисто произвести перебежку, переползание, вести огонь на ходу, атаковать противника. Научить их всему этому составляло тоже одну из важных задач.

Одновременно командирам и политработникам было указано на необходимость проявлять больше заботы о питании бойцов, об их медицинском обслуживании…

— Заботу-то мы проявляем, — сказал один из командиров. — Но нам ее нечем материально подкреплять. Питание, к примеру, мы получаем из полковых и батальонных кухонь. Но как? Горячего супу поешь не всегда. Везут частенько остывший.

Вызываю помощника по тылу капитана И. М. Чернобабу и требую от него доставлять горячую пищу в любой обстановке.

Особую тревогу вызывало положение с полковой артиллерией. В прошлых боях артиллеристы понесли большие потери в людях и боевой технике. Начальнику артиллерии старшему лейтенанту Н. А. Ковригину предстояло почти заново создавать артиллерийские подразделения, а новой техники поступало на фронт, к сожалению, еще мало.

Через несколько дней я выступил с докладом на полковом партийном собрании. После заслуженной похвалы некоторых подразделений подверг резкой критике все то, что мешало полку хорошо воевать. Основанный на конкретных примерах и фактах, доклад расшевелил людей. Началось деловое, смелое обсуждение.

# И снова фронт

В первых числах апреля сорок второго года 15-я стрелковая Сивашская дивизия по приказанию Ставки перебазировалась из-под Лисичанска в район небольшого городка Боброва, что юго-восточнее Воронежа. Наш 676-й полк расположился близ станции Икорец, на восточном берегу одноименной реки. Там дивизия доукомплектовалась до штата военного времени и развернула боевую учебу. Обстановка к этому времени на фронте резко осложнилась. Стремясь взять реванш за поражение под Москвой, противник готовился к новому наступлению. Свой главный удар он нацеливал теперь в южном направлении. Предвидя это, Советское Верховное Главнокомандование принимало все меры к тому, чтобы сорвать этот замысел врага. На направление главного удара противника стягивались советские войска.

Ни командование, ни штаб дивизии поначалу не были ориентированы о предстоящей задаче дивизии. Распоряжение «сосредоточиться в районе станции Студеной и поступить в подчинение командующего 13-й армией Брянского фронта» дивизия получила уже в пути. На конечном пункте полк ждал еще один приказ — перейти к обороне рубежа Красный, Березовый, Лески, Крутец, Грековo, устье реки Фошни.

В ночь на 27 мая сиващцы сменили 143-ю стрелковую дивизию на рубеже Луговой, Вышне-Долгое. Подразделения 676-го стрелкового полка заняли 14-километровый участок обороны на восточном берегу реки Тим.

Полк был хорошо укомплектован, но растянутость оборонительного участка более чем вдвое сильно беспокоила. Надо было еще и удерживать небольшой плацдарм на западном берегу реки. Там приречная окраина села Шолохова была в наших руках. Пришлось строить оборону в одну линию, без второго эшелона. В резерве находилась лишь рота автоматчиков. Удручала и связь. Не хватало телефонного кабеля. Его приходилось заменять обыкновенной колючей проволокой, подвешивая ее на шесты. Все понимали, что при первом же артналете все эти примитивные сооружения на шестах полетят вверх тормашками. В резерве, правда, имелось несколько раций, но они не могли удовлетворить потребности.

Много хлопот доставлял плацдарм на западном берегу реки Тим. Был он совсем небольшим, однако для его обороны требовалось держать за рекой стрелковую роту и некоторые приданные ей подразделения, ежедневно обеспечивать личный состав питанием, медикаментами и боеприпасами, а переправы

были видны противнику, и он держал их днем и ночью под огнем. Несколько раз гитлеровцы пытались ликвидировать плацдарм, но полк стойко удерживал небольшой клочок земли. В случае перехода войск в наступление на плацдарме можно было развернуть до двух стрелковых батальонов.

Дни и ночи совершенствуя оборону, отрывая новые окопы, углубляя траншеи и ходы сообщения, оборудуя блиндажи и укрытия, все надеялись, что дальнейшему отступлению Красной Армии теперь положен конец. Но в первой декаде июня эти радужные мечты несколько рассеялись. Из материалов воздушной разведки стало известно о сосредоточении вражеских войск в 20–30 километрах от переднего края, как раз перед оборонительным рубежом 15-й Сивашской дивизии.

Командиров полков вызвал комдив.

— Как с разведкой? Почему нет «языков»? — сердито спросил Афанасий Никитич.

Командиры полков отвечали по-разному, но смысл ответов был один: противник все время настороже, полковым разведгруппам никак не удается скрытно проникнуть в его расположение.

— Выходит, так и будем «играть втемную»? — с нескрываемым укором сказал полковник Слышкин. — На войне это верный проигрыш.

Да. «Язык» необходим. Воздушная разведка лишь определила сосредоточение вражеских войск. Пленный же мог рассказать при допросе о цели сосредоточения.

Еще за несколько дней до вызова к комдиву довелось мне не раз советоваться с начальником штаба В. Фоминым и начальником разведки старшим лейтенантом Г. Пилипенко. Мнение было, одно: если не удастся захватить «языка» тихо, следует попытаться сделать это в бою, провести разведку боем. Эту мысль собирался высказать комдиву. Но тот опередил меня.

— Командарм приказал провести разведку боем, — объявил Слышкин. — Полагаю, наиболее подходящим местом для этого является участок шестьсот семьдесят шестого полка.

Продумайте план: где, когда, какими силами. Седьмого июня шестнадцать ноль-ноль доложите замысел и порядок исполнения.

# Разведка боем

Участок обороны, занимаемый полком, я знал хорошо и поэтому сразу же решил провести разведку боем севернее села Шолохово. Тем не менее, чтобы проверить правильность решения, вместе с начальником штаба, начальником разведки, начальником артиллерии и своим адъютантом Иваном Евзановым с наступлением темноты отправились на рекогносцировку местности. Незаметно для противника вышли на берег реки. Залегли в кустах и почти час наблюдали за передним краем вражеской обороны. При вспышках ракет нейтральная полоса и передний край были видны отсюда как на ладони. Никаких значительных сооружений противник на этом направлении не имел. Основным узлом его обороны было село Шолохово, расположенное южнее. Глубина реки позволяла переправиться без лодок. Окопы гитлеровцев шли по самому берегу.

— Хорошее место для разведки боем, — высказал свое мнение начальник штаба.

— Пожалуй, лучше не найти, — соглашаюсь.

В условленное время прибыл с готовым планом боя к комдиву. Выслушать мой доклад комдив пригласил начальника штаба подполковника Д. Л. Казаринова, начальника политотдела Н. И. Романова, начальника разведки капитана Ерофеева и начальника артиллерии полковника С. Г. Колесникова.

— Ну, теперь докладывай, майор, что вы там запланировали, — сказал комдив, когда все собрались.

Доложил быстро, без лишних слов, поскольку план боя тщательно и всесторонне продумывался. Начало разведки боем планировалось на 2 часа 30 минут пополуночи. Для участия в разведке привлекались две роты первого батальона, артиллерийский дивизион, минометная рота, группа разведчиков, саперный взвод и отделение химиков.

— Было бы неплохо, товарищ полковник, подключить и ночные бомбардировщики.

— Да, неплохо бы и ночные бомбардировщики, — поддержал меня Афанасий Никитич. — Поговорю с командармом, возможно, согласится, пришлет пару «кукурузников». А наземных сил, думаете, хватит?

— По-моему, достаточно, — ответил комдиву. — Ведь не наступать же мы собираемся, а всего лишь провести разведку боем.

После обмена мнениями комдив утвердил представленный план, при этом посоветовал провести с личным составом боевых

групп тренировку на схожей местности.

— И еще вот что, майор, — добавил комдив в заключение, — на время боя надо послать в батальон кого-нибудь из штабных командиров, который мог бы в случае необходимости помочь комбату в управлении подразделениями. Нужен не только хороший тактик, но вместе с тем смелый, решительный человек. Полагаю, найдется такой?

— Найдется, — ответил и подумал о своем адъютанте Иване Ивановиче Евзанове.

Старший лейтенант Евзанов понимал свои скромные служебные обязанности значительно шире. Человек мыслящий, наблюдательный, до дерзости смелый, он прекрасно разбирался в боевой обстановке и быстро стал надежным, толковым помощником командира полка. Приказание принять непосредственное участие в разведке боем воспринял с полным пониманием.

До начала разведывательного боя, как и рекомендовал комдив, было проведено показное занятие на местности, командирам рот и взводов подробно разъяснена боевая задача и план действий.

Поздно вечером 8 июня две роты первого стрелкового батальона, разделенные на три боевые группы, заняли исходное положение. Саперы старшего лейтенанта В. И. Корнева проделали в минных полях и заграждениях проходы. Вместе с начальником штаба и начальником артиллерии мы переместились на временный командный пункт, расположенный метрах в ста от реки Тим.

Ночь выдалась теплой и тихой. Мирно квакали у берега лягушки, беззаботно стрекотали кузнечики. Диск луны, сначала красновато-медный, с каждой минутой становился ярче. К полуночи стало так светло, что на противоположном берегу отчетливо просматривался каждый бугорок. Несмотря на светлую ночь, гитлеровцы то и дело освещали передний край ракетами. Время от времени пускались в ход пулеметы. Трассирующие пули неслись через реку.

В 22.05 позвонил комдив Слышкин.

— Ну как там у тебя?

— Светит, проклятая, — отвечаю.

— Кто? — не понял Афанасий Никитич.

— Луна.

— А ты ее буркой прикрой, — пошутил комдив.

Мне было не до шуток, но все же ответил комдиву в шутливом тоне:

— Была бы — прикрыл.

— Не обнаружил немец ваши приготовления?

— Пока вроде нет.

— Ну ладно, действуй. Удачи вам!

Откуда-то издалека послышался рокот моторов. Постепенно нарастая, он становился все громче. И вот над самой рекой неторопливо развернулись для нанесения боевого удара по окопам и траншеям противника ночные бомбардировщики По-2, прозванные на фронте «кукурузниками». Легкие и неприхотливые, они, наверно, и впрямь при необходимости могли укрыться в зарослях кукурузы. И все же гитлеровцы страшно боялись их, потому что по меткости бомбометания в ночное время не было им равных. При свете луны «кукурузники» один за другим выходили точно на цель и с небольшой высоты сбрасывали свой бомбовый груз на окопы врага.

Почти одновременно с воздушной бомбардировкой массированный огонь по вражеским окопам и траншеям открыли артиллеристы. Внезапный огневой налет ошеломил гитлеровцев, на какое-то время лишил их возможности организовать активное сопротивление.

Все три боевые группы под прикрытием огня ворвались в Шолохово. Однако успех их был не одинаковым. Правофланговая группа, продвинувшись метров на 400, попала под кинжальный огонь противника, понесла потери и вынуждена была залечь у проволочного заграждения. Центральная группа, в которой в первую же минуту боя погиб командир, поначалу отошла на исходные позиции и лишь позже включилась в бой. Удача сопутствовала левофланговой группе, наступавшей на юго-восточную окраину Шолохова. Она захватила сначала двух, а затем еще одного пленного.

Находясь на КП, с нетерпением ждал сообщений с противоположного берега. Беспокоило молчание комбата. Где он? Почему группы действуют вразнобой? Батальонный связист, находившийся за рекой, на требование позвать к аппарату комбата или его заместителя растерянно отвечал:

— Нет их тут. Где они, не могу знать.

Фомин несколько раз порывался отправиться на западный берег, но мы удерживали его, ждали звонка комбата. И вот звонок. Докладывал старший лейтенант Евзанов:

— Только что захватили пленных. Продолжается бой за овладение траншеями противника. Фашисты огрызаются, но вынуждены отходить. Почти все Шолохово наше.

— Где комбат? Что с ним?

— Видел его перед началом боя на восточном берегу. Вероятно, в соседней боевой группе.

Бой продолжался. Вовсю грохотала артиллерийская канонада. Теперь с нашего берега вели огонь два дивизиона. Противник отвечал на него силами нескольких артиллерийских и минометных батарей.

В 8.30 поступил приказ комдива полковника Слышкина о прекращении боя и отводе участвовавших в нем подразделений.

— Пленных немедленно ко мне, — приказал комдив. — Группы отводить.

Не так-то просто остановить людей, когда они достигли в бою успеха, пусть небольшого, но все-таки успеха: выбили противника из траншей, вытеснили из села. Но быстрый отход необходим, иначе может случиться беда. Для удержания Шолохова в полку нет достаточных сил. Стоит гитлеровцам подтянуть подкрепления, как батальон может оказаться отрезанным от реки. А враг уже готовился к удару. На левом фланге в стереотрубу были отчетливо видны спешащие к месту боя пехотные подразделения. Вот-вот могут появиться и танки.

Связист усердно крутит ручку телефонного аппарата. Нужен комбат, но его по-прежнему нет. Телефонную трубку на противоположном конце провода вновь берет старший лейтенант Евзанов. Приказываю:

— Разыщите комбата и как можно быстрее отводите все боевые группы на исходный рубеж.

— Почему? — спрашивает с недоумением Евзанов.

Приходится повторить:

— Отводите людей на исходные. Сейчас же, немедленно. Если нет комбата, прикажите от моего имени отходить, забрать раненых. Отход прикроет артиллерия.

— Есть, на исходные! — раздается в трубке недовольный голос адъютанта.

Артиллеристы обрушивают на противоположный берег реки заградительный огонь. Химики ставят дымовую завесу. Густой черный дым почти на километр непроницаемой стеной зависает над селом и рекою.

Начальник артиллерии полка Н. А. Ковригин не отходит от стереотрубы, недовольно ворчит:

— Все в дыму, ни зги не видно.

Росла тревога: сумеют ли разведчики довести пленных, ради захвата которых велся бой? Чего доброго, еще вырвутся, сбегут в кутерьме.

Первой вернулась на восточный берег поисковая группа младшего лейтенанта Н. К. Ясака. Насквозь промокшие, с ног до головы перепачканные глиной, разведчики сваливают в окоп трех

связанных по рукам и ногам пленных.

— Как остальные группы? Возвращаются? — спросил у рослого, широкоплечего разведчика.

— Порядок, товарищ майор, — ответил разведчик густым басом. — Все роты на реке. Под прикрытием дыма переправляют раненых.

Опять позвонил комдив и поинтересовался, доставлены ли пленные.

— Да, доставили. Трех солдат.

— Всех сейчас же ко мне. Отличившихся в бою разведчиков и бойцов подразделений представить к награждению.

Собравшиеся возле окопа бойцы комендантского взвода, штабные командиры рассматривают пленных. Разведчики успели освободить их от веревочных пут. На гитлеровцах новое, выпачканное глиной обмундирование. Судя по обмундированию, на фронте они совсем недавно. Хотелось хотя бы наскоро допросить их, но приказ есть приказ. В сопровождении нескольких бойцов гитлеровцы отправляются на КП дивизии.

Пленные оказались солдатами 279-го и 385-го немецких пехотных полков. При допросе они показали, что в район Шолохова их части прибыли пока еще в неполном составе несколько дней назад. В ближайшее время ожидается, что прибудут остальные полки 279-й и других пехотных дивизий, находившиеся до того в тылу, на отдыхе. Дивизии значительно пополнены. В конце июня, по словам пленных, готовятся перейти в наступление. Для этого стягиваются и другие части, в том числе танковые и артиллерийские.

Достоверность этих показаний предстояло перепроверить, сопоставить с данными воздушной разведки. Но так или иначе, от пленных были получены весьма важные сведения. Не оставалось никаких сомнений в том, что противник готовится нанести мощный удар по левому флангу армии. Значит, дивизия в любую минуту должна быть готовой к ожесточенному сражению.

Разведывательный бой показал, что личный состав полка в целом готов к такому испытанию. Храбро, самоотверженно действовали в разведке не только его ветераны, но и большинство новичков из пополнения, за которых мы больше всего опасались. Успех заставил молодых воинов поверить в свои силы, поверить в то, что не такие уж фашисты грозные вояки: их можно одолеть, если не теряться в бою.

Мужество и отвагу проявили многие, и, конечно же, прежде всего коммунисты и комсомольцы. Парторг первой стрелковой роты Березов, например, первым ворвался на южной окраине Шолохова во вражеские траншеи, лично уничтожил пять

гитлеровцев и своим примером бесстрашия увлек за собой воинов.

Когда один из взводов второй стрелковой роты залег у проволочного заграждения и фашисты открыли минометный огонь, политрук роты Лымарь, презирая смерть, поднялся во весь рост и с возгласом «За мной!» ринулся вперед, забрасывая окопы врага гранатами.

*Заместитель командира саперного батальона 15-й стрелковой дивизии В. И. Корнев.*

Смелым воином показал себя комсорг третьей роты кандидат в члены партии Распошенко. Действуя в составе стрелкового отделения, он уничтожил трех гитлеровцев. Несмотря на ранение, не покинул поля боя, остался в строю.

Во время уличного боя гитлеровцы окружили группу бойцов полка, среди которых был красноармеец первой стрелковой роты Крицкий, вооруженный ручным пулеметом. «Сдавайтесь, вы окружены!» — кричали фашисты в рупор. Ответ окруженных был один — биться до конца. Они уничтожили более двух десятков фашистских солдат и вырвались из окружения.

Бесстрашие, отличную выучку и ловкость показали воины разведывательного взвода, возглавляемого младшим лейтенантом Ясаком и младшим политруком Некрасовым. Взводу была поставлена важнейшая задача — захватить пленных. Вступив в рукопашную схватку, разведчики несколько фашистов истребили,

а троих взяли в плен. В бою младший политрук Некрасов был ранен, но продолжал выполнять задачу.

По подсчетам штаба полка, в ходе разведки боем было уничтожено до двухсот солдат и офицеров противника, выведены из строя четыре пулеметных расчета, разбито несколько минометов и артиллерийских орудий.

*Командир 3-го стрелкового батальона 676-го стрелкового полка Д. Л. Швендик.*

Понесли, конечно, потери и подразделения полка. Вероятно, потери были бы меньшими, если бы комбат и его заместитель по-настоящему оперативно руководили боем. Но они, к сожалению, были отрезаны артогнем противника и потеряли управление подразделениями.

По случаю удачно проведенной операции командующий 13-й армией генерал-майор Николай Павлович Пухов и член Военного совета бригадный комиссар Марк Александрович Козлов прислали в полк поздравительную телеграмму, в которой, между прочим, говорилось: «Очень важно, чтобы разведработа в дивизии не ослабевала, а наоборот, после первой удачи активизировалась во всех звеньях».

Н. П. Пухов и М. А. Козлов часто приезжали в нашу дивизию. Они знали, что дивизия, и в частности наш 676-й стрелковый полк, находятся на уязвимом направлении и потому тщательно осматривали инженерные сооружения, давали конкретные советы

по укреплению обороны. Но особый интерес они проявляли к данным об изменениях в группировке противника, его режиме, до мельчайших подробностей анализировали показания пленных.

В предвидении предстоящих оборонительных боев командование 13-й армии приказом от 20 июня почти на треть сократило участок обороны 15-й стрелковой дивизии. Это дало возможность уплотнить боевые порядки, увеличить их глубину, иметь во втором эшелоне сильный резерв.

В результате проведенной в ночь на 21-е перегруппировки войск 676-й стрелковый полк оказался правофланговым, его оборонительный участок примыкал к участку 635-го стрелкового полка 143-й дивизии, вновь возвращенной на передний край. Стык между полками был не совсем удачным: правофланговый батальон оказался отрезанным от основных сил полка глубоким оврагом.

До начала вражеского наступления я не пропускал ни одного дня, чтобы не побывать в «заовражном» батальоне. На вопрос: «Как идут дела?» капитан И. Л. Швендик, перемежая русские и украинские слова, неизменно отвечал:

— Помалэньку, товарищ комполка. За наш батальон не беспокойтесь. Встретим фрицев, як подобае.

Эти слова комбат произносил с такой непоколебимой уверенностью, что они звучали, как нерушимая клятва. Коренастый, широкоплечий, чуть-чуть застенчивый, немногословный, Иван Швендик был одним из тех командиров, которые не любят бросать слов на ветер. Он действовал всегда обдуманно, даже в самой тяжелой обстановке не принимал сгоряча решений. Иногда казалось, что Иван Лазаревич даже щеголял своей невозмутимой сдержанностью, чтобы казаться посолиднее, постарше. Было ему тогда всего двадцать лет, и он, командуя людьми во многих случаях гораздо старше себя по возрасту, стеснялся своей молодости.

В мирные дни двадцатилетние кажутся порой чуть ли не детьми. Им стараются когда нужно и не нужно подсказать пути к достижению цели, зачастую боятся оставить их наедине с жизнью, оберегая до поры до времени от всяческих невзгод. А в войну тысячи и тысячи двадцатилетних командовали взводами, ротами, батальонами, а бывало и полками. Им давались ответственные задания. Они самостоятельно принимали в боях серьезные решения. Подчиненные беззаветно верили им и с этой верой шли в смертельные бои.

В дни предгрозового затишья в подразделениях полка наряду с учебными занятиями и работой по совершенствованию обороны проводились политзанятия, беседы, активно велась подготовка к

24-й годовщине со дня создания дивизии. Многие бойцы и командиры в связи с этим подали заявления о вступлении в партию и комсомол. Тогда, в частности, был принят в члены ВЛКСМ сержант Григорий Кагамлык — впоследствии прославленный Герой Советского Союза.

# Встреча первая и последняя

Фронтовые встречи. Многих и многих участников войны не раз они удивляли и поражали своей неожиданностью. Бывало такое и со мной. Где-то вдали от родных и знакомых мест полная постоянных тревог и опасностей фронтовая судьба вдруг сводила с человеком, знакомым или просто хорошо известным, о встрече с которым даже и не мечтал.

Как-то раз вернулся я на свой полковой КП из батальона капитана И. В. Белоуса, где провел добрую половину дня. На душе было тревожно. Фашисты готовили наступление. Но когда? На каком участке обороны? Сумеет ли полк выстоять, сдержать натиск врага?

Пока ординарец возился с приготовлением ужина, я еще раз связался по телефону с комбатами. От всех получил почти одинаковый ответ: «Пока все тихо». Тишина, однако, не радовала, а заставляла еще больше настораживаться, прислушиваться к каждому тревожному звуку, к каждому выстрелу.

Послышался рев мотора, но тут же и замер возле блиндажа. Подумалось: «Опять какое-нибудь начальство». Прибывший спросил у дежурного: «На месте командир полка?» И в следующее мгновение в землянку вошел высокий стройный майор лет тридцати в форме танкиста.

— Товарищ Джанджгава? — обратился вошедший.

— Он самый, — поднялся навстречу гостю. — С кем имею честь?

— Майор Стуруа, — назвался прибывший и, поздоровавшись, добавил: — Борис Георгиевич.

Со Стуруа мне не доводилось встречаться. Но кто не знает фамилии Стуруа! Да это же сын председателя Президиума Верховного Совета Грузии Георгия Стуруа, племянник Вано Стуруа — славного соратника и друга В. И. Ленина.

О Борисе Георгиевиче в ту пору мне было мало что известно. Правда, слышал, что продолжительное время он находился за границей, выполнял задания Коминтерна, а незадолго до войны вернулся в Москву, поступил в бронетанковую академию.

— Весь день работал в полосе обороны вашей дивизии, — сняв фуражку и приглаживая густые русые волосы, как бы между прочим сообщил Борис. — Командир танкового корпуса генерал Катуков поручил мне заблаговременно разведать здешние дороги и подъезды, чтобы воспользоваться ими для нанесения танкового контрудара по врагу в случае, если он попытается прорвать вашу оборону… Устал, как сто чертей. Если не возражаете, передохну у

вас часа два-три.

— Так вы, значит, служите в первом танковом корпусе? Корпус уже прибыл?

— Да. В первом танковом, начальником разведки. Поэтому и прибыл пораньше. А корпус в походе, через два-три дня будет здесь.

«Через два-три дня! А если противник начнет раньше? Сумеет ли дивизия сдержать его до подхода танков?»

Борис между тем продолжал рассказывать о себе. В корпус прибыл прямо из Москвы, где до отъезда работал в комиссии по ленд-лизу. Перед отъездом виделся с отцом — он приезжал в Москву по служебным делам. Отец и помог добиться направления на фронт, так как не отпускали. Писал рапорт Ворошилову. Ответ получил отрицательный. Сказали: «Комиссия по ленд-лизу тоже работает для фронта». Ну а приехавший в Москву отец добился…

Хотелось по кавказскому обычаю хорошо угостить дорогая го гостя. Приказал ординарцу поторопиться с ужином и «сообразить что-нибудь», хотя знал — возможности для угощения невелики.

— Не беспокойтесь, — сказал Борис, услышав разговор с ординарцем. — Перед отъездом из Москвы я получил приличный паек.

Он вышел из землянки к бронемашине и вскоре вернулся с двумя банками консервов, плитками шоколада, несколькими пачками сигарет. Ординарец поставил на стол полную сковородку жареной картошки и сбереженную «на особый случай» бутылку водки.

За ужином вспомнили о Грузии, о Тбилиси. Разговор то и дело перебивали телефонные вызовы. В первом часу ночи позвонил комбат И. Л. Швендик и доложил, что северо-восточнее Шолохова ясно прослушивается рев моторов, скорее всего танковых. Командир первого батальона капитан Я. П. Концедалов сообщил, что его беспокоит резкое изменение в поведении противника.

— Даже реку не освещает ракетами, как обычно, — сказал он.

— На переднем крае мертвая тишина. Не нравится нам это, — высказал свое мнение комбат И. В. Белоус.

Командирам трех батальонов тут же приказал:

— Усилить разведку. Предупредить артиллеристов. Зорко наблюдать за передним краем противника.

После ужина, не раздеваясь, прилегли на топчанах. А часа через полтора адский грохот заставил мгновенно подняться.

Началось! Часы показали 3.10. Застегивая на ходу ремень, вслед за майором Стуруа выбежал из землянки. Вокруг все грохотало, скрежетало, стонало. Противник вел мощную

артиллерийскую подготовку.

— Прощай, друг! — крикнул Борис Георгиевич, подбегая к бронемашине. — Надеюсь, еще увидимся.

Машина круто развернулась и ушла в ночь. Я вернулся в землянку, чтобы управлять боем. Гитлеровцы с минуты на минуту могли форсировать Тим и атаковать позиции полка.

Увидеться с Борисом Георгиевичем Стуруа больше не пришлось. Через несколько дней стала известна печальная есть: майор Б. Г. Стуруа в бою на Тиме был тяжело ранен умер в полевом госпитале, не приходя в сознание. Он жил как герой, и погиб, как герой.

# От Тима до Кшени

Пока продолжалась артиллерийская подготовка, а она длилась с неспадающим ожесточением ровно час, короткая июньская ночь подошла к концу, начался рассвет. Туман на реке быстро рассеивался. Из батальонов один за другим следовали телефонные вызовы. Первым позвонил Швендик. Он в нескольких словах доложил обстановку: на противоположном берегу реки крупное скопление танков и пехоты противника, вражеские войска готовятся к форсированию Тима в районе Зиброво и Пятино. В свою очередь командиры первого и второго батальонов с тревогой сообщили, что против их подразделений противник тоже сосредоточил значительные силы танков и пехоты.

Позже станет известно, что только на участке обороны Сивашской дивизии немецко-фашистское командование сконцентрировало три пехотные и одну танковую дивизии, обеспечив тем самым тройное превосходство в пехоте и артиллерии, шестикратное — в танках. Главный удар наносился на стыке 13-й армии с ее левым соседом 40-й армией. А как раз на этом стыке и занимала оборону Сивашская дивизия. На левом фланге 321-й полк, в центре 47-й, правее-676-й. Еще позже выяснится и главная цель вражеского прорыва — наступление на Воронеж. Вместе с начальником артиллерии полка Ковригиным перебрались на КП полка у села Кубаново.

С КП было хорошо видно, как сразу же за переносом артогня в глубь обороны на позиции батальонов двинулись вражеские танки, а за ними — пехота и мотопехота. Начался неравный, трудный бой с превосходящими силами врага. Первой подверглась атаке стрелковая рота, оборонявшая плацдарм. В последние дни она была усилена пулеметчиками. Однако при всей самоотверженности ее личного состава, проявленной при отражении первой атаки, она не в состоянии была оказать длительное сопротивление и в соответствии с планом обороны под прикрытием артогня организованно отошла на восточный берег Тима.

Немецко-фашистские пехотные подразделения незамедлительно приступили к форсированию Тима сначала в районе Шолохово, Урынок, Быстра, Красная Косорка, затем перед населенными пунктами Нижнее Долгое, Русаново, Озерки.

В шестом часу утра поступило сообщение из правофлангового батальона капитана Швендика о том, что гитлеровцы переправились через Тим в районе Зиброво, Пятино и атаковали позиции восьмой роты, которой командовал старший лейтенант

С. И. Шкирко. Примерно в это же время в воздухе появилась вражеская авиация. Большие группы бомбардировщиков под прикрытием истребителей на широком фронте сбрасывали бомбы на передовые позиции и тылы войск. Казалось, что после длительной артподготовки и ожесточенной бомбардировки с воздуха все смешалось с землей, не осталось ничего живого. Так, вероятно, полагали гитлеровцы.

*Командир 2-го стрелкового батальона 676-го стрелкового полка И. В. Белоус.*

Преодолев реку, фашистская пехота поначалу попыталась действовать напролом, пренебрегая элементарной осторожностью. Ведя беспорядочный огонь из автоматов, пьяные гитлеровцы, как на учебных занятиях, бежали от реки к позициям полка во весь рост, предполагая, что не встретят организованного сопротивления. Однако попытки вражеской пехоты атаковать оборонительные позиции с ходу оказались безуспешными.

Вполне понятно, части дивизии, занимавшие оборону в полосе вражеского прорыва, понесли во время часовой артподготовки и бомбардировки с воздуха немалые потери, но тем не менее это не сломило решимость советских воинов держать свои позиции.

*Начальник разведки 1-го танкового корпуса Б. Г. Стуруа.*

Замечательный пример смелости и отваги показали бойцы и командиры восьмой роты. Выдвинутая вперед, эта рота первой вступила в бой с гитлеровцами, переправившимися через Тим. Фашисты бросили на ее позиции не меньше батальона. Однако встреченные дружным винтовочно-пулеметным шквалом, вынуждены были залечь. Когда комбат Швендик в соответствии с планом обороны решил отвести батальон на второй оборонительный рубеж, оставленный для прикрытия отхода пулеметчик сержант В. С. Чумак один в течение двух часов сдерживал натиск вражеской пехоты. Сначала он находился в дзоте. Фашисты открыли по дзоту массированный минометный огонь. Пулемет Чумака на какое-то время замолк. Но едва гитлеровцы поднялись, чтобы вновь ринуться вперед, пулеметная точка ожила. Метким огнем сержант Чумак опять заставил вражескую пехоту залечь.

Почти непрерывно атаковали гитлеровцы второй батальон капитана И. В. Белоуса. Однако батальон держался и продолжал отбивать вражеские атаки. Мужественно и отчаянно дрались воины этого подразделения. Несколько раз роты вступали с фашистами в рукопашные схватки. На подступах к оборонительному рубежу батальона чадили черным дымом два подожженных танка. Батальон держался из последних сил, но

Иван Владимирович докладывал: «Пока все нормально».

В отличие от медлительного и невозмутимого Швендика комбат Белоус был человеком горячим. Но даже в самые трудные минуты боя он оставался верен себе: держаться до последней возможности и лишь только в крайнем случае, взвесив все обстоятельства, обращался за разрешением об отходе на новый рубеж. В батальоне его любили за смелость, живой, веселый характер и твердую волю к достижению цели. От подчиненных он порой требовал необыкновенной стойкости. Однако никто на это не роптал. Каждое его приказание выполнялось до конца. Свой оборонительный рубеж воины второго батальона стойко удерживали даже после того, как была утрачена связь с полком, дивизией и соседним батальоном!

Первые несколько часов боя упорно оборонял свой рубеж батальон под командованием капитана Я. П. Концедалова на стыке с 47-м полком дивизии. Но когда враг предпринял новую, наиболее мощную атаку, отразить ее собственными силами батальон уже был не в состоянии. Командир полка ничем помочь батальону не мог. В его распоряжении уже не было никакого резерва. Не имел резерва и комдив. Единственно, чем располагал — дивизионом артиллерии, огонь которого он поочередно нацеливал на помощь наиболее нуждавшимся батальонам.

В результате прорыва вражеских танков в Никольское сосед справа — 47-й стрелковый полк, чтобы не оказаться в окружении, стал отходить на юго-восток. Воспользовавшись этим, неприятельские танки двинулись на северо-запад и предприняли попытку окружить батальон Концедалова.

Единственная возможность спасти батальон заключалась в том, чтобы немедленно отвести его на вторую линию обороны. Но нет связи. В этот момент только что вернулся из батальона Белоуса начальник разведки полка лейтенант Григорий Пилипенко. Приказываю ему:

— Срочно к Концедалову! Пусть отводит батальон на вторую линию.

Отдавая это приказание, прекрасно понимал, что выполнить его в сложившейся обстановке не просто трудно, но почти невозможно. Чтобы добраться до батальона, лейтенанту Пилипенко, образно говоря, требовалось преодолеть тысячу смертей. Но он все же выполнил приказание, разыскал капитана Концедалова и предупредил об опасности. В самый последний момент батальон, забрав с собой раненых, вышел из вражеского полукольца, занял оборону на рубеже Кудиново, большак на Малиновку.

Во второй половине дня обстановка еще более осложнилась.

Стремясь расширить прорыв в направлении Урынок, Никольское, Быстра, станция Долгая, три группы вражеских танков, каждая по 50–60 машин, ворвались в образовавшуюся брешь между 40-й армией и Сивашской дивизией. Их рейд немецко-фашистская авиация поддерживала с воздуха, подвергая бомбардировке советскую оборону. Для наблюдения и корректирования огня противник использовал аэростаты.

Смятые танковой волной, остатки 47-го и 321-го стрелковых полков отходили на юго-восток. Штаб дивизии потерял с ними связь. Продолжали отходить на восток и части правого крыла 40-й армии.

К этому времени 676-й стрелковый полк сравнительно организованно отошел на рубеж Зиброво, Красный Донец, Дикольское. Это была вторая линия обороны. В полку почти не оставалось артиллерии. Связь со штабом дивизии и соседями прекратилась. Полк занял круговую оборону.

Особенно смело и решительно действовали подразделения капитана Швендика. В течение нескольких часов они отразили двенадцать вражеских атак, уничтожив из ПТР, связками гранат, бутылками с горючей смесью несколько вражеских танков и бронемашин, истребив по меньшей мере триста солдат и офицеров противника.

Незадолго до захода солнца около батальона немецко-фашистских пехотинцев, используя рельеф местности, просочились в тыл полка. На защиту штаба, полкового КП и тыловых подразделений пришлось поднять всех, кого только было можно: штабных командиров, писарей… Возглавил оборону командир роты автоматчиков лейтенант Горбушин. Бой продолжался почти два часа. Противник потерял в нем более двухсот солдат и офицеров, после чего вынужден был прекратить атаки.

В отражении натиска фашистской пехоты на рубеже реки Тим, а позднее у железной дороги вместе со стрелковыми и артиллерийскими подразделениями активное участие принимали воины 75-го отдельного саперного батальона под командованием капитана И. А. Педь. Действуя на решающих участках, зачастую прикрывая отход стрелковых подразделений, саперы мужественно и самоотверженно громили врага.

В этом бою смертельную рану получил старшина Константин Ковалев. Смертью героев пали красноармейцы-саперы Иван Куян, Прохор Дробченко, Гавриил Дмитриенко.

Большую помощь полку оказывал в первый день боя бронепоезд. Курсируя по сравнительно небольшому отрезку железнодорожного полотна на участке Никольское — Долгое, он

огнем из бортовых пушек уничтожал вражеские танки, громил пехоту. Над бронепоездом почти непрерывно кружили «мессеры» и «юнкерсы», сбрасывали на него бомбы, но так и не смогли поразить его. Стальная крепость продолжала жить и действовать. Когда же гитлеровцы разрушили железнодорожное полотно, экипаж взорвал бронепоезд и вместе со штабом Сивашской дивизии отошел в Нижнее Ольшаное.

Между тем над 676-м стрелковым полком, продолжавшим держать оборону на рубеже Зиброво, Красный Донец, Никольское, все явственнее нависала угроза полного окружения. К исходу дня от разведчиков стало известно, что кольцо окружения не замкнуто лишь на небольшом расстоянии в районе железнодорожного разъезда Студеный.

С наступлением темноты разведчики еще раз побывали на разъезде. Гитлеровцев там действительно не оказалось. Это имело чрезвычайно важное значение: ведь полк не просто должен был отойти, оторваться от противника, но и вынести с собой большое число раненых.

Полк вышел благополучно, без боя и на рассвете установил связь со штабом дивизии. Через день ночью возвратились и два других полка, отброшенных ударом противника в сторону 40-й армии. Ими была занята оборона на рубеже Юрское, Юдино.

# На реке Кшень

Как только дивизия переправилась на восточный берег реки Кшень, полкам была поставлена боевая задача — преградить противнику путь на Ливны с юга, не допустить развития вражеского наступления в северном и северо-восточном направлениях. Такая задача даже для полнокровной стрелковой дивизии была непосильной. А в Сивашской дивизии к тому времени осталось в общей сложности не больше полка. Стрелковые батальоны лишь номинально считались батальонами. В каждом из них едва ли можно было насчитать до роты. К тому же люди после трех дней непрерывных боев буквально валились с ног от усталости.

Командованию армии и дивизии все это было хорошо известно. Известно было и то, что противник по-прежнему располагал превосходящими силами. Тем не менее приказ «преградить путь на Ливны» надо было выполнять.

Отдавая приказ на оборону, комдив предупредил командиров:

— Для противника не составит большого труда форсировать Кшень. Речушка небольшая. И все же надо держаться, друзья. Знаю, трудно. Но в армии обещали помощь — на подходе танковый корпус Катукова. Подойдут танки, легче будет.

Танки! Наши танки!.. Когда-то они подойдут? А пока все внимание — борьбе с фашистскими танками.

Кшень гитлеровцы форсировали под вечер 2 июля в районе населенных пунктов Калиновка, Ломигоры, Богдановка. И сразу — атака. Только против 676-го полка фашисты ввели в бой до полусотни танков и несколько пехотных батальонов.

Первую атаку полк с трудом отбил незадолго до восьми вечера, примерно через час после ее начала. Это был поистине героический подвиг всего полка. С минимальной артиллерийской и минометной поддержкой бойцы, командиры, политработники смело вступали в неравные поединки с танками и следовавшей за ними пехотой врага. Грохот орудийных выстрелов, взрывы мин и снарядов, пулеметные очереди «максимов» и «Дегтяревых», рев танковых моторов, стрекот автоматов, винтовочные выстрелы — все слилось в страшный, оглушающий гул.

Артиллерийские снаряды, связки гранат, бутылки с зажигательной смесью то в одном, то в другом месте останавливали вражеские танки. Но гитлеровцы лезли напролом и без танков. Там, где им удавалось врываться в боевые порядки полка, завязывались рукопашные схватки. Некоторым воинам

полка нередко приходилось одновременно драться с пятью-шестью вражескими солдатами.

Десять фашистских вояк окружили рослого красноармейца Никитина. «Рус, капут. Хенде хох!» — кричали они, намереваясь захватить Никитина в плен. «Сейчас», — ответил боец и, вскинув винтовку, уложил двух гитлеровцев. Остальных прикончили его соседи по окопу.

Небольшую группу красноармейцев во главе с парторгом роты сержантом Михайловым атаковало довольно крупное подразделение гитлеровцев. Чтобы упредить врага, Михайлов поднял бойцов в контратаку и первым вступил в рукопашный бой: одного фашиста застрелил, другого заколол штыком, третьего оглушил прикладом винтовки… Следуя примеру парторга, так же смело дрались и остальные бойцы. Фашисты дважды атаковали группу Михайлова, но так и не смогли сдвинуть ее с занимаемого рубежа.

Под утро вместе с капитаном Белоусом я поднялся на чердак одного из уцелевших домов, где был оборудован полковой НП. Стояла ранняя предбоевая тишина. Казалось, было слышно, как колышатся, беззаботно перешептываясь между собой, тугие колосья на большом ржаном поле. Совсем по-мирному щебетали предвестники ведренного дня ласточки, пели свою извечную песню кузнечики. И как-то совсем не вязались с этим ранним летним утром черные шлейфы дыма, тянувшиеся от не остывших за ночь пожарищ.

Тишина на фронте часто бывала обманчивой, быстро сменялась грохотом боя. Так было и в этот раз. Когда блеснули первые лучи солнца, перед взором всех, кто находился на НП, открылся развернутый строй вражеского войска — десятки танков, бронемашин, несколько батальонов пехоты. В небе появилось множество «юнкерсов». Разворачиваясь и переходя в пике, они сбросили на позиции полка не меньше двухсот бомб. Одновременно наземные силы врага двинулись в атаку.

И опять горели танки, бронемашины. Опять вражеская пехота, не считаясь с потерями, наваливалась на позиции батальонов полка. Но вот открыли огонь полковые, дивизионные минометчики, артиллеристы, пулеметчики, стрелки, и фашисты не выдержали ответного огня, залегли, а некоторое время спустя, оставляя раненых, убитых, стали пятиться назад. Перед позициями батальонов чадили подбитые танки и бронемашины. Первая утренняя атака врага была отражена.

Не прошло, однако, и получаса, как началась вторая. Высоко в небе появился аэростат-корректировщик. Под прикрытием мощного артиллерийского огня, корректируемого с аэростата,

вражеским танкам и пехоте удалось ворваться в боевые порядки полка. Наступил критический момент. Полк уже не имел сил для удержания рубежа. К тому же вновь прервалась связь с соседями — 47-м и 321-м полками.

Не прекращая боя, первыми стали отходить к селу Огрызково остатки батальона капитана Концедалова, а затем и остальные подразделения. Отход прикрывали ротные минометчики и рота ПТР. И вдруг минометный огонь прекратился.

— Немедленно к минометчикам! — приказываю инженеру полка старшему лейтенанту Владимиру Мысину. — Огонь по пехоте не прекращать! Ни на минуту!

Владимир Никанорович бросился к минометчикам. Как выяснилось, в расположение минометной роты внезапно ворвался вражеский танк с десантом автоматчиков. Завязалась схватка. Десант разгромили быстро. Однако оставшаяся без прикрытия рота ПТР вынуждена была отойти. Фашистские танки ринулись на правый фланг полка. Это вынудило меня отдать приказ отойти на новые позиции.

Не всем и не сразу удалось оторваться от противника. Группу бойцов третьего батальона, прикрывавшую отход основных сил полка, дважды атаковала вражеская пехота при активной поддержке артиллерии. И дважды пришлось фашистской пехоте пятиться назад, неся большие потери. Комбат Швендик так умело организовал массированный огонь из пулеметов, автоматов и винтовок, что гитлеровцы прорваться к окопам оборонявшихся не смогли.

На усиление полка комдив прислал саперную роту старшего лейтенанта А. Т. Германа. Подкрепление пришло вовремя. Утром 2 июля противник атаковал полк втрое превосходящими силами. Роте саперов было приказано подпустить вражескую пехоту на близкое расстояние и открыть дружный пулеметный, винтовочный огонь. Атака фашистам не удалась.

Во время боя сержант И. И. Хилько увидел, что по лощине во фланг роте двигается большая группа гитлеровцев. Фашистский офицер, не добившись успеха лобовыми атаками, решил внезапно атаковать саперов с фланга. Иван Хилько, вооруженный ручным пулеметом, бросился к лощине, быстро выбрал удобную позицию и встретил фашистов метким огнем. На помощь сержанту поспешили младший сержант Федор Ткаченко и рядовой Семен Барабанов. Трое против целого взвода! И все же победу одержали саперы. Пулемет Хилько и два автомата, которыми искусно владели Ткаченко и Барабанов, долго сдерживали взвод фашистов. К тройке отважных присоединились еще четыре красноармейца — Бородько, Голенко, Городищанов и Дановский.

Потеряв половину взвода убитыми, гитлеровцы откатились назад.

В исключительно трудном положении оказался комендантский взвод полка. Он был атакован и полуокружен ротой фашистской пехоты. В завязавшемся неравном бою многие красноармейцы и младшие командиры погибли. Но в конечном итоге вражеская пехота была рассеяна. Командир взвода лейтенант Георгий Чхенкели из автомата и гранатами истребил несколько вражеских солдат.

В числе тех, кто с оружием в руках самоотверженно отражал атаки врага, был уполномоченный Особого отдела полка старший лейтенант Клименко. Хотя по должности ему вовсе не обязательно было находиться в боевых порядках, но он все время был на переднем крае. Неподалеку от населенного пункта Огрызково старший лейтенант пал смертью героя.

А вражеский аэростат-корректировщик все висел и висел, как дамоклов меч, как проклятие, и, естественно, раздражал бойцов и командиров:

— Висит злодей, и ничего с ним не сделаешь, — с досадой говорили они. — Эх, парочку истребителей бы сюда. С земли его не возьмешь.

Зенитный взвод старшего лейтенанта Зубченко предпринимал несколько попыток сбить дирижабль, но безуспешно. Лишь незадолго до исхода дня в небе появился единственный советский истребитель. Сделал круг, другой. Поднялся еще выше, как бы мимоходом полоснул пулеметной очередью, и аэростат вспыхнул ярким пламенем и рухнул наземь.

Ночью полк снова отходил на северо-восток. В нем были ослабевшие подразделения. Навалилась и еще одна беда. Вновь прервалась связь с соседними полками, со штабом дивизии, который, как позже выяснилось, перебазировался из населенного пункта Нижнее Ольшаное в Верхнее Ольшаное. Многократные попытки установить хотя бы живую связь через посыльных оставались безрезультатными. В глубь обороны прорвались вражеские танки. Где теперь наши полки и штаб дивизии?

Отходили с горьким чувством обиды и разочарования. Потерять столько людей, техники — и вдруг отойти? Новый рубеж обороны сначала предполагалось занять на подступах к Огрызково, но пришлось отходить дальше. Кто знает, сколько бы продержались? Может быть, еще один бой — и от полка ничего бы не осталось.

Но, как говорит пословица, не бывает худа без добра. Полк отходил как раз в том направлении, по которому в сторону фронта двигался танковый корпус генерал-майора М. Е. Катукова.

# Теперь главное — стоять насмерть!

С командиром танковой бригады майором В. М. Гореловым встретился я уже под вечер 2 июля недалеко от Огрызково. Поздоровавшись, комбриг сразу же приступил к уточнению обстановки.

— Где противник? Его главные силы?

— Противник рядом. Обстановка — хуже некуда. Фашисты прут напролом. Может, выедем посмотрим?

— Вы правы. На месте виднее, — согласился Горелов. В сопровождении нескольких танков мы двинулись к Огрызково. Почти у самого села встретили немецких автоматчиков. Они, по всей вероятности, не ожидали появления советских танков. Воспользовавшись внезапностью, наши танкисты за каких-нибудь двадцать минут полностью разгромили вражескую роту. Уйти от огня и танковых гусениц удалось лишь немногим.

Когда мы с майором Гореловым вернулись на КП полка, там нас ждал офицер связи из штаба дивизии. Он сообщил, что 3 июля планируется совместный с 1-м танковым корпусом удар. Его задача — ликвидировать противника в районе Захаровки и восстановить положение на восточном берегу Кшени. 676-му полку, в частности, было приказано освободить село Калиновку и совместно с 89-й танковой бригадой отбросить противника за реку.

С прибытием на фронт 1-го танкового корпуса положение 13-й армии в целом и 15-й стрелковой дивизии в частности коренным образом улучшилось. На ряде участков немецко-фашистское командование еще пыталось предпринимать атаки, но все они терпели неудачи.

Часа в два ночи в мою землянку вошел моложавый стройный командир. При тусклом свете коптилки я не сразу рассмотрел четыре «шпалы» в петлицах его гимнастерки и не сразу узнал своего давнего наставника, вместе с которым продолжительное время служил в 173-й дивизии, воевал против белофиннов, участвовал в освободительном походе в Бессарабию.

— Ну, здравствуй, Володя! — сказал он, протянув руку.

Знакомый, очень знакомый голос. Неужели полковник Кравченко? Да, это был он — Андрей Григорьевич Кравченко, которым в последний раз мы виделись осенью сорок первого года под Павлоградом.

— Рассказывай, как идут дела, — присаживаясь к столу, обратился полковник Кравченко. — Вижу, растешь. Уже подполковник. А когда мы расставались, ты, кажется, был

капитаном. Не так ли?

— Да, так.

— Ну а я теперь в первом танковом, начальником штаба у генерала Катукова, — как бы мимоходом заметил Андрей Григорьевич.

— А я, как видите, командую полком. Вы спрашиваете, как дела? Плохи дела, Андрей Григорьевич. От полка едва батальон остался, почти нет артиллерии, а фашист все прет.

— Ничего, Володя. Все обойдется.

О многом хотелось расспросить Андрея Григорьевича, узнать о судьбе бывших сослуживцев, но для воспоминаний и разговора на личные темы время было неподходящее. Вместо расспросов вызвал начальника штаба полка капитана Фомина, и мы втроем занялись разработкой плана предстоящего боя.

Контратака с целью улучшения позиции была назначена на 19 часов 30 минут 3 июля. В помощь полку комдив выделил один артдивизион. Сразу же после непродолжительной артподготовки пехота и танки двинулись вперед. Судя по всему, контратака застала гитлеровцев врасплох. Отдельные подразделения врага, неся потери, стали отступать. Тем не менее на улицах села Огрызково развернулся ожесточенный бой. Особенно сильное сопротивление оказали гитлеровцы, засевшие в кирпичных домах. Один из таких домов пришлось с боем брать группе бойцов под командованием сержанта Подгородецкого. Подобравшись к дому, красноармейцы метнули в его окна одновременно несколько гранат. Вражеский пулемет захлебнулся. Гитлеровцы были уничтожены.

В бою за освобождение села Огрызково мужественно и самоотверженно дрались все воины полка и танкисты. Особенно отличились лейтенанты Синельников и Ларченко, парторг стрелковой роты сержант Михайлов, заместитель политрука Наумов, красноармеец Иванов и другие.

Сломив сопротивление врага, полк при активной поддержке танков освободил еще два населенных пункта, захватил противотанковую пушку, три пулемета, несколько автомашин. Оборонительные позиции были улучшены.

Ночью и в последующие дни немецко-фашистские части предпринимали неоднократные попытки вновь продвинуться вперед, но во всех случаях получали отпор.

*Инженер 676-го стрелкового полка лейтенант В. Н. Мысин.*

Бои местного значения продолжались до 8 июля, после чего фронт на участке 15-й стрелковой дивизии, как и всей 13-й армии, стабилизировался. На совещании командно-политического состава были подведены некоторые итоги. Начальник штаба дивизии подполковник Д. Л. Казаринов доложил, что, по предварительным подсчетам, за 10 дней боев силами дивизии было уничтожено свыше 11 тысяч солдат и офицеров противника, 41 танк, 25 автомашин с боеприпасами и продовольствием, 18 артиллерийских орудий, 18 пулеметов, 11 минометов.

— Наши полки и батальоны делом доказали беззаветную храбрость и мужество, — сказал в конце совещания комдив Слышкин. — Все части и подразделения с исключительной стойкостью защищали оборонительные рубежи, проявили массовый героизм. На своем участке мы остановили врага, не дали ему развить наступление на Ливны. Противнику нанесен большой урон в живой силе и технике, однако и дивизий понесла большие потери.

«Да, комдив прав. Мы потеряли много людей, — с грустью думал я, слушая выступление комдива. — От полка осталось меньше батальона. Такое же положение и в других частях. Теперь, как воздух, нужно пополнение, иначе при первом же новом ударе

придется снова отступать…» И еще тогда подумалось о том, что, не поддержи дивизию вовремя танки генерала Катукова, противник наверняка смял бы сильно обескровленные стрелковые полки.

После всего того, что пришлось пережить личному составу 676-го полка во время боев на реках Тим и Кшень, переход к обороне был встречен бойцами и командирами, как радостное событие. Непрерывные многодневные бои до предела измотали людей. Требовался отдых. Хотелось просто по-человечески выспаться, привести себя в порядок.

*Дивизионный инженер 15-й Сивашской дивизии В. П. Егоров (послевоенный снимок).*

Однако командование не удовлетворяла сложившаяся обстановка. Определенный успех, конечно, налицо: противник понес большие потери и вынужден перейти к обороне. И все же опасность дальнейшего отхода в случае нового натиска врага еще существовала. Уж очень непрочна собственная оборона. Рубеж дивизии растянулся в междуречье Кшени и Олыма на двадцать с лишним километров! В дивизии почти нет артиллерии, нет вторых эшелонов. Со стороны противника вся глубина обороны просматривается визуально. Вражеская артиллерия держит под постоянным обстрелом дороги. Частым огневым налетам также подвергаются населенные пункты, где размещаются штабы и

тылы полков.

Вся надежда на поддержку танкистов, расположившихся в глубине обороны дивизии. Но сколько у них осталось боевых машин, было неизвестно.

В первые дни после прекращения активных боевых действий комдив Афанасий Никитич Слышкин вместе с дивизионным инженером Г. Н. Шенгелия (несколько позже его сменил капитан В. П. Егоров) и начальником разведки капитаном И. В. Ерофеевым почти все время находились в полках, проверяли состояние обороны.

— Пока не получим пополнение, одна надежда — земля, — всякий раз напоминал комдив Слышкин. — Чем лучше и быстрее окопаемся, глубже зароемся, тем больше шансов отбить новые атаки врага.

Начальник штаба дивизии подполковник Казаринов при личных встречах и разговоре по телефону непременно подчеркивал:

— Постоянно наблюдайте за противником, своевременно докладывайте о всех, даже самых малейших переменах в его поведении.

В полку и сами прекрасно понимали, что любое промедление с укреплением оборонительного рубежа противник может использовать в своих интересах. Поэтому все воины без устали трудились на строительстве оборонительных сооружений: отрывали и оборудовали окопы для стрелковых отделений, минометов, противотанковых пушек и ПТР, строили доты, блиндажи. В этой работе огромная роль принадлежала и воинам 75-го отдельного саперного батальона.

Несколько дней провел в нашем полку начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Николай Иванович Романов. Он беседовал с бойцами и командирами, интересовался состоянием партийно-политической работы, практикой рассмотрения заявлений о приеме в партию и комсомол. Вообще-то политотдельцы не часто жаловали полк своими посещениями. Больше всего они бывали в других частях дивизии. И вовсе не потому, что не уважали 676-й, а скорее всего из-за того, что партийно-политическая работа здесь была организована значительно лучше. В политотделе частенько хвалили военкома полка И. И. Мазниченко, секретаря полкового партбюро Юрия Чаплыгина, агитатора полка А. И. Рыбалко. Хвалили за умелое руководство партполитработой, за ее предметность и целенаправленность. И с этим нельзя было не согласиться. Мазниченко и Чаплыгин в любой боевой обстановке

находили возможность оказывать положительное воздействие на личный состав. Они имели и в каждой роте, в каждом взводе много боевых помощников — парторгов, агитаторов, редакторов боевых листков, широко привлекали к работе коммунистов и комсомольцев. Весь день Романов интересовался опытом партполитработы в динамике боя и только поздно вечером ушел в соседний 321-й полк.

— До встречи в политотделе, — сказал он перед уходом. — Соберемся, обсудим ваш опыт. Сам выступлю с докладом.

Осуществить задуманное Николаю Ивановичу не пришлось. На другой день по дивизии разнеслась печальная весть: начальник политотдела погиб. Случилось это так. Противник внезапно открыл по расположению 321-го полка артиллерийский огонь. Николай Иванович, беседовавший с бойцами, позаботился прежде всего о том, чтобы все воины, слушавшие его беседу, укрылись в траншее, а сам, не добежав до окопа всего три метра, был сражен осколком. Для всех воинов дивизии это была большая утрата. Они потеряли умного, авторитетного, беззаветно преданного Родине руководителя, вожака солдатских масс.

В тот же день меня и военкома полка срочно вызвали в Гатищенские Выселки, где располагался командный пункт дивизии. Туда же прибыли командиры и комиссары других полков, начальники отделов и служб. По приказанию подполковника Казаринова командиры построились в две шеренги.

Перед строем появился комдив полковник Слышкин. Лицо хмуро, даже кажется черным от чего-то случившегося неимоверно тяжелого.

— Слушай приказ наркома обороны СССР! — развернув листы, произнес комдив и начал читать.

Суровые, больно хлещущие строки приказа наркома обороны были обращены прежде всего к бойцам, командирам и политработникам южного крыла советско-германского фронта, к тем армиям и дивизиям, которые под натиском превосходящих сил врага с тяжелыми боями отходили к Волге, Сталинграду, к предгорьям Кавказа. Но в общих неудачах каждый из сивашцев видел и свою личную вину. Ведь отошли же от Тима и Кшени, не выстояли, оставили врагу десятки сел и деревень.

Ссылки на трудности, на отсутствие резервов, на превосходство противника в силах и средствах — не оправдание. «Стоять насмерть! Ни шагу назад!» — вот что было теперь самым главным и самым важным.

# Сто семь метров под землей

На оперативной карте высота обозначалась цифрой «224». Расположенная неподалеку от деревни Мишино, в нескольких сотнях метров от берега реки Кшень, она господствовала над окружающей местностью. Имела она и еще одну особенность: на северных склонах, почти у самой ее вершины чернели стальные коробки двух сгоревших танков.

Гитлеровцы не замедлили воспользоваться сгоревшим танками и устроили в них артиллерийский наблюдательны: пункт, с которого хорошо просматривалась вся глубина обороны 676-го полка.

Полковые и дивизионные артиллеристы не раз пытались ликвидировать вражеский НП, но ни бронебойные, ни фугасные снаряды не достигали цели. Не дала никаких результатов и попытка использовать огнеметные средства. Разбомбить танк с воздуха было невозможно, так как траншеи передовой линии проходили от него метрах в ста.

В середине августа на полковой командный пункт прибыли комдив и дивизионный инженер В. П. Егоров.

Ветеран 15-й Сивашской дивизии Василий Павлович Егоров шел в ее рядах с первого часа войны. Немало сил положил он на строительство инженерных сооружений на различных участках фронта, где занимала оборону наша дивизия. Это был не только опытный инженер, но и отважный воин. В боях под Уманью, в топях реки Самары, на Донбассе не раз брал он автомат и дрался с врагом в одном ряду с солдатами.

В саду по соседству с КП состоялся разговор о том, как все-таки ликвидировать вражеский наблюдательный пункт. Пришли к единственному выводу — принять предложение Егорова: сделать под сожженные на высоте танки подкоп, заложить побольше взрывчатки и подорвать коварный НП. Для этого требовалось проложить под землей более чем стометровую галерею.

Ответственность за выполнение столь необычного боевого задания была возложена на меня, а непосредственное руководство работами поручалось командиру саперного подразделения старшему лейтенанту В. И. Корневу. К выполнению задания привлекались две саперные роты, а также некоторые подразделения полка.

Прежде всего требовалось определить, откуда вести подкоп, чтобы противник ничего не заметил. Почти всю ночь мы с Корневым ходили по траншеям, ползали по переднему краю. В конце концов наиболее подходящее место было выбрано — самая

близкая от высоты траншея. На следующую ночь саперы — старший сержант И. И. Хилько и сержант П. Т. Безносенко определили точное расстояние до вражеского НП. Оно равнялось 107 метрам.

Размер галереи выбрали такой: высота 110, ширина 90 сантиметров. Метров пятнадцать саперы прорыли сравнительно легко, а дальше с каждым метром работать становилось труднее. В «забое» становилось все теснее, не хватало воздуха… А работа адская. Причем все это делалось либо лежа, либо на коленях. Саперов пришлось сменять через каждые пять минут.

Работали по двое. Но и тогда воздуха не хватало. Было решено через каждые 2–3 метра пробивать наверх специальные отверстия, своеобразные вентиляционные трубы. Однако вентиляция и после того оставалась недостаточной. Кислородное голодание и высокая температура в галерее выматывали людей до изнеможения. И так целый месяц.

Наконец к середине сентября отрывка галереи была завершена. Требовалось, однако, окончательно убедиться, действительно ли зарядная камера находится под сожженным танком, внутри которого располагался вражеский НП. Мы с Корневым проползли туда, прислушались к различным шумам наверху — топоту ног, людским голосам. Сомнений не оставалось — зарядная камера находится непосредственно под сгоревшим танком.

Той же ночью саперы перетащили в зарядную камеру взрывчатку, сделали подводку от подрывной машинки. Перед полком была поставлена задача — использовать взрыв для захвата высоты 224. Для этого выделялось два сводных отряда, по усиленной роте в каждом.

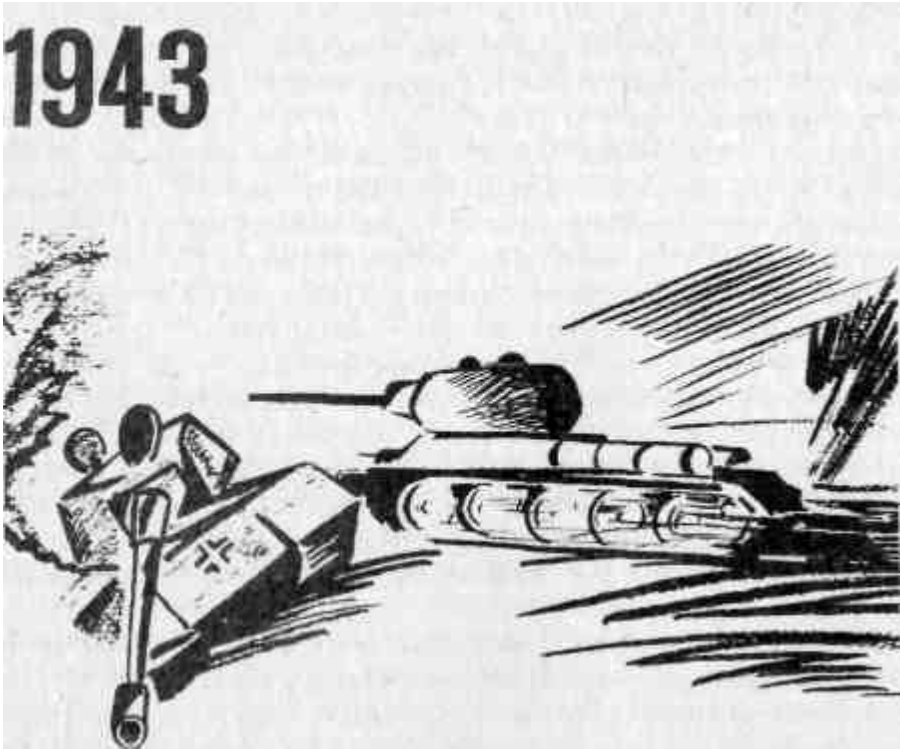
14 сентября сводные отряды заняли исходные позиции для атаки. На полковой КП прибыл комдив Слышкин. На всем участке обороны полка было тихо. Необычайно теплый для середины сентября день подходил к концу. До захода солнца оставалось несколько минут. По команде комдива повернул ручку подрывной машинки. Раздался оглушительный взрыв. Черные клубы дыма окутали высоту. Секунду спустя загремели новые взрывы. Это взлетело на воздух минное поле, окружавшее уничтоженный наблюдательный пункт врага.

С криком «Ура!» сводные отряды полка ринулись вперед. После непродолжительной рукопашной схватки высота 224 была взята.

Все последующие месяцы сорок второго года полк, как и вся дивизия, укреплял оборону, совершенствовал боевую выучку воинов, пополнялся людьми. До января 1943 года на участке

дивизии было относительно тихо. Немецко-фашистским войскам, увязшим в ожесточенных сражениях под Сталинградом и на Кавказе, в ту пору было не до наступления на ливенском направлении.

# 1943



# В тревожном ожидании

Уже несколько месяцев войска 13-й армии стояли в обороне. Противник не предпринимал в полосе армии каких-либо серьезных попыток возобновить наступление. Время от времени возникали бои местного значения, стычки между разведывательными подразделениями.

Фронтовое затишье… Еще совсем недавно каждый день передышки представлялся всем несбыточным благом. В часы затишья можно было немного передохнуть, привести себя в порядок, написать письмо домой, несколько дольше поспать, укрывшись шинелью, не спеша поесть, спокойно покурить, потолковать с соседом по окопу. А что еще нужно воину, уцелевшему в жестоком бою?

Радоваться бы только: нет боев, нет потерь. Между тем чувствовалось, что стоять в обороне всем осточертело.

— А когда все же будем наступать, товарищ подполковник? — интересовались бойцы.

Однако отвечать на эти вопросы приходилось уклончиво. Настанет время, и Красная Армия погонит врага на запад, очистит родную землю от фашистских захватчиков. Теперь же задача — ждать приказа, быть в любой момент готовыми к боям в обороне и в наступлении.

Поздней осенью сорок второго года стали поступать первые добрые вести из-под Сталинграда. Красная Армия остановила наступление врага, окружила огромную группировку немецко-фашистских войск, а зимой сорок третьего года отразила и вражеские попытки прорвать кольцо окружения. Каждое новое сообщение об успехах советских войск на Волге встречалось с огромной радостью, поднимало наступательный порыв.

Зима 1942/43 года на Орловщине выдалась исключительно снежной и морозной. Проведенное в полку тактическое учение показало, что стрелковые подразделения продвигались по снегу недопустимо медленно. А артиллерия вообще в снегу увязла.

— Надо ставить людей на лыжи, — предложил начальник штаба майор Фомин. — Без лыж трудно будет вести боевые действия, тем более наступать.

— Предложение дельное, — поддержал его начальник артиллерии Ковригин. — Неплохо было бы, кроме того, иметь несколько десятков саней для подвоза боеприпасов и быстрой переброски станковых пулеметов, тяжелых минометов. Только где мы возьмем эти лыжи и сани?

— Будем делать собственными силами, — решил я.

В полку нашлось немало плотников и столяров, отличных мастеров своего дела. К началу 1943 года полк располагал уже пятьюстами парами лыж и тридцатью санями. Было решено в первую очередь сделать «лыжными» батальон капитана Швендика, роту автоматчиков и разведывательный взвод.

Общее наблюдение за подготовкой лыжников вел майор Фомин. Малоподвижный на вид штабист, вставая на лыжи, как бы преображался: быстрой тенью скользил меж деревьев, ловко обходил препятствия. С неутомимым жаром рассказывал он новичкам о преимуществах лыжников перед пешими стрелками.

Создание и обучение лыжных подразделений заняло важное место в подготовке полка к будущим наступательным боям, о времени начала которых воины армии тогда еще не имели никакого представления. Между тем время это близилось, выдвигая на первый план новые заботы.

# Активизировать разведку!

Первые дни сорок третьего года ознаменовались и событиями, которые говорили о близившихся переменах. Увеличился подвоз боеприпасов и новой боевой техники. Полку значительно сократили участок обороны. Хотя все приготовления держались в тайне, приближение дня наступления все же чувствовалось. Командование дивизии заинтересовалось разведкой переднего края противника в районе так называемого Боркинского узла сопротивления.

Из показаний военнопленных, захваченных еще в декабре, в общем-то было известно, что на участке 145-й Сивашской дивизии оборону держит 82-я немецко-фашистская пехотная дивизия с приданными ей танками и артиллерией. Не оставалось секретом и то, что вражеская оборона включала в себя ряд сильно укрепленных узлов сопротивления, что многие прифронтовые села, деревни и высоты превращены гитлеровцами в опорные пункты, а передний край прикрыт тремя рядами проволочных заграждений и минными полями.

Однако этих сведений было все-таки недостаточно. Требовалось точнее определить глубину вражеских противотанковых узлов, места сосредоточения его резервов и вторых эшелонов.

Разведпоиски на участке нашего полка проводились теперь почти каждую ночь. С такой нее настойчивостью прощупывалась вражеская оборона и в других местах.

В первых числах января поисковая группа под командованием младшего лейтенанта Ермолаева, воспользовавшись пургой, проникла довольно далеко в тыл врага, захватила даже «языка», но доставить его живым в расположение полка не смогла. Во время завязавшейся перестрелки пленный был смертельно ранен.

В другой раз в разведку вышла группа старшего лейтенанта Лебежихина. Она сумела преодолеть минное поле, проволочное заграждение, полосу так называемых «спотыкачей» (натянутых вдоль хода сообщения веревок с подвешенными к ним погремушками — металлическими банками, звонками, пустыми гильзами снарядов), но тоже вернулась без «языка».

Усиление разведки, видимо, встревожило противника. Гитлеровцы все чаще стали обстреливать передний край из артиллерии и минометов. Бывали дни, когда только на участок обороны полка обрушивалось от 1200 до 1500 вражеских снарядов и мин.

В январе противник дважды пытался на участке полка вести

разведку боем. Первая такая попытка была 10 января. Рано утром до полуроты гитлеровцев под прикрытием мощного артиллерийско-минометного огня из Набаново и Васильевки попытались прорваться к позициям полка у высоты 208,9. Воины подпустили разведчиков врага на близкое расстояние к колючей проволоке и открыли сильный огонь. Гитлеровцы сначала залегли, а затем ретировались, оставив на поле боя десятка полтора убитых.

Такая же участь постигла и вторую фашистскую вылазку. Несли потери и разведчики полка, дивизии. В разведвзводе, которым командовал старший лейтенант Гавриил Рябушенко, несколько бойцов погибли, пятеро получили ранения и находились на излечении в медсанбате. Пришлось пополнять взвод бывалыми воинами-смельчаками.

В ночь на 20 января в разведку направилась группа под командованием старшего лейтенанта Терешева. Людей в нее подбирал лично командир второго батальона майор Белоус. Он включил в группу самых отважных, среди которых были молодые, но уже видавшие виды воины Александр Погорелюк, Вадим Кушнир, Георгий Маркушин.

— Пошлите в разведку и меня, — попросился военфельдшер батальона Семен Бондаренко.

— Нэ треба, — ответил на просьбу майор. — Ваше дило ликуваты людин.

Иван Владимирович Белоус очень хорошо, с едва заметным акцентом говорил по-русски, но всякий раз, когда ему приходилось разговаривать с военфельдшером Семеном Бондаренко, волновался и незаметно для самого себя переходил на родной украинский язык. Для этого у него была своя, особая причина. В отношениях между комбатом Белоусом и батальонным военфельдшером Семеном Бондаренко не все ладилось. Чувствовалась какая-то отчужденность между ними. В то время Белоусу и Бондаренко было по двадцать пять. Бывший преподаватель математики в средней школе под Лисичанском Иван Белоус и бывший заведующий колхозным медпунктом Семен Бондаренко стали фронтовиками в самом начале Великой Отечественной войны. Лейтенант запаса Белоус командовал стрелковым взводом. Сражался храбро, умело. Полюбился бойцам, был замечен командованием. Ему доверили батальон, и он в полной мере оправдывал это доверие. За личную храбрость, стойкость в тяжелых оборонительных боях и незаурядное воинское мастерство удостоился двух боевых орденов. Тогда, в сорок втором году, лишь немногие молодые командиры имели по две награды.

Смелостью в боях славился в полку и Семен Бондаренко. Но, как военфельдшер, он больше всего имел дело с ранеными, оказывал им первую помощь, а бывало и сам выносил их из-под огня.

В начале войны Иван Белоус и Семен Бондаренко были неразлучными друзьями. Потом в батальоне появилась девушка — санинструктор Вера Дацюк, землячка Ивана из-под Лисичанска. Красивая, черноокая, веселая и до дерзости смелая. Только в одном бою у села Каменка на Днепре, когда полк отступал под превосходящими силами врага, Вера вынесла из-под огня шестнадцать воинов. В батальоне все относились к ней с глубоким уважением, называли не санинструктором, а ласково и тепло — сестричкой.

Вела себя Вера строго. Однако, когда девушке восемнадцать — это пора любви. Вера покорила сердца двоих — Ивана Белоуса и Семена Бондаренко, а полюбила военфельдшера. Для Ивана это было большим огорчением. Он понимал — насильно мил не будешь, и как бы замкнулся в себе. Его дружба с Семеном померкла. Ее заменила неприязнь.

Трудно сказать, как бы сложились дальнейшие отношения между ними. Свои суровые коррективы внесла война. В развернувшихся на берегах реки Самары жестоких боях Вера Дацюк была тяжело ранена. Иван Белоус сам вынес ее из-под огня, доставил в санчасть. Семен Бондаренко оказал ей первую медицинскую помощь и срочно направил девушку в медсанбат, а оттуда — в госпиталь.

После выздоровления Вера получила назначение в другую часть. А вскоре стало известно, что она погибла, спасая раненых. Смерть Веры примирила влюбленных. Осталась лишь боль от невосполнимой утраты, которую как незабвенное горе переживали Белоус и Бондаренко. И, наверно, потому они еще долго не в силах были наладить те дружеские отношения, которые существовали между ними прежде. Продолжая службу в одном батальоне, разговаривали редко, главным образом по служебным вопросам. В батальоне обо всем этом многие знали.

…Я вернулся на полковой КП и вошел в блиндаж. Связист, протянув телефонную трубку, сказал:

— Вас тут спрашивают из второго батальона.

Звонил Бондаренко, просил непременно послать его в разведку, дать на этот счет соответствующее распоряжение комбату. Хотя обращение военфельдшера через голову своего непосредственного командира было в известной мере нарушением воинских правил, пришлось все же поддержать его просьбу. Трубку взял майор Белоус.

— Иван Владимирович, почему вы не хотите включить военфельдшера в группу Терешева?

— Он — начальник санчасти. Пусть занимается своим делом, — ответил комбат.

— Может, все-таки в этот раз сделаете исключение? Прошу вас удовлетворить его просьбу.

В конце концов комбат согласился. Семен Бондаренко был включен в состав разведгруппы.

Уходил на задание с группой и Вадим Кушнир. В этот раз он мог бы и не идти. Его непосредственный начальник, командир разведвзвода старший лейтенант Гавриил Рябушенко сказал ему:

— Ты, Вадим, зря идешь сегодня. Нашему взводу разрешен отдых. И ты бы отдохнул. Знаю, сам напросился.

— Не могу я сидеть без дела, товарищ старший лейтенант.

Командира разведвзвода Рябушенко прозвали в полку за смуглый цвет лица Цыганом. По горячности нрава он и впрямь походил на цыгана. Если считал себя правым, вступал в спор с любым начальником. А разведчиком был отменным. Почти год учился этому трудному мастерству у командира дивизионной разведроты капитана Николая Сергеевича Колесова, потом был переведен в полк на самостоятельную работу. Сколько раз вместе со своими орлами ходил он за «языком»! Не всегда, разумеется, удачно. Но разведка — дело тонкое и сложное, удача зависит не только от смелости и мастерства, а и от обстоятельств.

В ту разведку, что проводилась в ночь на 20 января, Гавриил Рябушенко не мог пойти потому, что мало у него во взводе было людей. Одни погибли, другие находились в госпиталях, третьи долечивались в медсанбате. Не хотел он, чтобы с «чужой» группой шел в разведку и его подчиненный Вадим Кушнир. Но Вадим действительно напросился сам. Он не пропускал ни одного случая, чтобы не посчитаться с оккупантами. У него было свое горе, за которое он беспощадно мстил врагу.

Любил Вадим санинструктора Зину Осипенко. Зина тоже любила его. Вместе они мечтали после войны непременно пожениться. Вадим радовался и гордился, что именно его полюбила восемнадцатилетняя курносая, голубоглазая Зина. Хрупкая на вид, но смелая и ловкая, она первой из всех девушек полка была награждена орденом Красной Звезды за то, что вынесла с поля боя сорок раненых с оружием.

Жить бы ей да жить. Но в феврале сорок второго года под Лисичанском, в долине, которую местные жители всегда называли Веселой, Зина погибла, оказывая первую медпомощь раненому бойцу. Семен Бондаренко и помощник начальника штаба полка Анатолий Кедик вынесли ее с поля боя. Похоронили

девушку как положено. Вадим Кушнир поклялся над могилой любимой еще беспощаднее мстить фашистским варварам. Поэтому и в ночь на 20 января, имея законное право на отдых, он все-таки пошел в разведку.

# Взяли живым

Иван Владимирович Белоус и его заместитель старший лейтенант Никифор Давыдович Жуков лично побеседовали с каждым участником разведывательной группы. Пожимая на прощание руку старшему лейтенанту Терешеву, комбат сказал:

— Особенно не увлекайтесь, а то луна вон как светит. Действуйте осторожно. В бой без надобности не вступайте. Главная задача — захватить «языка».

Старший лейтенант Жуков добавил:

— Смотрите не примите за противника наше боевое охранение. Можете нечаянно переколотить друг друга.

Дошла очередь пожать руку Семену Бондаренко.

— Ты, Сема, в бой не пхайся, — сказал ему комбат. — Ты фельдшер, а не розвидник. Памятуй, що кажу.

И разведка ушла. Ночь стояла лунная, морозная, настораживающая своей тишиной. Изредка ее прорезали голубые, зеленые, красные нити трассирующих пуль. Разведчику такая ночь — смертельный враг.

Разведчики двигались молча, не спеша. Белые маскхалаты скрывали их на заснеженном поле. Позади военфельдшера Семена Бондаренко двигался шаг в шаг Вадим Кушнир.

Идти по глубокому снегу было тяжело, все устали, сделали остановку. Отдыхали, присев прямо в снег. Слева тянулась железнодорожная насыпь. Старший лейтенант Терешев указал в сторону железной дороги, и два разведчика — Александр Погорелюк и Вадим Кушнир отправились проверить, не заминированы ли подходы к железнодорожной будке.

Все остальные прошли еще метров двести вперед. В неглубокой выемке залегли. До будки оставалось метров двести и столько же до ближайших окопов противника.

Вернувшись, Погорелюк и Кушнир доложили:

— Подступы к будке не заминированы. Возле будки прохаживается один часовой, остальные сидят внутри.

— На гармошке играют, гады. Печку топят, греются. Мясом жареным пахнет, — добавил Погорелюк, — Мы с Вадимом хотели их там на месте садануть.

— Я тебе садану! — процедил Терешев. — Нам нужен «язык», а не трупы. Часового взять живым. В будку бросить пару гранат. Встреча здесь через полчаса. Ясно?

— Ясно, — ответил Вадим Кушнир.

Разведчики ушли и быстро скрылись за поворотом насыпи. Настал черед действовать и остальным. Вот и передний край

противника. Вовсю светит луна. Отчетливо видны шесть блиндажей и три дота. Перед ними — проволочное заграждение. Из блиндажей тянутся в небо хвосты дыма. Для штурма избран самый близкий блиндаж. Но что это? Прямо на разведчиков идут семь гитлеровцев. Куда они идут? Может, обнаружили группу?

— К бою! — тихо скомандовал старший лейтенант Терешев. — Без команды не стрелять!

Вражеские солдаты шли вразвалочку, словно на прогулке. Все на лыжах. Впереди рослый детина! У каждого на груди автомат. Руки засунуты в карманы маскхалатов.

Гитлеровцы, судя по всему, направились в засаду, но их опередили. Теперь выгода была на стороне советских разведчиков.

Длинный верзила что-то выкрикнул, вероятно, отдал какую-то команду. Все остановились. Верзила с минуту смотрел вперед, но так ничего и не заметил.

У железнодорожной будки громыхнул взрыв, за ним второй, третий…

— Хальт! — испуганно крикнул долговязый. Вокруг него плотно сгрудились солдаты.

Терешев подал команду. Под ноги оккупантам полетела противотанковая граната. Все семь гитлеровцев повалились в снег.

Шестеро были убиты, седьмой открыл огонь из автомата, потом пустился бежать, но был схвачен у самой кромки минного поля.

Возвратились от будки Кушнир, Погорелюк и Маркушин. Взять им «языка» не удалось. Часового и других гитлеровцев, находившихся в будке, пришлось уничтожить.

— «Язык» есть, — бросил в ответ на это сообщение старший лейтенант Терешев. — Теперь главное — доставить его живым в батальон. Всем быстро отходить!

Приказание отходить за высоту было отдано в самое время. Стрельба всполошила гитлеровцев. Они открыли сильный, но пока еще беспорядочный, пулеметный огонь. Почти одновременно загрохали минометные взрывы.

Раненного в ногу пленного вскоре притащили в расположение батальона. Военфельдшер перевязал ему рану.

Пленный оказался снайпером, членом нацистской партии. При его допросе в дивизии стало известно, что «охотился» он главным образом на советских командиров, имел довольно большой боевой счет.

Привилегированный фашистский снайпер был о многом осведомлен и дал ценные показания о своей 82-й пехотной

дивизии.

Все отличившиеся в этом разведпоиске были награждены орденами и медалями.

# Прорыв

Наконец-то войскам 13-й армии был дан приказ — наступать.

Утром 25 января вместе с начальником штаба Фоминым мы выехали в штаб дивизии.

Об обороне противника доложил начальник штаба дивизии подполковник Д. Л. Казаринов. Глубина его первой полосы достигала 6–8 километров. За полгода обороны гитлеровцы основательно перекопали степь, создали множество оборонительных сооружений. Видно, немецко-фашистские генералы после поражения под Сталинградом сделали вывод: время успехов прошло, роли начинают меняться.

На совещании выступил комдив:

— Наша дивизия, — сказал он, — будет действовать при прорыве вражеской обороны во втором эшелоне армии. Ее задача после прорыва первой полосы обороны противника наступать в общем направлении на населенные пункты Борки, Даниловку, Урицкое. К исходу второго дня мы должны занять Натальевку, Никольское и овладеть Урицким. Дивизионная и полковая артиллерия, а также минометы привлекаются к участию в общей артподготовке.

Ночь перед прорывом выдалась холодной. Мороз достигал двадцати пяти градусов. С вечера сыпал жесткий, колючий снег, мела пурга. Тем не менее все шло по плану.

Ровно в 8 часов утра 26 января заговорили гвардейские минометы — «катюши». Вслед за их первым залпом открыла мощный огонь ствольная артиллерия. Используя некоторые улучшения погоды, авиаторы тоже стремились внести свой вклад в прорыв вражеской обороны.

Артиллерийская и авиационная обработка переднего края противника продолжалась час с небольшим. В 9 часов 12 минут одновременно со стрелковыми частями двинулись вперед танки непосредственной поддержки пехоты из состава 118-й танковой бригады подполковника Я. К. Брегвадзе. Однако из-за снежных заносов продвигались они медленно, а пехота, встреченная сильным огнем противника, несла большие потери.

На участке 8-й стрелковой дивизии дело поначалу несколько застопорилось, так как противник контратаковал ее довольно крупными силами. К тому же приданный дивизии 43-й танковый полк не смог своевременно оказать ей действенной поддержки: танки застряли в глубоком снегу, буксовали.

Противник по-прежнему упорно держался на флангах — в Лимогорах и Борках, подвергая участок вклинения яростному

обстрелу из артиллерии и минометов. Героические усилия 148-й стрелковой дивизии расширить прорыв по фронту не дали существенных результатов.

В полдень командарм ввел в прорыв перекатом через боевые порядки 8-й стрелковой дивизии 15-ю Сивашскую. 321-му стрелковому полку была поставлена задача ударом с тыла овладеть Борками, а 676-му — Александровкой.

К исходу дня войска армии с упорными боями продвинулись в глубь вражеской обороны на 7–8 километров и фактически овладели главной полосой обороны противника.

Задача дня была выполнена. Теперь важно было лишить противника возможности подтянуть свежие силы. Из штаба дивизии сообщили, что командарм принял решение в ночь на 27 января ввести в действие подвижную группу в составе 84 танков и двух посаженных на аэросани лыжных батальонов. Это сообщение обрадовало всех. От наших полков требовались смелые, решительные действия в преследовании противника в ночное время.

Выполняя эту задачу, особо отличился лыжный батальон под командованием капитана Швендика. Воины-лыжники с ходу атаковали гитлеровцев, не дав им опомниться. Немецко-фашистские солдаты и офицеры, оборонявшие Александровну, пытались бежать, но бежать по глубокому снегу — значило обречь себя на верную смерть, и потому гитлеровцы вынуждены были сдаваться в плен.

Той же ночью 321-й стрелковый полк 15-й Сивашской дивизии, обойдя Борки с юга, внезапно обрушился с тыла на довольно крупный гарнизон врага. Здесь ночной атаки не ожидали. В непродолжительном бою воины полка истребили до 600 вражеских солдат, офицеров и полностью освободили деревню Борки.

За ночь глубина прорыва была расширена до 22 километров. Теперь артиллерия противника могла обстреливать освобожденный участок лишь из дальнобойных орудий, да и то бесприцельно, по площадям.

Наступление нарастало. В прорыв вошла подвижная танковая группа и пехота на аэросанях под командованием заместителя командарма генерал-майора М. И. Глухова. Пройдя через боевые порядки 307-й стрелковой дивизии, танки рассредоточенной колонной двинулись по большаку к Волово и Касторное.

# Сквозь пургу

Пока Иван Швендик со своими лыжниками освобождал от фашистской нечисти деревню Александровку, а затем преследовал остатки разгромленного гарнизона, другие подразделения 676-го стрелкового полка двигались в направлении села Никольское. Полковой штаб шел вслед за батальоном майора Белоуса. Пурга усилилась, видимость сократилась. Жгучий ветер бросал в лица бойцов ледяную крупу. Ресницы у всех были густо покрыты инеем, словно обложены ватой. Время от времени попискивали переносные рации. Это поддерживалась связь полка с батальонами. Охраняли штаб разведчики старшего лейтенанта Рябушенко и комендантский взвод. Где-то позади двигались санчасть и другие полковые службы.

«Хорошо, что приладили к пушечным колесам лыжи, — подумал я, — да и станковые пулеметы установили на самодельные сани. Туго бы пришлось в такой крутоверти. Теперь же все на ходу, все движется, несмотря на мороз и вьюгу».

На штабной карте по пути к Никольскому значились три небольшие деревни: Натальевка, Николаевка и Ефимовка. Первая — Натальевка. Но где же эта деревня?

Развернул карту. Рядом со мной остановились майор Мазниченко и майор Фомин. Громко, стараясь перекричать дико воющую вьюгу, спросил:

— Как думаете, далеко еще до Натальевки?

— Аллах ее знает эту Натальевку.

— Надо бы выслать разведку, — предложил замполит.

— Знаю, но куда?

— Надо сориентироваться точнее, — говорит начальник штаба, прикрываясь от морозного ветра меховой рукавицей.

— Согласен. Давайте сориентируемся.

Бойцы комендантского взвода быстро соорудили из нескольких плащ-накидок своеобразную палатку. Залезли туда и разостлали на снегу карту. Все вроде правильно. Натальевка где-то совсем рядом.

И снова вперед. Задерживаться нельзя. До рассвета полк должен подойти к Никольскому, с ходу атаковать село и очистить его от противника, иначе сорвется бой по уничтожению тербуновской группировки.

Гитлеровцы в такую пургу отсиживаются в домах, в тепле. Они не очень охотно воюют ночью, тем более в мороз. Во всяком случае, так было до сих пор. А вообще-то могут устроить и засаду.

Не нарваться бы на нее.

Впереди мерцал огонек. Его увидел майор Фсфин.

— Может быть, немцы?

Выслали на огонек старшего лейтенанта Рябушенко с тремя бойцами. Вернулись разведчики радостные, улыбающиеся:

— Деревня Натальевка! Туда только что начал втягиваться батальон Белоуса. Для штаба полка зарезервировали одну хату на отшибе. Можно будет обогреться, — щуря черные, цыганские глаза, сообщил Рябушенко.

В хате на отшибе нас радушно встретили две женщины — молодые, бойкие. Попросили за стол, отведать горячей рассыпчатой картошки «в мундире».

— За приглашение к столу спасибо. Только жаль, сидеть некогда. Скажите-ка лучше — далеко ли до Никольского?

— Если по дороге, то километров восемь, — ответила одна из женщин, а если по оврагу, то наполовину ближе — километра четыре. Хотите, проводим вас по оврагу?

— А мужчин в деревне разве нет?

— Одни старики да калеки. Молодых проклятые немчаки в Германию угнали. Вы не беспокойтесь, товарищ начальник, проведем не хуже мужчин. Мы — местные, каждый кустик тут знаем. Только идти надо осторожно. В Никольском немцы.

— Много их там?

— Много. И пушки разные. За реку Олым из них стреляют по нашим.

Женщины поспешно собрались в нелегкий и опасный путь. О том, что противник в Никольском имеет зенитную и полевую артиллерию, нам было известно. Огонь фашистских батарей не раз беспокоил наши подразделения.

Пришел майор Белоус. Приказываю ему самым тщательным образом оберегать проводниц от возможных случайностей.

— Всё будет как надо, товарищ подполковник!

Командир первого батальона майор Концедалов получил по радио приказание — изменить маршрут в сторону Никольского, продвигаться кратчайшим путем, минуя деревни. Капитану Швендику было также приказано прекратить преследование противника и ускоренным маршем вести батальон в район Никольского. Удар по Никольскому гарнизону мыслился внезапным и мощным, иначе неизбежен затяжной бой, большие потери.

Добровольные проводницы из Натальевки сдержали свое слово и быстро вывели полк к Никольскому. Село Никольское оказалось довольно-таки большим. Неширокой полосой оно тянулось по крутому левому берегу реки Олым. Его увидели

издалека по редким огням в окнах изб. Снежный буран постепенно затихал, но из-за больших сугробов двигаться по-прежнему было трудно. Зримо близился рассвет.

На КП полка — в небольшую хату на окраине крохотной деревеньки пришли все комбаты. Еще раз уточнили задачу. Майор Концедалов получил приказ обойти Никольское с севера, закрепиться на дороге, ведущей из села на запад, и отрезать вражескому гарнизону путь отхода. А в последующем перекрыть шоссе Тербуны — Урицкое — Касторное.

Лыжному батальону Швендика предстояло после ликвидации противника в Ефимовке развивать стремительное наступление на Никольское с юга. Начало пятиминутного артналета в 7.25, атака — в 7.30.

В Никольском тихо. Разместившиеся по теплым избам гитлеровцы пока еще не подозревали о сосредоточении русских у самого села. На полковой НП возвратился капитан Ковригин. Посмотрел на часы:

— Семь двадцать пять! Пора.

— Пора! — отвечаю. — Давай!

*Командир 1-го стрелкового батальона 676-го стрелкового полка Я. П. Концедалов.*

Ковригин взял телефонную трубку и, не отрывая взгляда от циферблата часов, скомандовал:

— Огонь!

Тишину разорвали залпы. Один, второй, третий… Через несколько секунд еще более мощные взрывы потрясли село.

— Давай, ребята!.. Огонь! Бейте их, гадов! Пускай позавтракают стальной картошкой! — кричал в телефон капитан Ковригин. — За Родину! По фашистским разбойникам… Огонь!..

С первыми артиллерийскими залпами двинулись вперед по скованному льдом Олыму бойцы Ивана Белоуса. В бинокль с НП было видно, как воины батальона спешат, чтобы побыстрее добежать до крутого берега, в непростреливаемую сверху зону. Но снег, проклятый снег!.. Нелегко идти даже шагом. «Только бы успели, только бы не попали под пулеметный и артиллерийский огонь врага!..» Наконец-то почти весь батальон под прикрытием берега. Лишь немногие бойцы вынуждены залечь в снегу на Олыме. Под прикрытием крутого берега майор Белоус вывел две роты на южную окраину. Откуда они по более отлогому берегу быстро поднялись наверх и с ходу вступили в бой. Еще одна рота батальона атаковала вражеские позиции на восточной окраине села.

Примерно к этому же времени рота разведки капитана Колесова, продвигаясь на лыжах, завершила обход Никольского с севера и отрезала путь отхода вражескому гарнизону на Урицкое, Синий Камень. На шоссейке разведчики оставили заслоны, а основными силами завязали бой на северо-восточной окраине села.

*Командир разведроты 15-й стрелковой дивизии Н.С. Колесов (послевоенный снимок).*

Бой протекал почти так, как и было задумано. Это становилось все яснее из донесений по радио майора Белоуса, капитана Колесова, а несколько позже и майора Концедалова. О том же говорило нарастание пулеметно-автоматного огня в селе.

В первом наступательном бою люди дрались со злым упорством и отвагой. Они не останавливались перед опасностью, потому что не просто бились за село, а освобождали его, наступали. И их слитые воедино чувства удесятеряли силы.

Разведчики капитана Колесова, ворвавшись в село, захватили окраинные строения, истребили до взвода вражеской пехоты и два орудийных расчета. Это позволило быстро продвинуться вперед не только разведроте, но и подошедшей к ней на помощь четвертой роте стрелкового батальона майора Белоуса, в рядах которой вместе с бойцами мужественно дрался заместитель комбата старший лейтенант Жуков.

Успех боя за Никольское во многом объяснялся внезапностью нападения. После того как подразделения полка ворвались в село, гитлеровцы попытались оказать сопротивление, но момент для такого сопротивления был упущен. Сильный огонь открыли лишь находившиеся в селе четыре танка. Однако два из них сразу же были выведены из строя огнем полковой артиллерии.

Не удалось фашистским захватчикам в полной мере использовать против наступающих и свою артиллерию, так как некоторые их артрасчеты были уничтожены на огневых позициях.

В одном из сельских переулков стрелковому подразделению преградил путь пулемет противника, установленный в кирпичном доме. Выбить его оттуда ответным огнем оказалось трудно. Выручило отделение сержанта Жунусова. Вместе со своими бойцами Жунусов, пользуясь темнотой, пробрался к дому. В жаркой рукопашной схватке пулеметный расчет врага был уничтожен.

К полудню все закончилось. Остатки Никольского гарнизона противника после отчаянного сопротивления на улицах села стали поспешно отходить за околицу. Там гитлеровцев встретили уничтожающим огнем оставленные в засаде подразделения батальона майора Концедалова. Небольшой группе вражеских артиллеристов удалось, правда, прорваться и уйти в Урицкое, но без пушек и пулеметов.

# Трофеи и пленные

Никогда прежде наш полк не захватывал такого большого количества трофейного вооружения и боеприпасов, как в Никольском. Бывали случаи, брали десятка полтора винтовок, столько же коробок с патронами, несколько автоматов или ручных пулеметов. А тут — целый арсенал: 18 орудий, сотни ящиков со снарядами, два танка с боеприпасами, много автоматов, винтовок и патронов.

В Никольском, как выяснилось несколько позже, до самого последнего момента располагался штаб 162-го тяжелого артполка. Захваченные пушки принадлежали ему. В соседней деревне Ожога дислоцировался штаб 82-й немецкой пехотной дивизии. Его офицеры во главе с командиром дивизии генералом Беншем бежали лишь тогда, когда одна из рот батальона Швендика ворвалась в Ожогу. Правда, удрать Беншу не удалось.

К концу боя дали знать о себе соседи. Командир 47-го стрелкового полка подполковник И. И. Карташов передал, что, по данным полковой разведки, отдельные группы противника отходят из Борки и Плотки на Урицкое. Тут же отдал приказ закрыть путь отступающим.

В Никольское потянулись пленные. Два бойца, вооруженных автоматами, привели в село группу человек в сорок. Головы многих фрицев были повязаны женскими шерстяными платками. На некоторых сверх пилоток красовались отнятые у местных крестьян шапки. Поверх легких шинелей фашистские вояки напялили на себя всяческие дополнительные «обогреватели» — от старых стеганок до ватных одеял. В таком «наряде» они выглядели жалкой кучкой бродяг-разбойников.

# Трудный бой

Командиры и бойцы полка хорошо понимали, что бой за Урицкое будет трудным по многим причинам. Прежде всего потому, что Урицкое — главный опорный пункт врага, прикрывавший с севера железнодорожный узел Касторное. Во-вторых, оставалось неизвестным, какой там гарнизон. Все прежние данные о нем за ночь, конечно же, устарели. С начала советского наступления немцы вполне могли пополнить Урицкий гарнизон за счет переброски свежих сил из Касторного. Несомненно, пополнился он также за счет вражеских солдат и офицеров, которым удалось вырваться из Никольского и других сел. Из штаба дивизии сообщили, что в Урицкое прорвались также остатки разгромленных частей Боркинского гарнизона. И все-таки Урицкое требовалось взять, не теряя ни часа времени.

Все три батальона полка вышли на исходные позиции для атаки на железнодорожный переезд Урицкое — Касторное. Первым развернулся на этом рубеже лыжный батальон Ивана Швендика. Ему была поставлена задача атаковать опорный пункт врага с юга.

К этому же времени комдив выделил в помощь полку лыжный батальон.

По рации доложил комдиву свое решение на взятие Урицкого. Комдив одобрил его и предупредил, что от полка потребуется быстрота действий, иначе противник может ускользнуть.

— Всю работу надо закончить к исходу дня, — сказал комдив. — Бойцы ведь не смыкают глаз вторые сутки.

Тут же я связался со своим соседом — командиром 321-го стрелкового полка подполковником Г. С. Волощенко и договорился о совместных действиях. Потом собрал командиров батальонов и уточнил с ними задачу на местности.

— Главное, товарищи, не выпустить гитлеровцев из Урицкого, не дать им возможности прорваться в сторону Касторного. Ну и, разумеется, не допустить подхода в Урицкое вражеских резервов.

…Бой за село начался во второй половине дня 27 января. В этот раз никакой внезапности нападения не получилось. Гитлеровцы подготовились к отражению атак и с первой же минуты начали оказывать отчаянное сопротивление. Несмотря на бешеный огонь противника, первому батальону полка все же удалось прорваться на северо-западную окраину Урицкого. Одновременно воины батальона наголову разгромили

гитлеровцев, отходивших с переднего края своей обороны. Для отражения атак концедаловцев противник был вынужден перебросить часть своего гарнизона с юго-запада на северо-западную окраину. Начались уличные бои, сначала на окраинах, а затем и в центре села, где возвышалась церковь. Против батальона майора Белоуса гитлеровцы неоднократно предпринимали контратаки, пытаясь вырваться к дороге на Касторное, но безуспешно. Продвигаясь к центру Урицкого, батальон действовал в основном мелкими группами и одну за другой блокировал огневые точки врага. Тем же методом вели бой и воины других подразделений.

В ту пору полк не обладал еще достаточным опытом ведения ночных боев. Бой в темноте — это действительно опасно и страшно. Воины полка как бы перешагнули через этот страх, преодолели его. Больше того, умело пользовались темнотой в борьбе с превосходящим по численности противником.

Лейтенант комсомолец В. В. Федоров вместе со своим взводом ворвался в село одним из первых. Гитлеровцы обрушили на него такой огонь, что, казалось, от него никому не спастись. Но это не остановило взвод. Лейтенант быстро вывел бойцов из-под огня и с ходу атаковал фашистские артрасчеты. Орудийная прислуга была уничтожена. Шесть вражеских пушек умолкли.

Старший сержант Н. И. Вельский в темноте не сумел правильно сориентироваться и оказался в расположении тыла вражеской батареи, где находились лошади и до десятка гитлеровцев. Поворачивать назад было поздно. Немцы заметили его, открыли огонь. Вельский не растерялся. Длинной автоматной очередью он убил двух лошадей и, прикрываясь ими, вступил в неравную схватку. Два фашиста были убиты, остальные разбежались.

Комсорг полка Павел Александрович Смирнов первым из роты прорвался в центр села. Возле церкви путь роте преградил сильный вражеский огонь. И тогда комсорг бросил клич:

— Товарищи, за мной!

Он вывел роту в безопасную зону и в последние минуты погиб.

Крупного боевого успеха добилась четвертая стрелковая рота, которой командовал старший лейтенант Семищепов. Прорвавшись к позициям вражеской батареи, рота истребила до 40 гитлеровцев и захватила 9 пушек, 28 лошадей и 10 подвод с боеприпасами.

Командир взвода 50-миллиметровых минометов лейтенант А. Мухтаров и два бойца-автоматчика под покровом ночи подобрались к дороге, по которой двигался вражеский обоз.

Метким огнем уничтожили сопровождавших обоз автоматчиков и захватили два исправных пулемета и 20 подвод с боеприпасами.

Почти до рассвета пришлось драться с группой противника, отходящей на юго-запад из районов Васильевка, Набаново, Станиславка. Но и эта группа была уничтожена.

По приблизительным подсчетам, полк уничтожил до 400 вражеских солдат и офицеров, захватил 27 артиллерийских орудий, 9 минометов, 9 радиостанций, 43 пулемета, 4 танка, много автомашин и стрелкового оружия.

Так завершилось наступление 15-й стрелковой дивизии. Несмотря на трудности, связанные с морозом, со снежными заносами, несмотря на отчаянное сопротивление врага, полки успешно, полностью выполнили боевую задачу.

Командование фронта и армии не преминуло отметить это важное событие награждением особо отличившихся воинов. Комдив генерал-майор А. Н. Слышкин за умелое управление боем по разгрому крупных опорных пунктов обороны противника был награжден орденом Суворова 2-й степени. В числе награжденных были также командиры ряда батальонов, рот, батарей, взводов, многие рядовые воины. Грудь комбата Ивана Белоуса украсил орден Александра Невского.

За разгром Тербуновского, Боркинского, Урицкого и других промежуточных опорных пунктов обороны противника командующий Брянским фронтом генерал-полковник М. А. Рейтер и командующий 13-й армией генерал-майор Н. П. Пухов объявили личному составу 15-й Сивашской стрелковой дивизии благодарность.

Эту радостную весть привез комдив. После краткого совещания, на котором были уточнены новые боевые задачи, комдива пригласили посмотреть «особые» трофеи.

— Почему особые? Разве не обо всех трофеях вы доложили? — спросил комдив.

— Об этих еще не докладывали.

— Что ж, пойдемте посмотрим.

Накануне полковые разведчики на одной из подвод вражеского обоза обнаружили целый чемодан с наручными и карманными часами самых различных иностранных марок. По всей вероятности, склонный к мародерству фашистский обозник сдирал часы со своих убитых однополчан, чтобы потом отправить посылкой домой, в Германию. Мародер-гитлеровец был убит во время перестрелки, а часы, наскоро завернутые в плащ-накидку, разведчики доставили на полковой НП.

…Наступление продолжалось. Ломая сопротивление врага, войска 13-й армии в тесном взаимодействии с другими частями и

соединениями фронта с боями продвигались на запад. И хотя мороз стоял под тридцать и метель не унималась, бойцы торопились. Освобожденные деревни приносили им большую радость. А впереди был многострадальный Курск.

Как неузнаваемо изменилось все за полгода немецкого владычества! Напрасно вглядывались мы в утреннюю мглу в поисках деревни Мишино. На карте она значилась, а наяву — лишь занесенные снегом печные трубы да обгоревшие стволы деревьев. Та же участь постигла Казаково, Липовчики и десятки других сел и деревень. Уцелевшие жители, в основном женщины, дети, старики, ютились в погребах и землянках. Со слезами радости встречали они родные войска.

Днем остановились на короткий привал на хуторе Кшенский. В единственной чудом уцелевшей хате разместился штаб. И как-то случилось так, что вокруг расположились комендантский взвод, рота автоматчиков и еще кое-какие приданные полку подразделения. Всего человек двести.

Не успели офицеры штаба полка сесть за стол обедать, как в небе послышался гул мотора.

Фомин приоткрыл дверь, выглянул из хаты.

— «Рама», — пренебрежительно махнул он рукой.

— Дверь закрой, хату застудишь! — недовольно проворчал начальник артиллерии Ковригин.

Раздались дружные ружейно-автоматные залпы.

— Молодцы ребята! — проговорил Фомин. — Нет, вы только посмотрите. Того и гляди снимут ружейным огнем немецкого разведчика. А помните, как было? Сломя голову убегали от «рамы».

С начала наступления цепко держалась непогода, и авиация противника не появлялась. Этот же день выдался ясным, солнечным. Но, видимо, радость победы притупила бдительность. Все в штабе словно забыли об авиации противника. Настроение у всех было веселое, приподнятое. Но едва Фомин разлил по стаканам традиционные фронтовые «сто граммов», как в небе раздался уже более мощный гул моторов. Что происходит, все поняли мгновенно. «Рама», заметив на хуторе; скопление войск, привела за собой бомбардировщики. С улицы послышались предупредительные команды «воздух», но было поздно, бомбардировщики спикировали. Загрохотали взрывы.

— Ложись! — крикнул Фомин и, выскочив из-за стола, растянулся на полу, чтобы уберечься от осколков, если судьба смилуется, и бомба не угодит прямиком в хату.

В следующее мгновение воздушная волна от взорвавшейся поблизости бомбы разнесла ветхую хатенку в щепки. Был тяжело

ранен Мазниченко. Он сидел у стены и не успел выскочить из-за стола. Офицеру оказали первую помощь, а когда бомбежка кончилась, проводили в госпиталь. Так пришлось расстаться с любимым комиссаром, верным другом и бесстрашным воином. Больше Иван Иванович в полк не вернулся. Немало оказалось жертв от бомбежки и в подразделениях. Горький это был урок. Ох какой горький!

Марш продолжался. Где-то левее слышалась сильная артиллерийская перестрелка. Это в районе Щигры билась с врагом 132-я стрелковая дивизия подполковника Н. К. Шкрылева. Авиация противника все ожесточалась. Колонны пришлось вытянуть повзводно, а кое-где и в цепочку по отделениям.

Проходили стянутые льдом реки Кшень, затем Тим. До боли знакомые места. Здесь оборонялась и вела жестокие бои с врагом дивизия. Сколько славных бойцов и командиров сложили здесь головы!..

2 февраля 1943 года радио принесло радостную весть — в районе Сталинграда Советской Армией закончено уничтожение окруженных немецких войск. В этот день полк продвинулся далеко вперед.

К концу дня 5 февраля дивизия сосредоточилась в районе 2-е Скородное. От командующего армией пришел приказ: повернуть полки на север и к рассвету выйти на линию 2-е Никольское — Поныри.

С наступлением темноты 6 февраля дивизия двинулась на север: 47-й и 676-й стрелковые полки по пойме реки Полевая, 321-й — вдоль железной дороги на Поныри.

В час ночи 7 февраля 321-й стрелковый полк столкнулся с противником километрах в трех южнее Понырей. Не растерявшись, командир роты автоматчиков старший лейтенант Синюк приказал роте атаковать врага. Сбив боевое охранение, рота вышла к южной окраине Понырей, но здесь была встречена сильным артиллерийско-минометным огнем. Вскоре к месту боя подошли основные силы полка. Но и противник подтянул из глубины до двух батальонов пехоты, поддержанных четырьмя танками. Завязался яростный бой. В нем особо отличились командир роты автоматчиков старший лейтенант Синюк и командир дивизиона 203-го артполка капитан Щаденко. Развернув дивизион на открытых позициях, Щаденко приказал открыть огонь прямой наводкой. Потеряв до пятисот человек убитыми, ранеными и один танк, противник был вынужден прекратить контратаки и перейти к обороне.

Утром перешла в наступление на Поныри 81-я стрелковая дивизия, а 321-й полк получил приказ войти в полосу своей

дивизии.

8 то же время вступил в бой с противником и 47-й стрелковый полк. Ворвавшись на рассвете во 2-е Никольское, он разгромил лыжные подразделения егерского батальона немцев, захватив при этом 2 легких танка, 2 зенитных орудия, обоз из 60 подвод.

Наш полк находился пока во втором эшелоне дивизии.

Пытаясь остановить продвижение советских войск, противник к началу февраля стянул значительные силы в район юго-восточнее Орла. В полосе наступления дивизии им была создана плотная оборона. Ее занимали части 173-го пехотного полка, 10-й и 11-й егерские батальоны и передовые части 18-й и 20-й танковых дивизий.

Встретив подготовленную оборону немцев, Сивашская дивизия подтянула артиллерию и вместе с другими соединениями приступила к уничтожению малоархангельской группировки.

9 февраля дивизия овладела населенным пунктом Остров и прилегающими высотами. Соседняя 81-я стрелковая дивизия в тот же день заняла Поныри.

47-й Краснознаменный полк дрался за 2-е Никольское. В кровопролитных боях проявили беспримерное геройство многие воины и среди них особо отличился старший сержант Григорий Кагамлык.

# Григорий Кагамлык

Незадолго до январско-февральского наступления генерал Слышкин поручил мне провести несколько показных учебно-боевых занятий с расчетами противотанковых ружей. Выбор комдива пал на меня скорее всего потому, что я прежде служил в танковой дивизии и должен был лучше других знать уязвимые места вражеских танков.

Сборы проходили в селе Гатище в два потока по 60 человек. Это были в основном бойцы двух стрелковых полков. Задача заключалась в том, чтобы обучить их не только меткой стрельбе по танкам, умению выбирать правильные позиции, но и ведению автоматного огня, стрельбе из винтовок. Опыт Сталинградской битвы показывал, что отличное владение стрелковым оружием для петеэровца так же необходимо, как и умение метко поражать цели из противотанкового ружья.

На первых же занятиях мое внимание привлек русоволосый, худощавый парень лет двадцати. Он метко поражал цели из ПТР, винтовки, автомата и пулемета. Всегда был спокойным и удивительно собранным: казалось, ему по плечу любое боевое задание.

Это был сержант Григорий Кагамлык, бронебойщик из 47-го стрелкового полка. Попытался было перевести сержанта Кагамлыка в свой полк, но командир 47-го подполковник И. И. Карташов категорически запротестовал:

— Нет, братцы, этого парня я не отдам. Он нам самим нужен.

Со слов подполковника Карташова и самого Григория Кагамлыка узнал некоторые подробности боевой биографии воина. Родом он был с Полтавщины. После окончания семилетки трудился в родном колхозе Гребенковского района, пользовался уважением односельчан. А когда фронт приблизился к районному центру, молодой колхозник стал воином 47-го стрелкового полка.

Рядовой Григорий Кагамлык за короткое время в совершенстве овладел всеми видами стрелкового оружия, научился метко поражать цели из противотанкового ружья, по мере необходимости исполнял также обязанности связиста и не раз в бою восстанавливал телефонную связь.

Серьезным боевым крещением для Григория Кагамлыка стал бой на реке Тим летом сорок второго года. В тот день Григорий вместе с другими бойцами ждал появления фашистских танков. Случилось, однако, так, что гитлеровцы атаковали позиции 47-го полка только силами пехоты. Кагамлык взял автомат. Метким огнем он уничтожил около трех десятков фашистов.

После боя Григорий подал комсоргу полка заявление, в котором написал: «Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола. Звание члена дважды Краснознаменного комсомола я оправдаю в боях за Родину». 25 августа 1942 года ему был вручен комсомольский билет. После этого Кагамлык решил освоить еще одну воинскую специальность — стать снайпером. И своего добился. Из своей снайперки он уложил еще 38 фашистов.

И все же главным оружием комсомольца Григория Кагамлыка, ставшего командиром отделения бронебойщиков, оставалось противотанковое ружье. С бронебойкой он почти никогда не расставался.

И вот на рассвете 9 февраля противник предпринял танковую контратаку. В то время Григорий Кагамлык со своим отделением находился в составе боевого охранения роты. Именно этой роте пришлось принять на себя первый удар врага.

— Танки не должны пройти, — сказал командир роты Григорию Кагамлыку. — Главная задача твоего отделения, старший сержант, остановить, не пропустить их.

— Ясно, товарищ старший лейтенант! Не пройдут! — с полной уверенностью ответил Кагамлык.

Вдали послышался гул моторов. На роту шли семь вражеских танков, а вслед за ними на лыжах поспешали автоматчики. Мела поземка. Снег сыпал в лицо, и видимость сокращалась.

Григорий Кагамлык выстрелил по головному танку и промахнулся. Еще выстрел, еще, и вот первая удача. Бронированная громадина грузно осела набок и задымила.

— Есть один! — В этот же момент вражеская пуля пробила Кагамлыку предплечье.

Вблизи показалась самоходка. Кагамлык выждал удобный момент и первым же выстрелом поразил ее.

Рядом в окопе умолк «максим». Погибли пулеметчики. Григорий подполз к пулемету и открыл огонь. Третье ранение было смертельным.

Первым увидел умирающего героя комсорг полка старший лейтенант Павел Дубок. Он бросился к нему. Григорий почти шепотом произнес:

— Я дрался до конца… Прощайте… Фашисты не прошли…

Комсорг извлек из нагрудного кармана гимнастерки Григория комсомольский билет. На листке для отметки об уплате членских взносов было начертано кровью: «Умру, не отступлю ни на шаг. Клянусь своей кровью. Сержант Г. Кагамлык». Вскоре о подвиге бывшего колхозника с Полтавщины, старшего сержанта-бронебойщика узнала вся страна. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено (посмертно) звание Героя

Советского Союза.

# Не забывать о флангах

Воронежско-Касторненская наступательная операция, в результате которой была разгромлена крупная группировка войск врага и освобождены большая часть Воронежской, Курской и частично Орловской областей, продолжалась с 24 января по 17 февраля 1943 года.

На участке 15-й Сивашской стрелковой дивизии первый этап наступательных действий завершился 10 февраля. Последние бои за населенные пункты Прилепы, Протасово, совхозы «Тиняковский», «Первое мая» были наиболее тяжелыми не только из-за резко усилившегося сопротивления гитлеровцев, но и из-за скверной погоды. Морозные вьюги сопровождались такими снегопадами, что заметало все пути-дороги. Безнадежно увязали в сугробах тяжелые артиллерийские установки, танки, даже конные обозы. Воинам саперного батальона майора Ионы Андреевича Педь приходилось с помощью местного населения нередко сутками расчищать дороги. Туго было с боеприпасами.

Значительные потери понес наш полк в бою за совхоз «Первое мая». Противник предпринял яростную контратаку, и полк вынужден был отойти на исходные позиции. Обиднее всего было то, что подразделения не смогли вынести с поля боя всех раненых. Фашисты же, озлобленные неудачами, зверски убивали их.

Так было с красноармейцем четвертой стрелковой роты Мухамедом Галиевым. Во время атаки он одним из первых ворвался в расположение врага, был тяжело ранен. А тут фашисты ввели в бой танки, контратаковали роту и оттеснили ее назад. Галиев был схвачен. Как потом стало известно, враги долго допрашивали раненого красноармейца, пытали его огнем и железом. Оставаясь верным военной присяге, он молчал, не выдал тайны. Тогда взбешенные фашисты облили его горючей жидкостью и заживо сожгли.

В бою за совхоз «Первое мая» при отражении танковой контратаки противника тяжелое ранение получил комбат Иван Владимирович Белоус. Он выжил, вылечился, но в полк вернуться не смог.

При освобождении совхоза «Тиняковский» и села Протасове много солдат, офицеров потеряли первый батальон 47-го полка и саперное подразделение. Подступы к совхозному поселку представляли собой ровное, открытое поле. Оно было густо заминировано и перегорожено тремя рядами колючей проволоки.

Первыми под прикрытием артогня двинулись к вражеским

заграждениям саперы. Гитлеровцы обнаружили их и открыли бешеный огонь из пулеметов и минометов.

Тридцать воинов-саперов пали смертью героев, прокладывая путь для наступления стрелковому батальону. Их бесстрашие, их мужество, их подвиг помогли воинам батальона с ходу ворваться в поселок Тиняковский, а затем занять еще две деревни. На пути к селу Протасове наступающих внезапно атаковали с флангов два батальона вражеской пехоты и 30 танков. Батальон капитана М. Е. Золотарева оказался в окружении. Находившийся в составе батальона заместитель командира полка майор Виталий Ефимович Сержанин приказал занять круговую оборону. Все воины батальона, отражая натиск врага, дрались с исключительным упорством и смелостью. Но силы были неравными. К тому же стрелки и пулеметчики не имели необходимых средств борьбы с вражескими танками, кроме нескольких бронебоек и противотанковых гранат.

Главное даже не в этом. С самого начала была допущена ошибка — оставлены неприкрытыми фланги. Это в первую очередь и обернулось серьезной бедой для батальона. Многие воины погибли в неравной борьбе. Комбат капитан М. Е. Золотарев в самом начале боя был ранен и оказался отрезанным от батальона. Гитлеровцы пытались взять его в плен живым. Он предпочел плену смерть — отстреливался до конца и последнюю пулю из пистолета выстрелил в себя. Фашистам удалось захватить в плен тяжело раненного майора В. Е. Сержанина. Они привязали его к танку и волокли по заснеженному полю до тех пор, пока он не скончался. Остатки батальона с большим трудом сумел вывести из окружения (тоже находившийся в боевых порядках) начальник штаба полка майор Б. Б. Сильверстов.

Этот случай послужил для всего командно-политического состава серьезным уроком.

В конце первой декады февраля на фронте наступило относительное затишье. Но продолжалось оно совсем не долго. Перегруппировав свои силы, войска 48-й и 13-й армий 12 февраля перешли в наступление с задачей обойти Орел с юго-востока и с юга.

Это были не менее тяжелые бои, чем предыдущие. Сивашской дивизии вместе с другими соединениями армии предстояло прорвать оборону врага в направлении на Малоархангельск. Сделать это удалось лишь 12 суток спустя — 24 февраля.

В условиях бездорожья, снежных метелей и яростного сопротивления врага каждый боевой день требовал от личного состава громадных, поистине нечеловеческих усилий. Мне, как командиру полка, в ту пору, конечно, не было известно, что

продвижение советских войск в обход Орла угрожало тылам всей группы армий «Центр». Не так много знали командиры и о том, что гитлеровское командование, опасаясь повторения сталинградской катастрофы в районе Орла, срочно стало усиливать свои войска на орловском направлении.

Советские войска продвигались вперед. Каждый километр брался с тяжелым боем.

В бою за одну из высот комсомолец еврей Левин вместе с белорусом Поповичем первыми ворвались во вражескую траншею. Вдвоем они уничтожили гранатами и из автоматов больше полутора десятков гитлеровцев, расчеты двух противотанковых пушек и двух пулеметов.

Взаимная выручка в боях по прорыву вражеской обороны и ликвидации опорных пунктов сопротивления была в Красной Армии закономерностью.

Командир отделения армянин Маркарян получил в одном из боев четыре ранения. Друзья наскоро перевязали ему раны. Он остался в строю, заменил погибшего ручного пулеметчика. Под его командованием отделение уничтожило огневую точку врага.

Бок о бок с ним дрался с врагом красноармеец грузин Дамашвили. Только в одном бою он дважды, рискуя жизнью, выручал своих друзей по подразделению, уничтожил пулеметный расчет противника и несколько фашистских автоматчиков.

Бои за железнодорожную станцию Малоархангельск, за населенные пункты Остров, Прогресс, Троена, Очка и другие были очень трудными. Здесь погиб начальник штаба полка майор Василий Александрович Фомин. Похоронили в братских могилах и многих рядовых бойцов.

Оставшиеся в живых и Родина не забыли павших. Многие воины за героизм и мужество, проявленные в наступательных боях, были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В Архиве Министерства обороны СССР хранится документ, в котором подведены итоги Воронежско-Касторненской наступательной операции Красной Армии.

«За время наступления зимой 1943 года войска Воронежского и Брянского фронтов истребили свыше 25 тысяч солдат и офицеров противника и около 6 тысяч гитлеровцев взяли в плен, сбили 68 самолетов, сожгли до сотни танков, уничтожили 920 железнодорожных вагонов с различными военными грузами. Кроме того, захватили в качестве трофеев: 578 артиллерийских орудий и минометов, около полутысячи пулеметов, свыше 30 тысяч винтовок и автоматов, 78 танков, 2 бронепоезда, 1440 автомашин, 108 радиостанций и многое другое»[5].

Сухие цифры, но как о многом они говорят, как ярко

характеризуют успех войск! В числе важных достижений было и то, что еще больше укрепилась уверенность личного состава частей и соединений в неизбежности краха немецко-фашистских захватчиков.

# Прощай, полк!

В конце марта части 15-й Сивашской дивизии, а затем и всей 13-й армии перешли к обороне на северном фасе Курской дуги.

О дальнейшем развитии боевых событий командиры и политработники поначалу не имели сколько-нибудь ясного представления. Могли лишь догадываться, строить различные предположения. А предположений было более чем достаточно. Чаще всего разговоры сводились к выводу, что оборона на занятом войсками к 23 марта рубеже чревата многими неожиданностями. В недалеком будущем тут могут возникнуть оборонительные сражения.

Немало сторонников такого вывода сразу же после перехода войск к стабильной обороне оказалось и в 15-й Сивашской дивизии. Наиболее рьяные из них обычно обращались к карте.

— Видите, что получается, — говорили они, обводя дугообразную линию фронта, образовавшуюся в результате февральско-мартовского наступления советских войск.

Курский выступ глубоко вклинился в занятую врагом территорию. Для Красной Армии он имел важное стратегическое значение. Занимая его, войска при удачном развитии событий могли нанести сильные удары по тылам и флангам как орловской, так и белгородско-харьковской группировок противника. Вместе с тем Курский выступ создал определенные стратегические выгоды и противнику. Он мог попытаться срезать выступ, нанести одновременно два встречных удара — из района Орла на юг и из района Белгорода на север. А так как подобный вариант был вполне возможен, то войскам, занявшим оборону на северном и южном фасах Курской дуги, придется упорно обороняться.

Если поначалу это было лишь предположением «в низах», то вскоре стало очевидно, что оно в полной мере соответствовало стратегическим соображениям и высшего командования. От войск, занимавших оборону на северном и южном фасах Курской дуги, потребовали строить невиданную по своей глубине и масштабности оборону, быть в постоянной готовности к трудным и суровым оборонительным боям. В директивах и приказах, разумеется, все это излагалось более пространно и обстоятельно. Главная же суть сводилась к тому, что оборона должна быть непреодолимой для врага, что будущее оборонительное сражение в конце концов должно послужить началом нового мощного наступления советских войск.

После завершения наступательных боев наш полк занял

оборону северо-западнее станции Поныри. Его штаб разместился в деревне Гнилец. Это был первый за время войны полковой КП, построенный саперами, если можно так сказать, с комфортом. Он представлял собой большой блиндаж с надежным перекрытием, просторный, хорошо отапливаемый.

Как-то в конце марта на эту новую фронтовую «квартиру» приехал командир дивизии генерал А. Н. Слышкин.

— Неплохо живешь, Владимир Николаевич. Неплохо. Настоящий дворец построил! — похвалил комдив, снимая шинель и вешая ее на гвоздь в «прихожей».

— Полковой инженер капитан Мысин вместе с саперами постарались.

— Правильно поступил твой инженер, — одобрительно кивнул Афанасий Никитич. — Когда имеется возможность, надо стараться создавать хотя бы минимально сносные условия жизни для бойцов и командиров. А то почти два года воюем так, что из земли и снега не вылезаем. Даже помыться по-человечески не могли. Надеюсь, о размещении личного состава тоже позаботились?

— Еще бы! И о размещении позаботились, и о помывке, и печи для просушки одежды, обуви сложили.

— Очень хорошо, коли так, — присаживаясь к столу, сказал комдив.

По началу разговора можно было понять, что комдив приехал в полк просто узнать, как идут дела. Он даже охотно согласился вместе поужинать. Штабной повар Закир Ахмедович Хамидулин, которого все звали почему-то Ахадедом, сразу же сообразил: раз приехал комдив, надо приготовить для гостя хороший ужин. А готовить он умел отменно. Не зря до войны несколько лет проработал шеф-поваром в ресторане города Казани. Даже в самой трудной обстановке он не забывал постирать и погладить свой белый халат и поварской колпак. Только явно был не в ладах с уставом, не очень разбирался в военной субординации.

Появившись в блиндаже, несмотря на присутствие генерала, обратился прямо ко мне:

— Ужин готов, товарищ подполковник! Можно подавать?

В ту пору фронтовики получали из различных уголков страны посылки. Их слали воинам совершенно незнакомые люди, но каждая такая посылка воспринималась как подарок от близкого и очень дорогого человека.

Весной сорок третьего в полк пришли посылки от трудящихся Грузии. В одной из них оказалось вино, коньяк, несколько чурхчел, которые Афанасий Никитич, увидев впервые, называл «сладкой колбасою».

Ахмед поставил на стол бутылку грузинского коньяка, жареную картошку в масле, отварное мясо и какие-то другие закуски.

Ужин Афанасию Никитичу понравился. Видно, понравился и повар Ахмед. Когда он снова пришел, чтобы убрать посуду, комдив поблагодарил его за картошку «по-казански» и обращаясь ко мне, сказал:

— У нас в штабной столовой нет хорошего кулинара. Отдайка ты этого молодца нам. Впрочем, пусть пока остается в полку. Потом захватим его с собой, когда придет приказ о твоем назначении в дивизию. — И тут же пояснил: — Мой заместитель пошел на повышение. А мне без молодого, энергичного помощника в делах никак нельзя. Вот я и рекомендовал Николаю Павловичу Пухову назначить на эту должность тебя.

…Через несколько дней прибыл преемник — подполковник Николай Николаевич Оноприенко. Среднего роста, стройный подтянутый, лет на пять моложе меня. Несмотря на молодость внушал к себе уважение и доверие.

Сдача полка подполковнику Оноприенко не заняла много времени. 4 апреля 1943 года я уже прощался с полковыми товарищами. И хотя оставался в том же соединении, все же грустно было расставаться с теми, кого по-настоящему полюбил, с кем бок о бок принимал участие в тяжелых боях.

# Навстречу великой битве

Оборонительный рубеж на северном фасе Курской дуги… Как он строился, что представлял собой в канун великого Курского сражения?

В военном лексиконе имеется много определений. Оборона была глубоко эшелонированной, противотанковой и противопехотной, устойчивой, надежной. Все, безусловно, так. Однако это лишь общепринятые определения, а под Курском на предполагаемом направлении главного удара врага была создана прочная уникальная оборона, не имевшая равных в истории войн.

Когда мы вместе с начальником инженерной службы дивизии майором В. П. Егоровым впервые выехали на рекогносцировку местности, перед нами предстала картина далеко не утешительная: открытое поле без каких-либо пригодных для длительной обороны высот, две жиденькие рощицы неподалеку от Подолян и Гнильца… Единственное утешение — овраги. Они пролегали параллельно переднему краю, через каждые 3–4 километра. Овраги эти были удобными для размещения артиллерийских, минометных подразделений и укрытия личного состава.

Выбора не было. Решили создать всевозможные фортификационные сооружения именно здесь, на открытой всем ветрам, на далеко просматриваемой и, казалось поначалу, легко доступной для танков врага местности.

Комдив требовал: оборона должна быть самой мощной и надежной, непреодолимой ни для танков, ни для артиллерии, ни для пехоты.

— Сумеем выстроить такую оборону, оснастить ее мощными огневыми средствами, как можно глубже зарыться в землю, — тогда нам никакой черт не страшен.

Примерно в таких же словах выражал свои требования и начальник инженерной службы армии полковник Захар Иосифович Колесников. Он напомнил о жесткости сроков. Все работы было приказано провести быстро и качественно. К участию в них были привлечены стрелковые подразделения, воины инженерно-саперного батальона дивизии, которым командовал майор И. А. Педь, саперы полков, связисты.

Это было воистину сражение за железную оборону. Оно не прекращалось ни днем ни ночью. Когда одни группы воинов получали разрешение на короткий отдых, их заменяли другие. Все земляные работы производились вручную кирками лопатами. Поистине неиссякаемой была энергия руководивших этими

работами наших полковых инженеров П. Д. Кичева, Т. М. Авакяна, Г. С. Косенко.

В этот раз пришлось полностью отказаться от традиционных индивидуальных окопов. Главное внимание сосредоточивалось на образовании стройной траншейной системы.

Первая, главная полоса обороны дивизии пересекалась тремя параллельными глубокими траншеями по всей ширине обороны. Расстояние между ними было рассчитано так, чтобы воины, находившиеся во второй траншее, всемерно способствовали повышению огневой мощи первой.

Такие же траншеи, только не сплошные, а прерывчатые, и тоже с множеством ходов сообщения, сооружались на второй и третьей полосах обороны. Они предназначались для войск второго эшелона, которые должны были контратаковать противника в случае его вклинения или мощным огнем остановить его дальнейшее продвижение.

Каждые сутки с наступлением темноты саперы уходили ставить мины и проволочные заграждения. Только перед передним краем обороны устанавливалось от полутора до двух тысяч мин на каждый километр фронта. Кроме того, в оперативной глубине минировались танкоопасные направления, узкие дефиле, перекрестки дорог. На внутренних дорогах через каждые 100–200 метров отрывались щели для укрытия личного состава от воздушных бомбардировок. Зарывались в землю артиллерия, минометы, транспорт… Готовились хорошо оснащенные связью и тщательно замаскированные пункты Управления огнем, густая сеть наблюдательных пунктов. Провода телефонной связи во избежание порывов от осколков снарядов также глубоко засыпались землей, причем основные линии проходили под землей по дну траншей. В штабе дивизии, который возглавлял полковник Шмыгалов Вениамин Петрович, была тщательно разработана система огня по отражению ударов противника. Все виды огня получили номера, так что соответствующему общевойсковому командиру достаточно было только назвать определенный номер, чтобы артиллеристы и минометчики обрушили мощный огонь туда, куда потребуется.

Общая глубина обороны на участке Сивашской дивизии составляла 5–8 километров. Примерно такой же глубины достигала она и в других соединениях 13-й армии, войска которой сосредоточились на направлении предполагаемого главного удара противника.

Особое внимание уделялось противотанковой обороне. Она состояла из противотанковых районов, включавших в себя ротные противотанковые опорные пункты. На вооружении каждого

ротного ПТОП имелось не менее четырех противотанковых орудий, до взвода противотанковых ружей, специально подготовленная группа истребителей танков, вооруженных гранатами и бутылками с горючей смесью. На участке Сивашской дивизии было создано 13 противотанковых районов и 44 опорных пункта. Вся полковая и часть дивизионной артиллерии подготавливалась к ведению огня по танкам прямой наводкой. В систему противотанковой обороны входили также подвижные артиллерийские отряды заграждения.

Никогда еще за два года войны 13-я армия (на Курском выступе она вошла в состав Центрального фронта) не была такой сильной и мощной, какой стала весной 1943 года. В ее составе тогда было 12 дивизий из 41, которыми располагал фронт. В оперативном подчинении армии находились 25 артиллерийских полков, 3 минометные бригады, 8 минометных полков, 5 полков гвардейских минометов — «катюш». Занимая лишь 11 процентов общефронтовой полосы обороны, армия получила в свое оперативное подчинение 44 процента всех имеющихся в составе фронта артиллерийских частей. Наряду с этим соединения армии располагали достаточно сильной своей дивизионной и полковой артиллерией.

Всего в армии имелось 2935 артиллерийских орудий и крупнокалиберных минометов (помимо зенитной артиллерии), что в среднем составляло примерно 92 ствола на каждый километр фронта обороны. В Сивашской дивизии артиллерийская насыщенность была еще большей — примерно 110–120 орудийных стволов и 10 танков на километр участка.

В мае в состав армии дополнительно влились две зенитно-артиллерийские дивизии, одна из которых была передана в оперативное подчинение командованию Сивашской дивизии. Кроме зенитчиков войска прикрывали с воздуха и части истребительной авиации.

В полосе обороны 13-й армии сразу же за боевыми порядками ее войск располагался и главный резерв фронта — 2-я танковая армия, 9-й и 19-й танковые корпуса.

Одновременно со строительством обороны воины непрерывно учились воинскому мастерству. Все — от бойца до генерала понимали, что предстоит отражать прежде всего танковые удары врага. Пехоту, конечно, тоже не сбрасывали со счета, не забывали, что при поддержке большого количества танков гитлеровские стрелки и автоматчики действуют нагло, напористо.

Роты и батальоны поочередно отводились с переднего края во второй эшелон, и там с ними проводились практические занятия, максимально приближенные к боевой действительности.

«Не бояться танков!», «Смелому и умелому воину танк не страшен!» Эти истины изо дня в день внушали личному составу командиры и политработники, пропагандисты и агитаторы, бывалые воины.

Преодолению танкобоязни в немалой степени способствовала обкатка пехоты танками в траншеях. На траншею, из которой вели огонь воины стрелкового подразделения, надвигался танк «противника», который не удалось уничтожить перед позицией. Оставалось одно: быстро пригнуться в траншее, лучше всего, лечь на ее дно, затем, пропустив танк «через себя», мгновенно подняться и успеть метнуть на его корму либо противотанковую гранату, либо связку противопехотных гранат, либо бутылку с горючей смесью. Во время учебных занятий для «поражения» танков, использовались, разумеется, болванки.

Процедура обкатки траншей танками, конечно, устрашала. Под тяжестью танка деформировались стенки траншеи, стрелков засыпало землей. На какое-то мгновение им казалось, что вот-вот танк их раздавит. Но через две-три обкатки страх исчезал, приходило чувство уверенности.

Помимо обучения личного состава непосредственно в дивизии проходили также крупномасштабные занятия и учения на фронтовом полигоне, созданном по инициативе Маршала Советского Союза Г. К. Жукова примерно в 30 километрах от переднего края. Входившие в состав фронта соединения в порядке очереди отводились туда с передовой на 5–6 дней для отработки тактических приемов с использованием новейшего оружия, главным образом противотанкового. Соответствующим образом выбиралась и местность для практических занятий. На полигоне, нередко в присутствии Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского и командарма Н. П. Пухова, разыгрывались большие наступательные «бои», в ходе которых решались сложные задачи взаимодействия различных родов войск.

Как-то после одного из таких занятий, которое мне довелось проводить в присутствии высокого начальства, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков сказал мне:

— Если вы и в боевой обстановке так организуете наступательный бой, то никакой враг вам не страшен.

Объявив личному составу благодарность, Георгий Константинович рекомендовал готовиться к предстоящим боям еще упорнее.

Командование фронта, безусловно, многое знало о противостоящем противнике, в том числе и о его силах, сконцентрированных на Курском выступе, о его планах, намерениях. Но подлинная численность пехоты, артиллерии,

танков, самолетов стала известна, конечно, позже. В определенной степени было известно, что, готовясь к нанесению мощного удара по советским войскам под Курском, фашистские генералы большие надежды возлагали на новую боевую технику. На фронт под Курск шло большое количество тяжелых танков и самоходных орудий.

Непосредственно перед 15-й стрелковой дивизией стояла 6-я пехотная дивизия врага. В ее тылу, в районе совхоза «Садовод», расположилась крупная ударная группировка пехоты, артиллерии и танков.

# Генеральная проверка

Все ждали начала боев. Ждали еще с середины мая. Но заканчивался июнь, а вражеское наступление не начиналось.

По вечерам, ночью и в раннюю утреннюю пору на фронте стояла напряженная тишина. Ее нарушали лишь соловьиные трели да редкие одиночные выстрелы. Прелестные курские соловьи! Даже в войну они не прекращали своих звонких песен. Солдатам же было не до них. Томительное ожидание предстоящего сражения выматывало душу, ни днем ни ночью не давало покоя.

С середины июня противник усилил обстрел советских позиций, корректируя огонь с самолетов-разведчиков. Иногда в воздух поднимался вражеский аэростат, и тогда артиллерийский обстрел усиливался. В такие дни противник только на участок обороны Сивашской дивизии бросал по 1500–1800 мин и снарядов.

В небе то и дело вспыхивали воздушные бои. Нередко с обеих сторон в них одновременно участвовало больше сотни самолетов. Авиации противника иной раз удавалось бомбить железнодорожные узлы, станции… Не оставались в долгу и советские летчики. Они наносили мощные удары по скоплениям пехоты и танков противника. Особенно ожесточенные бои разгорались между истребителями. И все же это было лишь преддверие грядущего сражения.

В последних числах июня генерала А. Н. Слышкина назначили командиром вновь сформированного 29-го стрелкового корпуса. Мне хорошо запомнились его слова, сказанные при прощании: «Свой главный удар противник, видимо, нанесет по участку обороны Сивашской дивизии».

Это его предположение базировалось на двух важных факторах. Во-первых, сразу же за боевыми порядками полков дивизии проходило магистральное шоссе, к которому враг, конечно же, будет стремиться. Во-вторых, участок обороны сивашцев на самом левом фланге 13-й армии — на ее стыке с соседней 70-й армией. А стык, как известно, в обороне — место наиболее уязвимое. Не случайно поэтому по приказанию фронтового и армейского командования участок обороны 15-й дивизии был сокращен по фронту почти вдвое и доведен до 10 километров. Не случайно и то, что дивизия получила мощные средства усиления: два самоходных и четыре истребительных противотанковых полка, два дивизиона тяжелой артиллерии, зенитно-артиллерийскую дивизию. В глубине обороны сивашцев

расположились части фронтового резерва.

— Главное — выдержать танковый таран врага, — говорил комдив. — Ну и с пехоты, конечно, не сводить глаз. Прорвать такую оборону, какую мы создали, очень трудно. И надеюсь, фашисты ее не прорвут.

…Наступил июль. Душный, жаркий и по-прежнему полный тревожного ожидания. Отдыхать почти не приходилось, особенно перед рассветом. Ведь бои чаще всего начинались ранним утром.

В ночь на 1 июля — особенно душную и жаркую — долго сидел над картой, прикидывал различные варианты отражения атак противника. Забрезжил рассвет. Одна за другой угасали звезды. Все ярче разгоралась заря.

В расположении врага хлопнул одиночный выстрел. Тишина как-то сразу стала напряженной и зловещей. Когда враг начнет атаки? Может, через час, через несколько минут?..

Советской разведке удалось установить приблизительный срок начала вражеского наступления с точностью до трех суток. Стало известно, что оно ожидается между 3 и 6 июля. В дивизию эту весть привез начальник штаба полковник В. П. Шмыглев, побывавший в армии. Трое суток! 72 часа ожиданий!

За поведением противника следили сотни глаз. Бинокли, стереотрубы, перископы были постоянно наведены на передний край вражеской обороны. Звукометрические посты засекали по отдельным выстрелам огневые точки. Каждый квадратный метр земли был взят под прицел артиллеристами, минометчиками, пулеметчиками. О всяком, даже малейшем изменении в режиме дня и поведении противника наблюдатели немедленно докладывали в штаб.

Рано утром позвонил командарм генерал Н. П. Пухов и сообщил, что часов в девять-десять в дивизию прибудет командующий фронтом генерал армии Рокоссовский. Потом спросил:

— Как там у вас?

— Тихо.

— Слушай внимательно. Слушай эту тишину. Не нравится она мне.

Не нравилась она и мне. Надоело вслушиваться в нее. Но тишине приходит, как видно, конец. Не зря же едет сюда командующий фронтом.

Вместе с начальником артиллерии полковником Ф. Ф. Федотовым и другими офицерами штаба дивизии выехал к условному месту встречи с К. К. Рокоссовским.

Встреча произошла в 15 километрах от передовой. К. К. Рокоссовский и сопровождавшие его генерал-лейтенант Н. П.

Пухов, генерал-майор А. Н. Слышкин подъехали на машинах. Коротко доложил о боевой готовности дивизии. Константин Константинович молча выслушал доклад, распорядился:

— Теперь поедем на ваш командный пункт, полковник. Там подробнее обо всем поговорим.

На КП более обстоятельно доложил о состоянии дивизии и занимаемом ею участке обороны. Командующий фронтом остался доволен, но продолжал расспросы. Он интересовался настроением личного состава, готовностью противотанковой обороны… После чего энергично поднялся из-за стола.

— Хорошо, полковник! Посмотрим вашу оборону на месте. С чего начнем?

Ответил генерал Слышкин:

— Если не возражаете, товарищ командующий, предлагаю пойти в шестьсот семьдесят шестой полк. Он занимает оборону на стыке с восемьдесят первой дивизией генерала А. Б. Баринова.

— Ну что ж, можно и туда, — согласился Рокоссовский.

Шли по траншеям. Несколько раз останавливались. Константин Константинович беседовал с бойцами и командирами, интересовался их настроением, их мнением о прочности обороны. Не отстававший от него ни на шаг полковник-адъютант все время что-то записывал в блокнот, вероятно, ответы бойцов на вопросы командующего.

В полку командующего фронтом встретил командир 676-го полка подполковник Н. Н. Оноприенко. Он четко доложил о боевой готовности полка. Командующий фронтом крепко пожал ему руку:

— Показывайте свое хозяйство, подполковник.

В траншеях и окопах повсюду царил образцовый порядок. Стрелки, автоматчики, пулеметчики с завидным солдатским мастерством во многих местах соорудили надежные укрытия от осколков снарядов, мин и авиабомб, в образцовом состоянии содержали оружие и боеприпасы. Такими же надежными были укрытия и у артиллеристов, танкистов, связистов, воинов других специальностей.

Одновременно с осмотром боевых позиций Константин Константинович просто, по-дружески расспрашивал бойцов и сержантов, насколько хорошо они знают свои обязанности в бою. Все отвечали на его вопросы бойко, уверенно. Некоторые в свою очередь задавали вопросы командующему.

— Когда же, товарищ командующий, закончится наше отсиживание в окопах? — спросил в одной из рот старший сержант. — На моей родной Украине нас ждут родные, жены, дети, а мы сидим, как кроты, в земле и чего-то медлим.

Прикажите наступать, мы сметем врага.

Константин Константинович нахмурил брови, вздохнул:

— Дойдет дело и до освобождения Украины, товарищ старший сержант. Если не в этом, то в будущем году Украина будет освобождена. Пока же нам надо разгромить врага здесь, под Курском.

Бывалый, рассудительный солдат, по всей вероятности, понравился командующему фронтом. Он беседовал с ним несколько минут, гораздо дольше, чем с другими. Спросил, давно ли старший сержант на фронте, где, в каких боях принимал участие, насколько хорошо разбирается в теперешней боевой обстановке. Тот кратко, но обстоятельно ответил на все вопросы.

— Старший сержант — опытный, способный командир, товарищ командующий. Его отделение — одно из лучших в полку, — вставил подполковник Оноприенко.

— Если лучший, значит, заслуживает награды, — сказал Константин Константинович и, вручив старшему сержанту часы, с теплой улыбкой добавил: — А Украину, как и всю советскую землю, мы непременно освободим. Теперь уже недолго ждать.

Ничто не ускользало от внимания Рокоссовского, но больше всего, естественно, его интересовало состояние противотанковой обороны.

Вернувшись в траншеи второй линии, командующий подошел к месту, где по схеме значилась боевая позиция одного из противотанковых орудийных расчетов. Оглядевшись вокруг и не увидев орудия, командарм Пухов грозно спросил:

— Что это? Где расчет?

Командующий фронтом, разгадав солдатскую хитрость, объявил боевую тревогу. Артиллеристы мгновенно выкатили орудие из укрытия и заняли боевую позицию.

— Тридцать шесть секунд! — удовлетворенно произнес Константин Константинович, отрывая взгляд от наручных часов. — Неплохо. Очень даже неплохо! — похвалил он артиллеристов. — Кто командир противотанкового узла?

Им оказался младший лейтенант Иван Борисюк. Командующий фронтом тепло побеседовал с ним, объявил ему и всему составу орудийного расчета благодарность.

— Если в бою будете действовать так же быстро, согласованно, то никакие «тигры» и «пантеры» вам не страшны, — сказал Константин Константинович Борисюку.

Осмотр боевых позиций был закончен уже во второй половине дня. По глубоким траншеям все благополучно вернулись на КП дивизии.

Едва вошли в блиндаж, начальник штаба полковник В. П.

Шмыглев доложил:

— Товарищ командующий! Звонили из штаба фронта и просили передать вам, что никаких новых данных о сроках вражеского наступления нет. Все остается по-прежнему.

— Опять то же самое, — не скрывая досады, задумчиво произнес Константин Константинович. — А когда точно? Нужны более точные данные. Мы обязаны знать не только день, но и час, минуту начала удара врага. Нужен «язык». Именно на участке вашей дивизии, полковник. Непременно достать «языка». Это мой личный приказ!

Делясь впечатлениями о результатах осмотра боевых позиций, К. К. Рокоссовский дал высокую оценку всему, что видел в 676-м стрелковом полку и на противотанковом узле артиллеристов. В заключение, очертив на карте цветным карандашом участок обороны дивизии, объявил:

— Самый ответственный участок, товарищи, у вас. Вероятнее всего, именно здесь противник попытается прорвать оборону. Возможно, на стыке вашей и восемьдесят первой дивизии. Словом, вам и вашим соседям предстоит принять на себя главный удар врага. Вы глубоко зарылись в землю, создали надежную оборону не только на первой линии, но и в глубине. Это — важная гарантия задержать противника, измотать его в жестоких боях, ослабить. Вам будет обеспечена всесторонняя помощь. Ночью к вам прибудет инженерно-саперная бригада, произведет уплотнение минных заграждений. И последнее. До начала боев нужно добыть «языка». Любой ценой!

Когда разговор был закончен, мы пригласили командующего и сопровождавших его генералов пообедать. Возражений не последовало. Повар Ахмед подал на стол, как он выразился, парадный обед.

Много лет спустя после победного завершения Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский напишет в своих воспоминаниях о посещении 15-й Сивашской стрелковой дивизии:

«При проверке рубежей в районе Понырей я спросил солдат одного из подразделений, как они оценивают свои позиции. Бойцы уверенно ответили: „Здесь противник не пройдет!“ И надо сказать, что они подтвердили это на деле»[6].

# Накануне

После отъезда командующего мы с начальником штаба и начальником разведки засели за разработку очередного плана захвата «языка». Очередного потому, что поисковые группы за последний месяц уходили в разведку каждую ночь. Однако возвращались ни с чем.

Каждый раз противник парализовывал действия разведчиков. Со второй половины июля им периодически устраивались крупные засады. Еще одна попытка захватить «язык» в ночь на 3 июля вновь не увенчалась успехом.

Рано утром 4 июля линию фронта перебежали два югослава — солдаты третьей роты 18-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии. Они показали, что их дивизия имеет позиции в районе Верхнее Тагино. Перебежчики рассказали, что гитлеровские войска готовятся в ближайшие дни перейти в наступление.

Необходимость узнать время начала вражеского наступления стала еще острее. Было решено в ночь на 5 июля направить в разведпоиск еще две группы — самых опытных асов разведки. В одну из них вошли дивизионные разведчики, в другую — разведчики 676-го полка.

Договорились, что продвижение к вражеской обороне обе группы начнут одновременно из первой траншеи. Одна в направлении совхозного поселка Тагино, другая — восточнее.

Для группы полковых разведчиков лейтенанта Рябушенко был предусмотрен лишь один вариант: незаметно для противника подобраться к его обороне восточнее Тагино и организовать засаду. Основой для такого варианта послужило то, что наблюдатели несколько раз примечали появление там небольших групп вражеских солдат, по всей вероятности, возвращавшихся с каких-то заданий.

Более реальная и вместе с тем более опасная задача была поставлена группе лейтенанта И. Мелешникова. Она должна была проникнуть на южный скат усиленно охраняемой гитлеровцами высоты 256,0 западнее совхозного поселка Тагино, где разведка дивизии засекла тщательно замаскированную пулеметную точку. Она-то и была избрана объектом нападения разведчиков. Не исключалась возможность встречи с гитлеровцами в нейтральной зоне. В этом случае разведчики должны были действовать в соответствии с обстановкой.

В группу лейтенанта Мелешникова вошли прославленные на всю дивизию разведчики: старший сержант парторг роты Андрей

Иванов, ефрейторы Федор Семенов, Александр Гузынин, Михаил Логозинский… Всего 12 человек. Все варианты захвата «языка» предварительно отработали на местности.

В течение нескольких часов разведчики вели наблюдение за противником из траншеи 47-го стрелкового полка. Часам к девяти вечера туда пришли и мы с подполковником Бочаровым и капитаном Колесовым. Там же находился и представитель штаба армии.

Смотрю на часы. Часовая стрелка показывает двадцать два часа.

— Ну, в добрый час! Большой удачи!

Разведчики словно растворились в темноте. Мысленно представил их путь в стан врага: впереди по-пластунски ползут саперы с миноискателями, за ними — группа захвата, последний — связист с катушкой телефонного провода за спиной. «Удачи вам, ребята!»

Позвонил со своего НП командир 47-го полка Иван Иванович Карташов:

— Группа Рябушенко находится метрах в шестидесяти от вражеских окопов, на переднем крае у противника необычно много солдат и офицеров. Из глубины обороны доносится шум большого числа автомашин, лязг гусениц танков и самоходок. Кроме того, Рябушенко и его разведчики слышали автоматные очереди и взрывы гранат у высоты.

Слышали автоматные очереди у высоты и мы. Но никаких сообщений от Мелешникова не поступало. Что там случилось? Неужели опять осечка, и разведчики возвращаются ни с чем? Томительные минуты ожидания. Пять, десять, пятнадцать минут… Время, кажется, остановилось.

*Разведчик дивизии Антон Перадзе.*

Перед траншеей появился широкоплечий, рослый человек, в котором без труда узнали сибиряка Федора Семенова. Он тащил на спине что-то тяжелое. Перевалив через бруствер траншеи, Семенов сбросил со спины тяжелую ношу, радостно доложил:

— Задание выполнено, товарищ полковник! Фрица взяли… В минных полях. Там их человек двадцать возилось…

Вслед за Федором Семеновым вернулись и остальные разведчики со главе с лейтенантом Мелешниковым.

«Пленного взяли в минных полях, там их человек двадцать возилось, — молнией пронеслось в мозгу. — Значит, гитлеровцы проделывают проходы. Вполне возможно, через час-другой начнут атаку».

Пленного развязали, подняли на ноги.

— Допрашивайте! — приказал стоявшему рядом переводчику. — Кто он? Что делал вместе с другими на минном поле?

Пленный сразу же назвал имя и фамилию. Он солдат, саперного батальона 6-й пехотной дивизии. Вместе с другими

солдатами саперного взвода готовил проход через минное поле для танков и пехоты. Затем неожиданно выпалил по-русски, с трудом подбирая слова:

— Завтра русиш капут! Орел… Белгород! — солдат широко развел руки, потом соединил их вместе, с силой сжал в один кулак. — Курск — капут!

— Спросите, когда они начинают? — поторопил переводчика.

— Пятого июля. Начало артподготовки в два часа тридцать минут. Пехота и танки уже на исходных позициях для атаки. В частях зачитан приказ фюрера о наступлении, где сказано: «Колоссальный удар, который будет нанесен утром советским армиям, должен потрясти их до основания».

Немедля связываюсь с командармом.

— Пленного ко мне! — приказал Пухов.

Два бойца с автоматами увели пленного, чтобы как можно быстрее доставить его на машине в расположение штаба армии.

Лейтенант Иван Мелешников, старший сержант Андрее Иванов, ефрейторы Федор Семенов, Александр Гузынин другие разведчики рассказали, как им удалось захватит столь ценного «языка».

Группу саперов противника они увидели первыми в нейтральной зоне. Те направлялись по неглубокой балке к переднему краю советской обороны.

Пути вражеских саперов и советских разведчиков как бы перекрестились. Причем разведчики оказались в более выгодном положении — на высотке, а гитлеровцы внизу. Лейтенант Мелешников решил внезапно атаковать вражеских саперов. Первыми открыли автоматный огонь Мелешников, Иванов, Семенов и Гузынин. Гитлеровцы были ошеломлены. Воспользовавшись их замешательством, ефрейтор Александр Гузынин метнул гранату. Несколько вражеских саперов были уничтожены. Оставшиеся в живых кинулись бежать. Лейтенант Мелешников успел одного из них свалить на землю. На помощь подбежал ефрейтор Гузынин. Вдвоем они быстро связали захваченного, заткнули ему кляпом рот и завернули в плащ-накидку. Нести пленного командир группы поручил Федору Семенову, обладавшему недюжинной силой. Остальные разведчики сопровождали его вплоть до первой траншеи полка.

Так в нашей дивизии первыми узнали точное время начала Курской битвы.

# Битва

Отправив пленного гитлеровца в штаб армии, я поспешил на наблюдательный пункт дивизии, который располагался на выгодной в тактическом отношении высоте, поблизости к селу Степь. Обычно гитлеровцы часто обстреливали высоту из артиллерии и минометов. Теперь же было тихо. Ни одного выстрела.

Еще перед уходом из 47-го полка по телефону я сообщил начальнику штаба дивизии о показаниях пленного и возможном начале гитлеровского наступления. Начальник штаба немедленно созвал всех руководящих офицеров штаба. Все пришло в движение. Все торопились. Ведь до начала вражеского удара оставалось около трех часов.

В 2 часа 20 минут, ровно за десять минут до начала артподготовки врага, все линии и средства связи передали войскам условный сигнал «Солнце» — приказ о начале контрартподготовки. В полосе обороны всего Центрального фронта грянул гром сотен орудий. Только в полосе обороны 13-й армии открыли огонь по вражеским позициям, местам предполагаемого скопления живой силы и техники противника 600 орудий.

Контрартподготовка продолжалась в течение получаса. Это был поистине всесокрушающий удар. За полчаса советская артиллерия израсходовала тысячи снарядов!

Беспокоила мысль: начнет ли противник свое наступление сегодня? Достоверны ли показания взятого в плен вражеского сапера? Правильно ли оценена ситуация? Если враг намеревался начинать сражение не сегодня, а через два-три дня, тогда он все же сумеет восполнить урон. К тому же ему станут известны и демаскированные огневые точки советских батарей.

— Начнет. Куда ему деваться? — сказал уверенно командующий артиллерией Федотов. — Отменить крупную боевую операцию, когда она подготовлена и срок ее определен, уже невозможно.

Однако шло время, а со стороны врага — ни одного выстрела. За передним краем и в глубине обороны противника продолжали полыхать пожары, время от времени гремели мощные взрывы, вероятно, взрывались склады и машины с боеприпасами. И все. Никаких признаков начала наступления.

Два часа потребовалось немецко-фашистскому командованию, чтобы привести свои войска в относительный порядок после мощного удара советской артиллерии. Отменить,

перенести тщательно подготовленное наступление на более дальний срок противник уже не мог. Ровно в 4.30 прогремел первый залп вражеской артподготовки. Велась она в значительной мере ослабленными силами, далеко не теми, что предполагалось. К тому же спустя пять минут после ее начала советская артиллерия нанесла новый мощный кратковременный удар по врагу. В полосе обороны 13-й армии огонь вели теперь уже не 600, а более тысячи орудий и минометов, так как была привлечена полковая артиллерия и батальонные минометы.

Позже станет известно, что ударная группировка врага, предназначенная для прорыва обороны советских войск в полосе 13-й армии и правофланговых соединений 70-й армии, состояла из восьми пехотных, шести танковых и одной моторизованной дивизий. Она имела 270 тысяч солдат и офицеров, около 3,5 тысячи артиллерийских орудий и минометов, почти 1200 танков и самоходных орудий, в том числе большое количество «тигров», «пантер» и «фердинандов».

Только на узком участке фронта обороны Сивашской и соседней 81-й дивизий, где противник намечал прорвать оборону, было сосредоточено до четырех пехотных и трех танковых соединений, имевших на вооружении до 500 танков! И все это при поддержке большого числа артиллерии и самолетов.

Когда закончилась артиллерийская дуэль, в 5 часов 30 минут утра противник перешел в атаку. Силами двух пехотных полков при поддержке большого количества танков и бомбардировщиков он попытался с ходу пробить брешь на участке обороны 47-го стрелкового полка, перед позициями которого не имелось каких-либо естественных препятствий. Одновременно подвергся атаке и 676-й полк. Но так как его позиции пролегали по труднопроходимой местности — оврагам, заболоченным участкам поймы реки Очка, противник не смог с полной силой использовать танки, что, естественно, ослабило его удар.

Первая атака противника была успешно отражена. Вражеская пехота и танки, встреченные мощным артиллерийским, минометным и ружейно-пулеметным огнем, вынуждены были отойти на исходные позиции.

В 6 часов 30 минут, после еще более продолжительной артподготовки и бомбардировки с воздуха, гитлеровцы вновь атаковали позиции Сивашской дивизии и полков правого соседа — 81-й стрелковой.

— Противник атакует с юго-восточной окраины Верхнего Тагино в направлении Ясной Поляны, — доложил по радио командир 47-го стрелкового полка подполковник Карташов.

— Много танков?

— Сам черт не подсчитает.

— Держись, Иван Иванович! Держись! Нам теперь остается только одно — держаться! — крикнул в микрофон.

Острие этой атаки направлялось против третьего батальона полка. Воины батальона, которым командовал капитан Н. Д. Жуков, при поддержке артиллерии с трудом, но все же отбили атаку. По рации поступило тревожное сообщение из 676-го полка: гитлеровцам удалось вклиниться в оборону у сел Борки и Озерки. Командир полка подполковник Оноприенко доложил, что контратакой первого и третьего батальонов гитлеровцы выбиты из занятых ими траншей. В схватке с врагом высокую личную отвагу проявили командир третьего батальона майор Швендик и командиры подразделений лейтенанты Сердий и Большаков.

В первых атаках противник ввел в бой крупные силы. Но это была пока лишь «пристрелка». Главный свой удар по обороне 15-й Сивашской и 81-й стрелковой гитлеровцы нанесли в 8 часов 30 минут. Из районов Верхнее и Нижнее Тагино двинулась громадная лавина танков. Впереди шли группами по 10–15 машин в ряд «тигры» и самоходки «фердинанд». За ними тоже группами по 50—100 машин двигались средние и легкие танки. В последнем ряду двигалась пехота на бронетранспортерах. В воздухе появилось до сотни бомбардировщиков и истребителей. Бомбардировщики подвергли прицельному удару минные поля, а также овраги, в которых располагалась полковая артиллерия и минометы. Отбомбившись, самолеты едва успевали лечь на обратный курс, как их тут же сменяла новая армада.

Часть полковой артиллерии оказалась разбитой. Проводная связь НП с полками нарушилась. Пришлось перейти к управлению боем по радио. В 47-м стрелковом полку случилась еще большая беда. Вражеский снаряд угодил в блиндаж связистов и повредил рацию. Командир полка вынужден был прибегнуть к живой связи.

Бой продолжался. Стрелковые подразделения стояли насмерть. Саперы и гранатометчики под ураганным огнем подбирались на близкое расстояние к фашистским танкам, подкладывали под них мины, поражали их противотанковыми гранатами. Смертью героев погибали сами, но не давали врагу пробиться вперед. В упор вели огонь по танкам сорокапятки. Когда фашистским танкам удавалось проходить через траншеи, наши стрелки, автоматчики, пулеметчики отсекали от них пехоту и истребляли ее. То тут, то там завязывались рукопашные схватки. Прорвавшиеся вперед вражеские танки подбивали полковые и дивизионные артиллеристы.

Труднее всего досталось 47-му стрелковому полку. На участке его обороны умолкло более половины огневых точек и противотанковых средств. Воспользовавшись этим, танки противника ворвались в расположение второго батальона полка и стали утюжить его траншеи. Когда вслед за танками появилась вражеская пехота, комбат капитан Н. А. Ракитский поднял батальон на ближний огневой и штыковой бой. И же задержать гитлеровцев батальон не смог. Противник вышел на второй рубеж обороны полка.

Подполковник Карташов решил контратаковать противника силами первого батальона. Однако контратака оказалась безуспешной. Роты обоих батальонов под натиском превосходящих сил врага стали отходить в южном направлении. Случилось то, чего я больше всего опасался. Левый фланг дивизии с каждой минутой все больше обнажался. Локтевая связь с соседом нарушилась. В стык между дивизиями прорвалась пехота противника на бронетранспортерах и часть танков.

С КП дивизии позвонил начальник штаба В. П. Шмыглев и доложил о прибытии туда заместителя командарма генерал-майора М. И. Глухова. Шмыглев передал генералу трубку. Я доложил обстановку.

— Вам идут на помощь два дивизиона «катюш», танковый и танко-самоходный полки. С воздуха поддержит авиация 16-й воздушной армии. Используйте эти силы для ликвидации разрыва с соседней дивизией. Главное сейчас — задержать противника хотя бы до исхода первого дня битвы.

Через несколько минут после разговора с генералом Глуховым радист опять позвал меня к рации. В эфире послышался голос командира 47-го полка Карташова, сумевшего восстановить радиосвязь. Он доложил, что третий стрелковый батальон отразил фронтальную атаку врага, уничтожил в ходе боя до 500 гитлеровцев, 6 танков, 2 самоходных орудия продолжает упорно сражаться, удерживать позицию.

Комбат капитан Н. Д. Жуков не знал, что слева его уже обходят танки и бронетранспортеры с пехотой. Вскоре батальон оказался в окружении. Прервалась и связь с командиром полка. Тогда комбат принял решение — прорвать кольцо окружения в направлении Подоляны. Ни танки, ни пехота врага не смогли преградить дорогу. Батальон вновь соединился с основными силами полка.

В третьем-четвертом часу боя нависла угроза и над наблюдательным пунктом дивизии. Танки противника обошли населенный пункт Степь. С ними вступили в бой артиллеристы. Доложил об этом генералу М. И. Глухову. Тот немедля разрешил

всей оперативной группе дивизии оставить НП и перейти на командный пункт дивизии.

Наблюдательный и командный пункты дивизии были связаны между собой глубокой траншеей, но воспользоваться ею не удалось. Вражеские танки во многих местах перекрыли ее. К счастью, задержанная контратаками батальона капитана Жукова пехота противника на этом участке несколько отстала от танков, и оперативная группа воспользовалась этим. Отходили по высокой ржи под градом бомб и снарядов.

— Странные какие-то бомбы, — сказал начальник связи подполковник Бочаров.

Бомбы и в самом деле были необычными. Не достигая земли, они раскрывались, и из них разлетались гранаты.

До КП оперативную группу дивизии сопровождали разведчики. Часть из них шла впереди, остальные — в прикрытии. Во ржи разведчики столкнулись с пробиравшимися на КП гитлеровцами. Пять вражеских солдат в перестрелке были убиты. Шестого захватил в плен старший сержант Антон Перадзе. Снова налетели немецкие самолеты. Осколком бомбы Перадзе был ранен в ногу.

Переждав во ржи бомбежку, оперативная группа наконец-то добралась до командного пункта. Начальник штаба доложил обстановку.

— Полк Оноприенко продолжает успешно обороняться в первом эшелоне, — сообщил Вениамин Петрович.

Это обрадовало. Значит, дивизия держится. Значит, крепко закапывались в землю не напрасно. А как же дела у соседей?

— Положение у нас трудное, — сказал начальник штаба полка Г. В. Малюга, — полк ведет бой на участке Бобрик — Степь. Нас атакуют до ста танков. Авиация бесперебойно бомбит. Но батальоны держатся.

Командир полка Оноприенко проявил в этих боях качества отличного организатора, смелого и решительного тактика. Первые четыре атаки противника, направленные в обход, полк отразил успешно. Но атаки врага продолжались, обстановка быстро менялась. Вскоре после отхода в район Соборовки 47-го полка стали отходить на свой оборонительный рубеж и части правого соседа — 31-й стрелковой дивизии генерал-майора А. Б. Баринова. В район Александровки пришлось бросить дивизионный противотанковый резерв и подвижной противотанковый заградительный отряд, чтобы обеспечить фланги полка Оноприенко. По моей просьбе командующий армией направил в район Соборовки два армейских противотанковых отряда с задачей преградить путь врага

минновзрывными средствами. Армейским артиллерийским частям, в том числе и зенитным, было приказано вести огонь по танкам врага прямой наводкой.

Отлично сражались не только стрелки и артиллеристы, но и минометчики 321-го полка. В трудный момент, когда на их позиции двинулись танки, политрук роты старший лейтенант Владимир Николаевич Ботковели метко угодил противотанковой гранатой в «тигр», и тот запылал. К сожалению, погиб от вражеской пули и Ботковели.

В 11.30 противник ввел в бой крупные силы танков и пехоты на бронетранспортерах против 676-го полка. При отражении этой атаки особо отличилась полковая батарея ПТО, которой командовал младший лейтенант Иван Борисюк. Уже в первые минуты боя орудийные расчеты старших сержантов Денисенко и Борилина подбили четыре танка и два бронетранспортера. Вместе с артиллеристами мужественно бились бронебойщики-петеэровцы.

Газета «Правда» об этом писала: «Наша артиллерия била по „тиграм“. В этот час советские воины, дравшиеся в окопах, увидели, как воспламеняются тяжелые немецкие танки. Но уже новая мощная колонна приближалась к нашим позициям. И опять в голове шли „тигры“. Два сержанта — Усамбеков и. Фалалеев выдвинулись вперед со своими противотанковыми ружьями. Это был короткий и жестокий поединок. „Тигры“ шли, на ходу стреляя из пушек. Они вздымали землю и давили трупы солдат, лежавших перед окопами. Усамбеков и Фалалеев ждали. Танки уже приближались. Усамбеков крикнул:

— Давай, вот они! Давай, я — в первый!

Фалалеев ничего не ответил. Он продолжал выжидать. Это был опытный бронебойщик. Но теперь он держал самое серьезное испытание перед полком, который любил его, и перед народом, который доверил ему этот рубеж. Может быть, через полминуты его уже не будет в живых — молодого старшего сержанта Фалалеева, но он должен сделать все, чтобы тот крайний „тигр“ больше не двигался. Там, в окопах, товарищи. Они впервые видят этот танк, но они спокойны, они знают, что Фалалеев сделает свое дело. Так думал он в эти короткие минуты, напряженные мгновения и ждал, целясь в смотровую щель тяжелого танка. Он знал все уязвимые места этих „тигров“.

Пора! Фалалеев крепче припал к своему ружью и выстрелил. В ту же минуту он услышал выстрел Усамбекова, „тигры“ направились прямо к ним, очевидно боясь подставить под удар свои бока. Бронебойщики снова прицелились. Два выстрела слились в один, и два танка запылали. Усамбекоь улыбнулся и

прошептал:

— Это „тигры“, да?

— Они самые. Ага, эти уже разворачиваются!

Немецкая бронированная колонна начала было обходить свои подожженные танки, но ее уже расстреливали, поджигали бронебойщики. К Фалалееву подполз старший лейтенант Сердий и крепко обнял его. Еще одна танковая атака была отбита»[7].

Непрерывно атакуя позиции полков, фашисты, вероятно, рассчитывали, что в конце концов наступит предел человеческому напряжению, что яростные атаки танков и пехоты, сопровождаемые мощнейшими бомбардировками с земли и с воздуха, приведут наконец к душевному надлому людей, к тому состоянию усталости, которое заставит их отступить. Враг, однако, просчитался. Никто из воинов полка не проявил малодушия. «Уставала» сталь, докрасна накалялись стволы пушек и пулеметов, но люди, казалось, не знали усталости. Они защищали Родину до последней возможности.

К полудню осложнилась обстановка на участке обороны 321-го стрелкового полка. Вражеские войска, вклинившиеся в оборону соседней 132-й стрелковой дивизии, крупными силами стали обходить полк Г. С. Волощенко с фланга. Это ставило его в исключительно трудное положение.

Чтобы не допустить окружения полка противником, я приказал Волощенко немедленно отводить батальоны в район Соборовки. Отход прошел благополучно.

В этом бою был тяжело ранен и вскоре скончался любимец личного состава комсорг полка Пантелей Айбабин из Сыктывкара. Часы его жизни были сочтены, но он говорил не о себе, а о том, как остановить фашистов.

На вновь занятом рубеже полк отразил до десятка вражеских атак. Однако часам к шестнадцати противнику ценой больших потерь все же удалось захватить западную окраину Соборовки. Видя такое критическое положение, я принял решение контратаковать противника прибывшим от командарма резервом и силами 321-го полка.

После непродолжительного артналета, в котором участвовали гвардейские минометы, танки и самоходки, первыми ринулись в контратаку воины второго и третьего стрелковых батальонов полка и навязали гитлеровцам ближний бой, переходивший в рукопашные схватки. Гитлеровцы не выдержали натиска и вынуждены были отойти, оставив на поле боя больше сотни своих убитых солдат и офицеров.

676-й стрелковый полк по-прежнему оставался на первом оборонительном рубеже. Стойкость воинов полка и частей его

усиления бесили гитлеровцев. Они спешили отрезать полку пути отхода, окружить и уничтожить его вместе со всеми приданными подразделениями.

В конце концов отрезали, окружили. День уже клонился к вечеру, когда подполковник Н. Н. Оноприенко доложил по рации:

— Восемнадцать танков противника с автоматчиками на броне оседлали дорогу Бутырки — Дружковецкий. С противоположной стороны к дороге вышли до сорока танков с пехотой, замкнули кольцо окружения.

— Ищите в кольце слабое место. С наступлением темноты выводите полк из окружения. Помощь артогнем будет. Сообщите время начала выхода.

*Старший лейтенант В. Н. Ботковели.*

Обстановку доложили командарму. Несмотря на то, что противнику удалось несколько потеснить 47-й и 321-й полки, действиями дивизии командарм был доволен. Она отвлекла на себя крупные силы гитлеровцев, сдержала их натиск и вместе с соседями сорвала замысел глубокого вклинения. Задуманный

фашистскими генералами танковый таран, рассчитанный на молниеносный прорыв, не достиг цели.

Командарм приказал продолжать удерживать занимаемые рубежи и быстрее вывести 676-й полк из окружения. Одновременно поинтересовался, прибыл ли армейский резерв.

— Да, резерв прибыл. Он совместно с триста двадцать первым полком выбил противника с западной окраины Соборовки.

Во второй половине дня значительно усилилась активность советской авиации. Напористо вели воздушные бои с истребителями противника наши истребители. С полудня в воздухе все чаще стали появляться советские бомбардировщики и штурмовики.

Первый день боев на Курском выступе подходил к концу. С наступлением темноты вышел из окружения полк Н. Н. Оноприенко. Двадцать шесть вражеских атак отбил он в окружении. Все попытки врага уничтожить полк потерпели крах.

*Бывший начальник штаба 321-го полка генерал-майор Г. В. Малюга (послевоенный снимок).*

В сводке Совинформбюро от 7 июля 1943 года об этом сообщалось:

«Советские бойцы и командиры показывают примеры храбрости и героизма. Подразделение, которым командует подполковник Оноприенко, выдержало бешеный натиск крупных вражеских сил. Бойцы не оставили своих позиций и тогда, когда немецкие танки и пехота окружили подразделение… Бойцы подразделения прорвали вражеское кольцо и немедленно контратаковали немцев. В результате ожесточенной схватки подразделение отбросило противника…».

Полк Н. Н. Оноприенко прорвал кольцо окружения в 21 час 30 минут. С боем отошел на второй рубеж обороны севернее населенного пункта Дружковецкий. К 23 часам все части 15-й Сивашской стрелковой дивизии вместе с полками 6-й гвардейской заняли оборону на укрепленном рубеже Степь, Подсоборовка.

Кончился первый день великой битвы на Курской дуге. Враг не прошел. Не помогли ему ни «тигры», ни «фердинанды». С рассвета до поздней ночи бушевал над курскими полями огненный ураган. Но враг не прошел! Он был остановлен советскими воинами и разгромлен.

«Летописец» 47-го Краснознаменного полка Степан Яковлевич Якушин в своем дневнике записал:

«Сегодня бой какой-то особенно ожесточенный. На каждого нашего солдата немцы бросают по нескольку тонн раскаленного металла. Расчет у немцев как будто бы правильный — маленький человек такого выдержать не может. Но советский солдат — не маленький человек. Он смело взял на себя ответственность за судьбу своей исполинской страны, и более того, за судьбу всего мира. Да, мы великаны духа, потому что мы идейные люди, и наша ленинская идея непобедима!»

Поздно ночью в дивизии стали известны некоторые результаты первого дня сражения в целом по 13-й армии. По предварительным подсчетам, за день боев враг потерял в полосе обороны армии более 100 танков и самоходных орудий, 45 самолетов, свыше 10 тысяч солдат и офицеров.

Это была значительная победа советских войск. Она дала возможность фронту подготовиться к новым сражениям, подтянуть резервы, вторые эшелоны на направление главного удара противника, которое теперь уже ясно определилось. Она дала возможность нашему командованию запланировать и осуществить на второй день битвы мощный контрудар силами, которые в первый день боя в сражении не участвовали. И сиващцы

гордились тем, что именно они вместе со своим правым соседом — 81-й стрелковой дивизией, приняв на себя главный удар противника, сорвали замыслы фашистского командования.

С наступлением ночи Сивашская дивизия была выведена во второй эшелон. Последним выходил из боя и 676-й полк, который вплоть до ночи 6 июля вместе с артиллеристами 203-го артполка и танкистами удерживал село Степь. Против полка Оноприенко действовала 292-я пехотная дивизия гитлеровцев. За два дня боев, как стало известно из показаний пленных, она потеряла более половины своих солдат и офицеров и 7 июля была выведена из боя как утратившая боеспособность.

С не меньшим мужеством и героизмом громили врага все части и соединения 13-й армии. Если 5 июля противнику удалось на отдельных участках продвинуться на 6–8 километров, то на второй день боев его продвижение не превысило 1–2 километров. При этом гитлеровцы потеряли более 25 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, около 200 танков и самоходных орудий, более 200 самолетов, большое число артиллерийских орудий, минометов и другой боевой техники.

Так закончился второй день вражеского наступления на ольховатском направлении. Не дошли, не дотянули фашистские вояки до Ольховатки. И не потому, что не имели для этого необходимых сил и средств. Нет, пехоты, танков, авиации, артиллерии и минометов у них имелось достаточно.

Уже в первые два дня ожесточенных сражений гитлеровское командование убедилось, что путь к Курску через Ольховатку непреодолим, поэтому 7 июля несколько изменило направление главного удара. Атаки вражеских войск на ольховатском направлении хотя и продолжались, но их напор постепенно ослабевал. В тот день противник приступил к нанесению своего главного удара в направлении Понырей, надеясь овладеть этим важным узлом обороны советских войск, перекрывавшим железную дорогу Орел — Курск, и попытаться лишить советские войска возможности наносить фланговые удары по наступающим на Малоархангельск и Ольховатку.

8 июля фашистское командование предприняло еще одну атаку в надежде овладеть Ольховаткой. Вновь развернулись напряженные бои, в которых со стороны противника участвовало свыше двухсот танков. В критический момент, когда противнику удалось добиться временного тактического успеха, командир 17-го гвардейского корпуса генерал А. Л. Бондарев ввел в бой и Сивашскую дивизию. И на этот раз натиск противника был отбит. Незначительный тактический успех в тот день стоил противнику 130 танков, 9600 человек убитыми, ранеными и пленными.

На седьмой день боев наступательные возможности противника стали заметно иссякать. 12 июля вражеские войска перешли к обороне, стали окапываться.

В тот же день, 12 июля, северо-западнее Орла перешли в наступление войска Брянского фронта и левого крыла Западного фронта. 15 июля решительно двинулась вперед на врага 13-я армия, и в ее составе Сивашская дивизия.

## Герои и подвиги

В победу на Курской дуге 15-я Сивашская стрелковая дивизия внесла свой достойный вклад. Ее воины совершили коллективный массовый подвиг. Не случайно поэтому крупнейший полководец Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих послевоенных мемуарах назвал 15-ю Сивашскую дивизию в числе тех соединений, которые приняли на себя и отразили наиболее мощные удары вражеских группировок севернее Ольховатки и под Понырями: «Особенно мужественно дрались воины 13-й армии, в том числе 81-я дивизия генерала А. Б. Баринова, 15-я дивизия полковника В. Н. Джанджгавы, 307-я дивизия генерала М. А. Еншина…».[8]

Командиру 676-го стрелкового полка подполковнику Н. Н. Ониприенко было тогда всего двадцать три. Но на Курской дуге он проявил высочайшую командирскую зрелость. И не случайно ему было впоследствии присвоено звание Героя Советского Союза.

*Герой Советского Союза младший лейтенант И. И. Борисюк.*

Двадцатилетие отметил в окопах и командир третьего стрелкового батальона этого полка майор И. Л. Швендик. На Курской дуге батальон под его командованием дрался на самых ответственных, наиболее опасных участках обороны. Этому батальону полк был во многом обязан тем, что ни на шаг не отошел 5 июля с переднего края.

Когда полк, находясь в окружении, отражал яростные атаки танков и пехоты врага, над участком обороны батальона Ивана Швендика появились 60 фашистских бомбардировщиков. Они начали разворачиваться для сбрасывания бомб, а чтобы не нанести удар по своим войскам, предупредили их белой ракетой. Комбат тут же продублировал «ответ» тремя белыми ракетами в сторону пехоты и танков врага. Хитрость удалась. Фашистские летчики сбросили весь смертоносный груз на свои войска, что позволило батальону занять более выгодную оборонительную позицию.

Укротителем «тигров» прозвали в шутку однополчане командира огневого взвода ПТО 676-го полка коммуниста младшего лейтенанта Борисюка. За двое суток напряженных боев на Курской дуге его взвод орудий-сорокапяток уничтожил 11 немецких танков, тягач и бронемашину. Причем 6 танков, в том числе 2 «тигра», подбил лично командир взвода.

А было это вот как. Окончилась артподготовка по переднему краю. Фашистская артиллерия перенесла огонь в глубину обороны. Иван Борисюк и его подчиненные вышли из укрытий и выкатили из-под толстых, непробиваемых навесов свои сорокапятки и установили их для ведения огня прямой наводкой. Перед взором батарейцев была взрытая снарядами и бомбами земля, затянутая сплошным маревом едкого черного дыма.

— Сейчас пойдут. Подготовиться к бою! — приказал Борисюк командирам орудийных расчетов. — Будем стоять до конца, ребята.

Ждать долго не пришлось. Из березовой рощи, что виднелась невдалеке на занятой врагом территории, одновременно выползло около двадцати средних танков.

Головная машина первой поднялась на небольшую высоту в нейтральной зоне и стала колесить по ней. Первым же выстрелом ее поразил орудийный расчет старшего сержанта Денисенко. Вслед за головным танком на высотку поднялось еще несколько машин. Теперь они, набирая скорость и ведя на ходу огонь, катились вниз, в сторону взвода. Огонь по танкам вели все три пушки взвода. Первый, второй, третий, четвертый выстрел…

Загорелся еще один танк, потом еще, еще…

Не дрогнули артиллеристы и тогда, когда вместе с танками огонь по их позиции открыла вражеская пехота. Одни бойцы продолжали отстреливаться из орудий, другие — из автоматов и винтовок. Орудийные расчеты постепенно редели. Теперь каждому из артиллеристов приходилось выполнять обязанности двух-трех номеров. Все чаще за наводчика и командира той или иной пушки становился сам младший лейтенант.

Взбешенные упорством сорокапятчиков, фашисты бросили против них несколько «тигров». Они шли нахально, полагая что маленькие пушечки им не страшны.

*Герой Советского Союза капитан Г. Д. Леладзе.*

На позиции огневого взвода осталось несколько человек, главным образом подносчики снарядов. Остальные либо погибли, либо получили ранения и были отправлены в тыл. Младший лейтенант прекратил на время огонь. Он ждал, когда «тигры» подойдут поближе. Стрелять по ним издалека — пустая трата снарядов.

Из-за пригорка показалась головная машина. Расстояние быстро сокращалось. «Пора!» — приказал себе Борисюк и один за другим произвел несколько выстрелов. «Тигр» круто развернулся и застыл на месте.

В зоне досягаемости огня сорокапятки появились еще два «тигра». Один из них Борисюк взял на прицел.

Подбитый им второй «тигр» зачадил черным дымом и грузно осел в каких-нибудь 70–80 метрах от позиции артиллеристов. Третий повернул назад.

«Тигры» не прошли.

За образцовое выполнение боевого задания командования и проявленные при этом личную храбрость и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1943 года Иван Иванович Борисюк был удостоен звания Героя Советского Союза.

Командование и политотдел дивизии от души поздравили его с высоким званием. Теплое приветствие мужественному истребителю вражеских танков прислали командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и член Военного совета фронта генерал-майор К. Ф. Телегин.

Иван Борисюк продолжал воевать, во многих последующих боях еще не раз подтвердил звание Героя. Но ему не удалось дожить до светлого дня Великой Победы. Он погиб под Брестом, будучи уже начальником артиллерии полка.

Неподалеку от села Подоляны, где проходил перед началом Курской битвы передний край обороны наших войск, на опушке небольшой рощи сохранился могучий дуб, возле которого в первый день великой битвы располагалась огневая позиция взвода ПТО. Подолянцы в память о Герое назвали этот дуб «дубом Ивана Борисюка», укрепили на нем мемориальную доску с кратким описанием боевого подвига артиллериста.

Смело и мужественно громили танки и пехоту врага артиллеристы 203-го артполка дивизии. За три дня боев они уничтожили 11 фашистских танков, 4 самоходки «фердинанд», подавили своим огнем и вывели из строя 9 артиллерийских и 14 минометных батарей противника, 2 реактивные установки М-40, истребили сотни вражеских солдат и офицеров. Особенно больших боевых успехов достигли огневые взводы лейтенантов Сердовицына и Шахназаряна, а также командир 76-миллиметрового орудия сержант Тимошин и наводчик сержант Переяславцев.

Достойный вклад в борьбу с танками врага внесли саперные подразделения дивизии. Мощным барьером для фашистских танков были прежде всего минные поля перед передним краем и внутри обороны на танкоопасных направлениях, созданные

саперами. Только в первый день боев противник потерял на минах более 70 танков и бронемашин.

Не менее эффективной оказалась примененная саперами в ходе оборонительных боев новинка. По инициативе дивизионного инженера майора И. А. Педь во всех стрелковых полках были созданы подвижные отряды заграждения, состоявшие из наиболее опытных минеров. Быстро передвигаясь по переднему краю, а при вклинении танков противника действуя в глубине обороны, они под огнем за какие-нибудь несколько минут устанавливали минновзрывные заграждения на направлениях атак противника. А поскольку гитлеровцы не подозревали о таких заграждениях, то, как правило, нарывались на них. Фашистские танки взлетали на воздух вместе со следовавшими за ними пехотинцами и часто находившимися на броне группами автоматчиков.

Находчивость, смелость и отвагу в этом, тогда еще новом для дивизии способе борьбы с танками проявили многие воины саперного батальона капитана М. М. Бугреева, в особенности командиры рот старший лейтенант П. А. Оделадзе и лейтенант Д. В. Шнейкин. Под их командованием сержанты Лукьянчук, Артемьев, Кошевой, красноармеец Бондарь и другие не раз срывали попытки врага вклиниться в оборону дивизии. Сержант Кошевой, например, в сложной боевой обстановке буквально перед вражеской колонной танков взорвал мост через речку Сволу, в результате чего танки были задержаны на рубеже Соборовки до утра следующего дня.

В 321-м стрелковом полку героически дрались с врагом минометчики роты, которой командовал старший лейтенант Георгий Леладзе. Всякий раз, когда пехота противника поднималась в атаку, рота Леладзе обрушивала на нее плотный огонь из своих «самоваров». За трое суток минометное подразделение уничтожило не меньше сотни гитлеровцев. А на участке, обороняемом отважным минометчиком сержантом Дмитрием Гамкиташвили, не прошел ни один захватчик.

Кстати, рота Георгия Леладзе неоднократно отличалась в последующих боях. При форсировании Днепра командир минометной роты с группой своих подчиненных одним из первых переправился на западный берег реки, отбил у гитлеровцев две пушки, повернул их в сторону противника и открыл огонь. В другой раз, когда был ранен командир батальона, Леладзе без промедления принял командование на себя и успешно справился с поставленной батальону боевой задачей. Беспримерную отвагу проявил он также при форсировании Вислы, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Когда закончилась война, он в числе наиболее храбрых и мужественных воинов участвовал в

Параде Победы в Москве.

Ныне Георгий Давидович Леладзе проживает в Москве. У него совсем мирная профессия — он архитектор.

В Курском сражении воины всех специальностей были прежде всего бойцами, активными участниками борьбы с фашистскими захватчиками. Выполнение любых обязанностей было связано с риском лицом к лицу встретиться с гитлеровцами, вступить в бой. Это в одинаковой мере относилось и к работникам штабов, и к связистам, и к медико-санитарным работникам, и к водителям автомашин, и к повозочным.

Санинструктор сержант Н. К. Духман только за два дня боев вынес с поля боя сорок раненых бойцов и командиров. Вместе с тем он и сам неоднократно участвовал в вооруженных схватках с гитлеровцами, в том числе и рукопашных. Пять уничтоженных фашистских захватчиков — таков его боевой счет за двое суток битвы.

Санитарным инструкторам-мужчинам ни в чем не уступали и наши славные девушки. Восемнадцатилетняя Аня Соколова за время службы в дивизии вынесла с поля боя 80 раненых бойцов и командиров, за что была удостоена ордена Ленина. И всякий раз, когда обстановка осложнялась, когда надо было не только оказать раненому медицинскую помощь, но и защитить его, она смело бралась за винтовку. И погибла Аня, как героиня, в неравной схватке с гитлеровцами.

В санчасть доставили тяжелораненого сержанта В. Лупандина. Требовалась немедленная операция. И как раз в этот момент гитлеровцы начали очередную атаку. Вокруг санчасти рвались снаряды, уже совсем недалеко были вражеские танки, но майор медслужбы Г. Я. Соколов ни на секунду не отходил от операционного стола. Только после того как операция была закончена и жизнь воина спасена, хирург взял автомат и вышел из санчасти.

Санинструктор старшина Марина Картуха, девятнадцатилетняя комсомолка, перевязывая раненых под ураганным огнем, была ранена сама, но не покинула поля боя, продолжала оказывать медпомощь.

Связистка 203-го артполка, ветеран дивизии Зина Палшина, скромная, девятнадцатилетняя девушка, проявившая себя во многих боях как мужественный и стойкий воин, не только оказывала медицинскую помощь раненым, но и подносила снаряды к орудию, под ураганным огнем противника выходила на линию связи и устраняла обрывы.

Телефонист 182-й отдельной роты связи красноармеец Д. П. Бачишвили много раз восстанавливал связь в самый разгар

массированных артобстрелов. И никогда Бачишвили не расставался со своей винтовкой, постоянно держал ее наготове.

Воевали все. Каждый мужественно и самоотверженно выполнял свои боевые обязанности.

После того как все попытки врага прорвать оборону на Курском выступе были отбиты, Военный совет Центрального фронта в специальной телеграмме-обращении поздравил бойцов, командиров и политработников дивизии с успехом.

«Спасибо вам, боевые товарищи, за мужество, железную стойкость и честное выполнение задач, поставленных Родиной! — говорилось в телеграмме. — … Своей беспримерной стойкостью и бесстрашием вы сорвали наступление врага, нанесли ему невосполнимые потери в живой силе и технике. Враг захлебывается в своей собственной крови и в бессильной ярости тяжело израненного хищного зверя мечется от одного участка к другому в поисках слабого места.

Доблестные воины! Израненный враг истекает кровью, но еще силен, еще не отказался от своих злодейских планов. Бейте же, товарищи, нещадно подлую фашистскую банду! Обескровим ее до конца и подготовим условия для полного разгрома и уничтожения! Бейте врага по-сталинградски! Ни одного метра нашей родной земли врагу!»

# На Днепре

Потерпев сокрушительное поражение под Курском и Белгородом, немецко-фашистские войска уже не в состоянии были задержать и даже ослабить мощное наступление Красной Армии, которое развернулось на огромном фронте от Великих Лук до Азовского моря.

Войска Центрального фронта, в составе которых 15-я Сивашская дивизия дралась с врагом на Курской дуге, теперь тоже наступали. Вместе с армиями Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов они выполняли грандиозную по своим масштабам задачу: разгромить главные силы врага на южном крыле советско-германского фронта, освободить Левобережную Украину, выйти к Днепру, форсировать его и захватить плацдарм на правом берегу. Фашистские полчища оказывали отчаянное сопротивление, но под мощными, неослабевающими ударами советских армий пятились назад. Их потуги задержать, замедлить наступление советских войск оказались тщетными. В середине сентября начался их общий отход с Левобережной Украины и из Донбасса. Как раз в эти дни, после месячного отдыха и пополнения, вступили в бои за Днепр и воины-сивашцы.

Сначала был марш к Десне, который дивизия совершила в составе войск 29-го стрелкового корпуса 61-й армии. Остались позади Глухов, Райгородок, Короп, Работин, Сохачи. Берега Десны на этом участке были уже очищены от вражеских войск. Переправились через реку сивашцы с ходу, без каких-либо происшествий, а 17 сентября начались бои за опорные пункты врага на правобережье Десны.

Это были трудные бои. Многие населенные пункты за Десной гитлеровцы успели укрепить, приспособить для долговременной обороны, опоясать подходы к ним глубокими траншеями и окопами, превратить в крепкие узлы сопротивления. Зачастую приходилось драться буквально за каждый дом. Сивашцы рвались к Днепру.

За десять дней дивизия прошла с боями более 160 километров, уничтожила до 2500 вражеских солдат и офицеров, вывела из строя, а также захватила много вооружения и боевой техники противника, освободила более 100 населенных пунктов. Отступая, спеша укрыться за так называемым Восточным валом, вражеские солдаты и офицеры, если успевали, сжигали села и деревни.

Особенно тяжелые бои пришлось выдержать дивизии

непосредственно на ближних подступах к Днепру. Обороняясь в ближайших к реке населенных пунктах, гитлеровцы словно осатанели. На каждую атаку отвечали двумя-тремя контратаками. Объяснялось это скорее всего тем, что далеко не везде их ждали готовые через Днепр переправы. Надеясь на то, что за ними пришлют с правого берега переправочные средства, они дрались с отчаянием смертников.

В первой половине дня 29 сентября исключительно трудный бой полкам дивизии пришлось выдержать в районе большого села Пилипча, близ которого пролегала шоссейная дорога Гомель — Чернигов. Село уже освободили, но как только предприняли попытку перерезать и оседлать шоссе, гитлеровцы крупными силами при поддержке артиллерии и минометов перешли в контратаку. Особенно сильный удар пришлось выдержать 676-му стрелковому полку, действовавшему на северо-восточной окраине Пилипчи. Был момент, когда вражеской пехоте удалось даже потеснить полк. Пришлось срочно перегруппировывать силы и оказывать полку Оноприенко помощь за счет дивизионного резерва.

В этом бою отличились многие бойцы, командиры и политработники дивизии. Немалое число боевых товарищей мы потеряли. Смертью героев пали командир стрелкового батальона капитан Забарин, парторг батальона старший лейтенант Ковтун, наводчик орудия комсомолец Коломиец и другие. Когда погиб комбат, командование батальоном принял на себя раненый комсорг младший лейтенант Курбатов и, несмотря на ранение, до конца боя оставался в строю. Комсомолец Смирнов гранатами уничтожил бронетранспортер и автомашину.

Особенно высокое мастерство и отвагу проявил в бою у села Пилипча командир отделения автоматчиков ефрейтор В. П. Зорькин. Вместе со своим отделением он пробрался в тыл контратаковавшим гитлеровцам. Автоматчики нанесли внезапный удар и посеяли в стане врага панику. Василий Зорькин лично скосил автоматной очередью фашистского пулеметчика и захватил его пулемет. Вскоре гитлеровцы, однако, поняли, что против них действует небольшая группа автоматчиков, и решили окружить и уничтожить их. Автоматчики заняли круговую оборону, отстреливались до последней возможности. Когда вражеское кольцо сузилось, комсомолец Василий Зорькин, к тому времени уже раненный, поднял своих подчиненных на рукопашный бой. Отважный комсомолец пал смертью героя. Его героический подвиг был достойно оценен Родиной. Указом Президиума Верховного Совета СССР ефрейтору Василию Петровичу Зорькину посмертно присвоено звание Героя

Советского Союза.

Указ был получен позже, но выдающийся подвиг комсомольца Зорькина на подступах к Днепру в тот же день стал известен всему личному составу дивизии. О славных боевых делах героя рассказала дивизионная газета «Красноармеец» и специально выпущенная политотделом дивизии листовка.

Бой у села Пилипча завершился в полдень, и к вечеру 29 сентября дивизия вышла у Лопатина и Радули к Днепру. Первым прорвался к реке у озера Святого 321-й полк подполковника А. Т. Прокопенко, а вслед за ним у местечка Радуль — 47-й полк под командованием Николая Петровича Николаева, незадолго до того сменившего подполковника И. И. Карташова.

Первый этап наступления завершился. Теперь предстояло главное — форсировать реку, захватить на ее западном берегу плацдарм. Днепр — река широкая, глубокая, многоводная, с высоким, почти отвесным правым берегом. Все хорошо понимали, что преодолеть ее не просто. К тому же форсировать водную преграду предстояло с ходу, на подручных средствах.

По приказу комдива полковника К. Е. Гребенника в течение двух суток воины собирали со всех окрестных деревень рыбацкие лодки, разбирали деревянные сараи и строили плоты.

Настала ночь и вместе с ней ставшая уже привычной напряженная тишина. Все знали, что враг не смыкает глаз. На малейший шорох на левом берегу огрызается яростным артиллерийско-минометным огнем. С большой осторожностью под покровом темноты спускали бойцы на воду переправочный средства. Несмотря на все меры предосторожности и маскировки, обмануть бдительность врага не удалось. Едва передовые подразделения начали переправу, как противник повел массированный обстрел. Подразделения 47-го полка буквально в первые же минуты постигла неудача. Пятью прямыми попаданиями артиллерийских снарядов были разбиты четыре лодки и паром. Все бойцы и командиры погибли.

Подразделения полка четырежды пытались форсировать Днепр, но безрезультатно. Понеся немалые потери, полк вынужден был прекратить форсирование.

321-й стрелковый полк приступил к форсированию Днепра силами второго батальона капитана Г. И. Карпухина. В его составе находились пулеметная рота гвардии лейтенанта Алексея Калабина и саперное подразделение под командованием старшего лейтенанта Петре Оделадзе. Поначалу все шло хорошо. Видимо, противник сконцентрировал свое главное внимание на участке 47-го полка и не ожидал, что полк будет переправляться у озера Святого. Лишь когда лодки и плоты 321-го полка достигли

середины реки, фашисты открыли по ним интенсивный огонь.

Не все достигли западного берега. Часть лодок и плотов была разбита и потоплена. Однако пулеметчикам Алексея Калабина и саперам Петре Оделадзе сопутствовал успех. Они преодолели Днепр и высадились на его крутом берегу. В ход пошли гранаты, приклады винтовок и автоматов. И наконец — траншея. К этому времени через Днепр переправились еще две стрелковые роты. Общими усилиями пулеметчики, стрелки и саперы оттеснили гитлеровцев на вторую позицию. Действия десанта с левого берега поддерживала артиллерия. Однако артиллеристы вели огонь почти вслепую, по площадям, так как корректировщики погибли во время переправы.

Небольшой плацдарм был захвачен, но противник пустил в ход все средства, чтобы ликвидировать его. Контратаки против десантников следовали одна за другой. Пехота контратаковала при мощной поддержке артиллерии и минометов. Бой продолжался почти непрерывно в течение шести с лишним часов. В самом его разгаре гвардии лейтенант Калабин был ранен, но продолжал командовать ротой. Следуя его примеру, храбро дрались пулеметчики и стрелки. Когда гитлеровцам удавалось близко подойти к позиции десантников, пулеметчики и стрелки забрасывали их гранатами либо вступали в рукопашные схватки, которых гитлеровцы старались избегать.

При отражении контратак смело действовали все воины.

В рукопашных схватках не раз отличались красноармейцы Жугуев, Карапетян и многие другие. Бесстрашно, сноровисто действовал девятнадцатилетний красноармеец Федор Гущин, рабочий парень из Горьковской области. Крепкий, широкоплечий, веселый, не унывавший ни при каких обстоятельствах боец разил врагов всем, чем сподручнее: гранатами, штыком, прикладом, меткими выстрелами из винтовки. Он все время держался поближе к командиру роты Калабину. Своей отвагой неоднократно отводил от него беду. Не в силах был сделать лишь одного — защитить командира от осколков снарядов. Алексей Калабин получил еще одно ранение, на этот раз тяжелое — в голову. И опять остался в строю.

На помощь первым десантникам 321-го полка переправился через Днепр штурмовой отряд под командованием заместителя командира батальона старшего лейтенанта А. А. Лысенко. Противник ответил на это новой яростной контратакой крупных сил пехоты при поддержке 17 танков и артиллерии. Силы были неравными. Фашистам удалось оттеснить десантников со второй на первую позицию, ближе к берегу. Отход прикрывал из «максима» дважды раненный, истекавший кровью гвардеец

Алексей Калабин.

Видя, что командир пулеметной роты остался один, группа гитлеровцев попыталась взять его в плен. Алексей успел метнуть в них последнюю гранату и вместе с пулеметом отошел по траншее к своим. По настоянию старшего по званию Александра Лысенко Калабин вплавь переправился на левый берег Днепра. Лечился в медсанбате. От отправки в госпиталь наотрез отказался.

Узнав от Калабина о положении десанта на правом берегу реки, комдив полковник К. Е. Гребенник, вступивший в эту должность перед форсированием Днепра, приказал переправить в помощь десантникам еще несколько подразделений 321-го полка. Однако место переправы было уже пристреляно противником, поэтому преодолеть Днепр под огнем врага удалось лишь немногим. Остальные либо вынуждены были вернуться, либо погибли.

Между тем бой на крохотном плацдарме продолжался. Гитлеровцы вновь и вновь контратаковали десантников. По моему приказанию с левого берега была усилена артиллерийская поддержка десанту, однако силы подразделений на правом берегу реки таяли. После того как переправился на левый берег гвардии лейтенант Калабин, в пулеметной роте оставалось не больше десятка бойцов, да и те в большинстве раненые. Командование ими принял тоже раненный младший лейтенант Разносчиков.

*Командир 321-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии полковник А. Т. Прокопенко.*

Достойный пример мужества и отваги по-прежнему показывал красноармеец Федор Гущин. В ходе боя он принял на себя командование отделением, своевременно обнаружил скопление гитлеровцев на фланге плацдарма и упредил их удар. В завязавшейся перестрелке он сам и несколько его подчиненных истребили около тридцати вражеских солдат. Не менее десятка — пулеметчик Хозиев.

Вот что рассказал впоследствии об этом участник событий рядовой Федор Лаврентьевич Гущин:

«К тому времени, когда прибыло подкрепление — штурмовой отряд старшего лейтенанта А. А. Лысенко, в моей группе оставалось в живых всего пять человек. И эти пятеро все были изранены. Я, например, был ранен в руку, грудь и лицо. От ранения правый глаз затек, и я ничего не видел им. Но драться был еще в состоянии, поэтому решил остаться вместе со всеми… Когда погиб расчет противотанкового ружья, я передал пулемет Хозиеву, а сам стал вести огонь из ПТР по фашистским танкам и

бронемашинам…»

Бой продолжался до позднего вечера. С наступлением темноты раненых, в том числе и Гущина, переправили на восточный берег Днепра.

Почти сутки воины 321-го полка удерживали плацдарм, отбиваясь от врага. За это время пулеметная рота гвардии лейтенанта Калабина (позже под командованием младшего лейтенанта Разносчикова), штурмовой отряд старшего лейтенанта Лысенко и другие подразделения вместе с артиллеристами 203-го полка, поддерживавшего десантников, уничтожили в общей сложности до 600 вражеских солдат и офицеров, до 20 танков и бронемашин.

*Командир 15-й Сивашской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор К. Е. Гребенник (послевоенный снимок).*

Вместе с воинами стрелковых подразделений в боях при защите плацдарма высокий героизм проявили воины первой роты 75-го отдельного саперного батальона под командованием старшего лейтенанта Петре Оделадзе. Работая под непрерывным

обстрелом и бомбардировкой с воздуха, саперы сумели протянуть через Днепр канат, закрепить его на обоих берегах. Это позволило быстро переправлять плоты и лодки с воинами на западный, берег реки. В создании такого своеобразного парома особенно отличились сам Оделадзе, а также красноармейцы Курганов и Щербаков.

В ночь на 3 октября обстановка на плацдарме резко ухудшилась. Гитлеровцам удалось подтянуть к плацдарму значительные силы 86-й пехотной дивизии и 102-го велосипедного полка, усиленных большим количеством артиллерии, танков и самоходок. Сивашцы же, несмотря на все усилия, не смогли переправить на западный берег ни одного артиллерийского орудия. Такое соотношение сил могло привести в дальнейшем к ничем не оправданным потерям в людях. Поэтому командир дивизии Гребенник приказал отвести штурмовой отряд старшего лейтенанта А. А. Лысенко и другие подразделения на исходные позиции — на левый берег реки.

*Герой Советского Союза Ф. Л. Гущин.*

Таким образом, первая попытка воинов-сивашцев закрепиться

на правом берегу Днепра в районах озера Святого и поселка Радуль оказалась не совсем удачной. Тем не менее она вошла в боевую историю 15-й Сивашской стрелковой дивизии яркой страницей массового героизма ее воинов, их высокого наступательного порыва, беззаветной верности своему долгу перед Родиной.

Все участники боев на западном берегу Днепра, многие посмертно, были награждены орденами и медалями, а трое наиболее отличившихся — старший лейтенант Александр Акимович Лысенко, гвардии лейтенант Алексей Иванович Калабин и красноармеец Федор Лаврентьевич Гущин Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1944 года были удостоены звания Героя Советского Союза.

При таком положении, когда советские войска вышли на очень широком фронте к Днепру с задачей форсировать его с ходу, противник не имел возможности всюду быть одинаково сильным. Так, сконцентрировав свои силы против форсировавших реку подразделений Сивашской дивизии, он одновременно вынужден был ослабить свои позиции на участке соседей слева — 81-й и 12-й гвардейской стрелковых дивизий. Это в значительной степени способствовало их успеху, позволило им преодолеть реку в районе местечка Любеч, захватить там плацдарм и закрепиться на нем.

На этот плацдарм в ночь с 14 на 15 октября вышли и полки Сивашской. Дивизия получила боевую задачу: отбить настойчивые контратаки противника, овладеть районом озера Лутовское и успешно развить наступление с целью расширения плацдарма.

*Командир полка подполковник Волощенко докладывает обстановку В. Н. Джанджгаве.*

Вновь пришлось много поработать саперам старшего лейтенанта Петре Оделадзе. К моменту переправы, которая началась вечером 14 октября, они сумели подготовить более 300 лодок, а также 20 плотов для переброски артиллерии.

В первую очередь был переправлен второй дивизион 203-го артиллерийского полка под командованием Наддоко. 81-я стрелковая дивизия, отбивавшая в это время яростные контратаки противника, остро нуждалась в артиллерийской поддержке. Вступив с ходу в бой, артиллеристы дивизиона помогли отбить две яростные контратаки врага.

В этот раз быстро и организованно форсировали Днепр также подразделения 47-го Краснознаменного стрелкового полка. С флангов гитлеровцы довольно сильно обстреливали район переправы, но огонь их был бесприцельным. Высадившись на правый берег реки, батальоны полка с ходу атаковали врага и выбили его из первых траншей. В этом скоротечном бою особенно отличились красноармейцы коммунисты Кеман Мирзаев и Поливанов. Они первыми ворвались в траншеи противника, огнем из автоматов и гранатами проложили путь подразделению.

В те горячие дни вновь прославился гвардии лейтенант Алексей Калабин. Не долечившись в медсанбате, он вернулся в строй, опять возглавил пулеметную роту. В бою за населенный пункт Красный Рог рота под его командованием наголову

разгромила численно превосходящего противника. Гвардии лейтенант Калабин снова показал себя в бою не только отличным командиром, но и храбрейшим воином, на которого равнялись все его подчиненные. К сожалению, в очередном бою он снова был ранен и на этот раз отправлен в госпиталь.

Хочется сказать о смелом, неутомимом заместителе командира 47-го стрелкового полка по политчасти майоре Веледнецком. В боях на днепровском плацдарме особенно ярко раскрылись его способности как политработника и бесстрашного воина. Запыленный, пропахший порохом, но неунывающий, он находился в боевых порядках подразделений, личным примером вдохновлял воинов, умело пропагандировал подвиги отличившихся в боях.

Много раз отличался на плацдарме мой земляк пулеметчик Капитон Буадзе. Со своим ручным пулеметом он всегда был там, где наиболее опасно, где требовался огонь его пулемета. Отличилась в бою и старшина медслужбы Нина Гречишина. Когда расчет одного орудия вышел из строя и остался лишь наводчик, она бросилась к орудию, перевязала наводчика и вместе с ним открыла огонь по врагу.

За несколько боевых дней 15-я Сивашская и 81-я стрелковая дивизии значительно расширили плацдарм у города Лоева и вскоре соединились с войсками 65-й армии. Сопротивление врага было сломлено. Началось освобождение многострадальной белорусской земли.

В те дни, 8 ноября 1943 года, в печати был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении ордена Славы. Несколько дней спустя первыми кавалерами этого ордена в Сивашской дивизии стали ефрейторы Л. З. Кузовкин, И. М. Позднякин, красноармейцы И. А. Молоков и П. С. Юрченко.

К середине декабря Сивашская дивизия в составе 89-го стрелкового корпуса 61-й армии вступила в Полесье, форсировала реки Ипу, Птичь и заняла оборону юго-западнее Городище. Впереди ее ждали не менее трудные бои и походы.

# 1944

# Мокроступы

Лето 1944 года 15-я Сивашская стрелковая дивизия встретила в болотах Полесья, куда вступила после участия в зимних наступательных боях за освобождение городов Мозырь и Калинковичи. Позади остался большой и трудный путь. Впереди топи, дремучие леса и враг, засевший за ними и в них. Нелегко дались победы в осенне-зимних боях. Немалые потери понесла дивизия за освобождение Мозыря и Калинковичей. Смертью храбрых пал на поле боя заместитель командира 47-го стрелкового полка по политчасти майор Веледнецкий. В жестоком бою под Мозырем перестало биться горячее сердце сраженного вражеской пулей бывшего командира штурмового отряда на Днепре Героя Советского Союза старшего лейтенанта А. А. Лысенко. В Мозыре и Калинковичах осталось в братских могилах немало и других командиров, политработников, сержантов и рядовых. Потребовалось несколько месяцев упорной, кропотливой работы для того, чтобы 15-я Сивашская вновь обрела достаточно высокую боеспособность. Почти полгода находясь в обороне, полки получали и готовили к боям новое пополнение. Готовили основательно, по всем правилам действий в трудных условиях.

Левый фланг обороны 65-й армии на многие километры пролегал по лесисто-болотистой местности. И, пожалуй, самым заболоченным был участок 15-й Сивашской дивизии. Даже зимой, в мороз, под ногами постоянно хлюпала вонючая вода. Она заливала окопы и землянки. Несмотря на то, что оборона строилась прерывистой линией по сухим местам, все равно с болотной водой не было сладу. Боевое охранение полки и батальоны выставляли на крохотных островках, куда подразделения добирались по строго определенным проходам, помеченным засечками на деревьях. Свернешь чуть в сторону — угодишь в болото, выбраться из которого без посторонней помощи невозможно.

Если плохо было зимой, то с наступлением тепла стало еще хуже. Куда ни ткнешься, всюду опасная, прожорливая: трясина. Ко всему прочему прибавились комары, ни днем ни ночью не дававшие людям покоя. Остро встала проблема водоснабжения. Пить болотную воду медики категорически запретили. Копали колодцы с глубокими срубами, но и в них вода пахла гнилью, ее приходилось кипятить.

Сильно заболоченный участок перед своей обороной гитлеровцы считали непреодолимым. Поэтому основные силы немецко-фашистское командование сосредоточило в Паричах, где

вместе с пехотой могли пройти и танки.

Командование 65-й армии, однако, рассудило по-иному. Поскольку противник не ждет наступления через болото, тут и следует нанести главный удар.

С конца мая в расположение дивизии все чаще стало наведываться армейское и корпусное начальство. Несколько раз приезжали командарм П. И. Батов, член Военного совета армии Н. А. Радецкий и обычно в сопровождении армейского инженера-полковника П. В. Швыдкого. Армейские начальники осматривали местность, изучали болота, беседовали с комдивом, воинами полков, особенно с уроженцами Полесья. В этих беседах центральное место занимала одна проблема: можно ли преодолеть болото? Если можно, то что необходимо сделать для прохода не только стрелковых частей, но и танков, артиллерии? Это же особенно интересовало и корпусное начальство. Дело в том, что войска корпуса стояли на левом, самом заболоченном фланге армии. Поначалу мнения разделились. Одни категорически утверждали, что болото непроходимо. Другие, особенно представители местных партизан, говорили, что пехотинцам по топям вообще-то пройти можно, хотя и трудно. Как выяснилось, местные жители проходили через болото в так называемых мокроступах — своеобразных лыжах, сплетенных из лозы. Но то люди. А как быть с машинами, особенно с танками?

Странное, необычное слово — мокроступы. Для многих оно в ту пору было открытием. От него веяло и древней стариной, и изумительной человеческой сообразительностью, и житейской потребностью.

Первым по достоинству оценил болотное приспособление полесян начальник инженерного отдела армии полковник Павел Васильевич Швыдкой. Он предложил организовать массовую проверку — действительно ли в мокроступах можно передвигаться по зыбкой трясине?

Эксперимент подтвердил: в мокроступах передвигаться по болоту можно. Тогда и было принято Военным советом армии смелое решение — главный удар по вражеской обороне нанести через болото. Для прохождения машин и танков построить деревянную дорогу — гать.

# Километровая гать

Местом строительства дороги через болото был определен участок обороны Сивашской дивизии. Инженеры произвели необходимые расчеты, наметили сроки, и работа закипела.

В толковом словаре В. Даля слово «гатить» объясняется так: «Гатить, гачивать — заваливать воду, топь или болото хворостом, соломой, землей. Гатят дорогу по топкому или песчаному месту…»

В данном же случае предстояло не просто строить дорогу по топкому месту, а строить ее втайне от противника. Да такую, чтобы по ней могли пройти сотни тяжелых машин 1-го гвардейского Донского танкового корпуса, тысячи грузовых автомобилей, большое число артиллерии различных систем и калибров. На сооружение гати давалось четырнадцать суток. А если учесть, что работа велась только в ночное время, примерно по пять часов подряд, то не наберется и трех полных суток.

Поскольку строительство переправы выходило за пределы тактического значения, общее инженерное руководство возведением этого необычайного сооружения осуществлял полковник П. В. Швыдкой. Живой, энергичный, прекрасно знающий свое дело инженер, обладающий удивительной работоспособностью, он поистине был душой строительства. Его можно было видеть среди саперов днем и ночью. Придирчиво проверял он выполнение своих рекомендаций и расчетов, давал дельные советы.

Мне и начальнику оперативного отделения штаба дивизии майору Малюге было поручено непосредственное руководство строительством, а дивизионному инженеру Педю — практическое инженерное управление всеми работами.

Подполковник Иона Андреевич Педь был одним из старейших ветеранов дивизии. Он породнился с ней еще в 1919 году на каховском плацдарме, когда дивизия называлась Инзенской. Десятилетний мальчик Иона Педь не раз под градом пуль и осколков подвозил на боевые позиции артиллерийских подразделений боеприпасы. В 1929 году, когда его призвали на действительную военную службу, попросил, чтобы направили в 15-ю Сивашскую. Просьба призывника была удовлетворена. Начал он службу красноармейцем-сапером. Настойчиво учился. Стал командиром саперного взвода. В первые же дни отличился в боях. Худощавый, невысокого роста, всегда по-военному собранный, он был прекрасным спортсменом, отлично владел всеми видами стрелкового оружия.

После взвода командовал саперной ротой, затем отдельным саперным батальоном. Незадолго до начала Курской битвы стал начальником инженерной службы дивизии и, несмотря на отсутствие инженерного образования, безупречно справлялся с возложенными на него обязанностями.

На строительстве дороги-гати Педь еще раз показал себя незаурядным специалистом-сапером.

Что представляла собой гать через болото? Как она строилась? Ширина ее составляла 6 метров. Непосредственно укладывались на расстоянии двух с половиной метров друг от друга толстые шестиметровые бревна-поперечины. На эти поперечины, на три точки опоры, укладывались прогоны-деревья несколько меньшей толщины. По окончании работ прогоны закреплялись колесоотбойными брусьями.

Леса вокруг было много. Тем не менее производить заготовку бревен для переправы приходилось на значительном удалении от гати. Причем в разных местах. Делалось это, во-первых, потому, чтобы противник не слышал стука топоров, во-вторых, чтобы большие вырубки-плешины не привлекали внимания фашистской воздушной разведки.

Все работы, требовавшие специальной квалификации, выполнялись воинами саперного батальона дивизии. В помощь им для подвоза леса к гати был выделен стрелковый батальон 676-го полка и 100 повозочных, собранных из всех частей.

На укладке готовых деталей отлично работала саперная рота капитана Петре Оделадзе, а на заготовке лесоматериала с таким же энтузиазмом трудилась саперная рота старшего лейтенанта Третьяка.

Каждую ночь на строительство гати приезжал кто-нибудь из армейского начальства. Безвыездно находился там и полковник Швыдкой. Выдержит ли гать танки и штурмовые орудия? Этот вопрос интересовал начальников самых различных отделов и служб армейского штаба.

Вместе с командармом П. И. Батовым чаще других бывал на дороге член Военного совета армии генерал Николай Анатольевич Радецкий. Этот 45-летний, крепко сложенный, необыкновенно энергичный политработник был душой строительства дороги через болото. Умным политическим вожаком и наставником оставался он везде и всюду: вел ли серьезный разговор с комдивом, или запросто беседовал с бойцами. Он не упускал случая, чтобы душевно потолковать с саперами, поинтересоваться их настроением, воодушевить живым словом на еще более самоотверженную работу. Хранил в своей памяти все замечания, все претензии, которые высказывали

воины, и ничего не оставлял без внимания. Однажды кто-то из саперов не то чтобы пожаловался, а просто намекнул, что тяжелая работа на болоте отнимает много сил, изматывает людей, в связи с этим было бы, дескать, неплохо обеспечивать их в ночную пору горячим чаем и небольшим дополнительным питанием. Со следующей ночи все работавшие на строительстве гати бойцы и командиры стали обеспечиваться горячим чаем и бутербродами.

Наконец 928-метровая деревянная дорога через болото была готова. Благодаря предельной осторожности строительство было завершено в полной тайне от врага. Саперы уложили в болото более полутора тысяч кубометров стройматериалов, иначе говоря, перенесли на собственных плечах свыше 1200 тонн грузов. Причем две последние ночи работали под проливным дождем. Оставалось лишь одно — скрепить гать металлическими скобами. Эту завершающую операцию, чтобы не демаскировать гать раньше времени, было решено выполнить сразу же после начала артподготовки.

Строительство гати было завершено ночью 23 июня, а в 7 утра 24-го — намечалось начало наступления. Войска заняли исходное положение. Многие командиры частей побывали на противоположной стороне болота и на месте уточнили вопросы взаимодействия.

Прекратившийся было днем 23 июня теплый дождь к вечеру обрушился с новой силой. Небо словно прохудилось.

Поздно ночью, когда до начала наступления оставалось всего несколько часов, я зашел на КП к комдиву Гребеннику доложить, что строительство гати завершено и части дивизии заняли исходное положение. Не успел я закончить доклад, как в блиндаж вошел промокший до нитки майор Г. В. Малюга. Обычно всегда спокойный, невозмутимый, в этот раз он был явно чем-то взволнован.

— В чем дело? — спросил комдив.

Начальник оперативного отделения в нескольких словах объяснил причину своей взволнованности. Вернулся он с противоположного конца гати. Почва там раскисла от проклятых дождей. Пойдут танки, разворотят ее гусеницами, может образоваться пробка. Чтобы избежать этого, надо во что бы то ни стало продлить гать еще на несколько метров, довести ее до старой проселочной дороги. Иначе может случиться беда.

Комдив немедленно поднял людей по боевой тревоге. За оставшиеся до начала прорыва пять часов они должны были сделать все возможное, чтобы ни один танк, ни одна автомашина не застряли в конце гати. И эта работа, потребовавшая поистине нечеловеческих усилий, была выполнена. Гать удлинилась на 12

метров. Последние бревна перед старой, еще довоенной грунтовой дорогой укладывались за час до начала артиллерийской подготовки.

Малюга ушел на КП, а мы с подполковником Педем остались у начала гати. К нам присоединились генерал Н. А. Радецкий и полковник П. В. Швыдкой. Они решили лично проследить за ходом переправы частей 1-го гвардейского Донского танкового корпуса, так как от успешных действий танкистов во многом зависел успех прорыва.

Все с нетерпением поглядывали на часы.

# Прорыв

Часовая стрелка достигла цифры «7». Мощный и дружный залп «катюш» взорвал утреннюю тишину. Вслед за «катюшами» заговорили артиллерийские орудия и минометы —207 стволов на километр фронта прорыва! В их канонаду влился знакомый гул моторов стремительных «илов».

С началом артиллерийской и авиационной подготовки саперы немедленно приступили к креплению деревянной дороги металлическими скобами. Эта идея принадлежала полковнику П. В. Швыдкому. Вперед, по заранее сделанным из жердей переходам-дорожкам двинулись стрелки, автоматчики, пулеметчики — все, кто не был обременен большими тяжестями.

Пока артиллерия и штурмовики обрабатывали передний край обороны противника, на западном берегу болота успели сосредоточиться для атаки значительные силы советской пехоты. С переносом артиллерийского огня на вторые позиции врага стрелковые части вслед за огневым валом ринулись вперед.

— Сбивка деревянного настила скобами закончена! — доложил члену Военного совета армии подполковник И. А. Педь, вернувшись с дороги.

— Молодцы! — похвалил саперов генерал Н. А. Радецкий. — Доложите о готовности переправы командарму.

У самого болота был сооружен небольшой блиндаж, связанный прямой телефонной линией с командармом. Я спустился в него, взял телефонную трубку:

— Пятый слушает, — прозвучал в трубке энергичный голос командарма Батова.

Начал было докладывать. Павел Иванович прервал доклад вопросом:

— Все готово?

— Так точно!

— Сообщите, когда пройдут первые «коробочки».

В трубке зазуммерило, а по рации тут же прозвучал условный сигнал: «Буря, пять!», означавший, что время вводить в бой 1-й Донской танковый корпус. Стрелковые части уже заняли вторую оборонительную позицию врага.

По бревенчатому настилу двинулись танки. Один, другой, третий… Дистанция между ними 15–20 метров. С ходу прыгаю на броню одной из первых машин. Хотелось убедиться, все ли обойдется благополучно. Танки без задержки съезжали с бревенчатого настила и уходили в леса, занятые врагом.

Вернувшись назад, доложил командарму:

— Донской прошел организованно, без задержки. За ним двинулись автомашины с боеприпасами. На очереди подразделения самоходных пушек.

В это время на гать неожиданно въехало несколько повозок минометной части. Лошади неловко ступали по круглым бревнам и медленно продвигались вперед. Создалась угроза срыва своевременной переправы самоходной артиллерии. Пришлось принимать срочные меры. Три подводы вместе с грузом были сброшены в болото, а остальные повозки, только что въехавшие на гать, минометчики оттащили назад. Снова пошли самоходки. Они спешили на помощь наступающим войскам.

К десяти часам утра все части и подразделения 1-го гвардейского Донского танкового корпуса переправились. Дорога, покореженная гусеницами танков и самоходок, но по-прежнему надежная, поступила в распоряжение тыловых частей.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков назвал переправу войск по километровой гати через непроходимое болото инженерной операцией. Правильное название. Иначе не скажешь.

После того как последняя самоходка Донского корпуса переправилась через болото, попрощался я с генералом Радецким и верхом на коне отправился догонять свою дивизию. Она была уже далеко впереди. Вскоре, однако, под сильным огнем противника пришлось спешиться и пересесть в танк.

Мощный удар советских войск, переправившихся через болото, был для врага совершенно неожиданным. Его оборона оказалась прорванной на 8 километров по фронту и до 12 километров в глубину. Но во второй половине дня в ряде мест гитлеровцы стали предпринимать контратаки. Из-под Паричей двинулись навстречу наступающим танковые, артиллерийские и мотострелковые части. Однако к тому времени основные пути, по которым можно было перебрасывать войска, уже контролировали части 105-го стрелкового корпуса генерала Д. Ф. Алексеева.

На участке наступления 321-го стрелкового полка Сивашской дивизии создалось трудное положение. Противник сдерживал контратаками. Возникла необходимость объединить основные силы полка с приданным дивизии танко-самоходным полком и создать таким образом своеобразный штурмовой отряд. Обеспечивать взаимодействие между стрелковыми подразделениями и самоходчиками комдив поручил майору Г. В. Малюге.

*Командующий 65-й армией дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов.*

С Григорием Васильевичем Малюгой — рослым, стройным, не по годам суровым и малоразговорчивым командиром довелось впервые встретиться в Павлограде в 1941 году. В ту пору Григорий Васильевич командовал стрелковой ротой. Было ему тогда 26 от роду, но его справедливо называли ветераном. Малюга неоднократно отличался в боях, показал себя способным тактиком. Нужда в таких командирах в первый период войны была огромной. Григория Васильевича назначили начальником штаба 321-го стрелкового полка, а затем начальником оперативного отделения штаба дивизии.

*Командир 105-го стрелкового корпуса генерал-полковник Д. Ф. Алексеев (послевоенный снимок).*

Майор Малюга отлично справился с организацией взаимодействия наступающих частей. Крупный узел сопротивления противника в Петровичах был разгромлен. Вместе с радостной вестью об этом пришла и печальная: «Тяжело ранен майор Малюга». Немедленно выехал в Петровичи. Тяжелораненый Григорий Васильевич продолжал выполнять задание комдива по координации взаимодействия, только теперь уже не на поле боя, а по телефону, лежа на деревянном топчане в блиндаже.

— Кончай, Григорий. Ты свое дело сделал. Теперь — в госпиталь! — сказал я ему. — И никаких разговоров. Нам еще воевать и воевать. Подлечишься — вернешься. И — до Берлина! Главное, поправляйся быстрее.

— Что ж… Видно, ничего не поделаешь. Придется в госпиталь, — грустно произнес майор.

За смелость, мужество и умелую организацию

взаимодействия частей по разгрому врага в Петровичах майор Г. В. Малюга был награжден орденом Красного Знамени, и ему присвоили звание подполковника.

После излечения Григорий Васильевич вернулся на свою должность в 15-ю Сивашскую. А в конце сорок четвертого года, окончив курсы командиров полков, был направлен в составе советской военной миссии во Францию, где и работал до конца войны.

После войны Малюга окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, затем академию Генерального штаба. Командовал дивизией, был заместителем командующего военным округом, продолжительное время преподавал в академии Генерального штаба, откуда в звании генерал-майора ушел в отставку.

…В наступательных боях в Полесье, как обычно, впереди шли коммунисты и комсомольцы. В обороне и наступлении я не раз встречался со многими из них — Павлом Логиновым, Шота Арабидзе, Иваном Кущом. Лучше других знал старшего лейтенанта Василия Красильникова — комсорга своего родного 676-го стрелкового полка. Все они были в ту пору совсем молодыми, энергичными, смелыми, неоднократно отличались в боях.

Алексей Оверчук прибыл в дивизию после окончания армейских курсов комсоргов батальонов, а до того воевал рядовым бойцом в соседней дивизии. В битве на Курской дуге за храбрость и отвагу удостоился награды.

Незадолго до его прибытия вышел из строя по ранению комсорг 203-го артполка лейтенант Иван Кущ. На его место назначили Алексея Оверчука. Он как-то быстро прижился в артполку, стал любимцем молодежи. Проявились в полной мере и его организаторские способности, и все то, чему он в свое время научился у отца — председателя колхоза в родном селе Скибин Черкасской области. Немалым подспорьем двадцатилетнему комсоргу послужило хорошее знание военного дела: в начале войны ему довелось некоторое время учиться в Благовещенском пехотном училище.

В составе 15-й Сивашской стрелковой дивизии Алексей Мефодьевич воевал до дня Победы. За личный героизм в боях и за умелое руководство комсомольской работой в артполку он был награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. Особенно отличился он летом 1944 года под Анатополем. Было это так. Требовалось поддержать в бою артогнем выдвинувшуюся далеко вперед стрелковую роту старшего лейтенанта Павла Кузьмина. Командир батареи капитан Михаил Селезнев послал для выполнения этой боевой задачи два

орудийных расчета. Вместе с ними отправился и комсорг полка Алексей Оверчук. Пять яростных атак отбила рота с помощью артиллеристов. Занятый рубеж был удержан.

После войны Алексей Мефодьевич Оверчук окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина, находился на многих ответственных должностях.

# Осиповичи

Третья декада июня сорок четвертого года вошла в историю Великой Отечественной войны как начало полного освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Еще за сутки до прорыва вражеской обороны войсками Белорусского фронта перешли в решительное наступление также 1-й Прибалтийский, 3-й и 2-й Белорусские фронты. Это была огромная по размаху операция, блестяще разработанная Советским Верховным Главнокомандованием и обеспеченная всем необходимым. Позже, 5 июля, двинулись вперед, на запад, войска еще двух фронтов — 2-го Прибалтийского и 1-го Украинского.

За двое суток полки Сивашской дивизии, используя успех введенного в прорыв 1-го гвардейского Донского танкового корпуса, продвинулись вперед на 50–60 километров и вместе с другими соединениями 65-й армии вышли в район Глуска. Зримо наметилось окружение вражеской бобруйской группировки.

Враг поспешно отходил на запад и северо-запад. На ряде рубежей гитлеровцы оказывали отчаянное сопротивление. В отдельных населенных пунктах противник оставлял значительные гарнизоны в надежде, что им удастся хотя бы на короткое время замедлить продвижение советских войск.

Одним из таких укрепленных узлов сопротивления на пути 47-го Краснознаменного полка оказалось село Романище.

Первой подошла на близкое расстояние к селу рота автоматчиков. Ночью командир роты послал в село разведчиков. С помощью местных жителей им удалось установить, что в Романище размещено до батальона вражеской пехоты, несколько танков и самоходок. Силы неравные. И все же командир роты принял смелое решение — перебраться в мокроступах через болото и внезапно атаковать вражеский гарнизон с тыла.

Неожиданный и дерзкий удар автоматчиков с севера, о возможности которого, судя по всему, гитлеровцы даже не предполагали, посеял в гарнизоне панику. Тем не менее начался бой. К селу подошли основные силы полка. Их удара с юга-востока фашисты не выдержали. Удирая из Романище, они оставили на улицах села много трупов своих солдат, бросили десять грузовых и легковых машин, три тягача и другое военное имущество.

Отступая, гитлеровцы огрызались. В борьбе с ними советские воины вновь и вновь показывали примеры бесстрашия и героизма.

Во время одной из атак бывалый воин, кавалер орденов Ленина и Красного Знамени Дмитрий Полещук ворвался во

вражескую траншею и увидел, как гитлеровцы стараются прицепить к тягачу пушку. Полещук метнул гранату. Несколько вражеских артиллеристов уничтожил, остальных заставил бежать. Полещук развернул пушку и открыл огонь по вражеской пехоте.

*Заместитель командира 321-го стрелкового полка по политчасти Н. А. Коваленко.*

В другом бою Дмитрий Полещук и пятеро его однополчан вступили в ожесточенную схватку с целым взводом вражеской пехоты. Полещук был ранен, но не оставил поля боя.

Бесстрашно и умело действовал в бою сержант Санакул Астанакулов. Когда выбыл из строя командир взвода, он принял командование подразделением на себя, поднял бойцов в атаку. Решительным ударом взвод выбил гитлеровцев из траншеи и, преследуя отступавших, нанес им значительные потери. За проявленную боевую инициативу и личную отвагу Санакул Астанакулов был награжден орденом Славы.

Десятки, сотни отличившихся в наступлении воинов подавали заявления о приеме в партию, в комсомол, справедливо считая великой честью получить партийный или комсомольский

билет непосредственно на поле боя.

— Спасибо за высшее из всего возможного для советского человека доверие! — принимая из рук начальника политотдела дивизии полковника Н. Г. Ковалева партийный билет, сказал младший лейтенант Авакян. — Высокое звание коммуниста оправдаю делом.

Эту свою клятву он с честью выполнил в бою. Только при прорыве вражеской обороны взвод автоматчиков под его командованием истребил не менее 20 фашистских захватчиков. В ходе наступления младший лейтенант Авакян первым поднимался в атаки и рукопашные схватки.

*Старший лейтенант медслужбы Я. В. Савченко (Дмитриева).*

Высокого напряжения потребовал от сводного отряда воинов 321-го стрелкового полка приказ командования совершить форсированный марш из района Глуска в Осиповичи, к утру 28 июня захватить этот важный железнодорожный узел, перерезать железную дорогу Осиповичи — Бобруйск и тем самым не дать возможности окруженным немецко-фашистским дивизиям пробиться на запад.

Отложив все другие дела, я немедленно приехал в полк. Вместе с командиром полка подполковником А. Т. Прокопенко и заместителем командира полка по политчасти майором Н. А. Коваленко прикинули по карте расстояние. До Осиповичей более сорока километров. Пройти их требовалось за сутки с небольшим, причем не по гладкой, проторенной дороге, а по сильно заболоченной местности.

Выступили под вечер 27 июня. Шли лесами, через болота, низины и речки в полном снаряжении: с полковой артиллерией и минометами, с тоннами боеприпасов и продовольствия. Шли день и ночь без отдыха и сна. По пути строили переправы, гатили дороги, тащили порой на себе машины и пушки. И первыми на самых опасных местах постоянно находились коммунисты, комсомольцы.

Сложный сорокакилометровый путь полк преодолел за тридцать с лишним часов и утром 28 июня подошел к Осиповичам. Это был поистине суворовский переход.

К счастью, вести бой за освобождение города и железнодорожного узла Осиповичи не пришлось. Опасаясь вместе с бобруйской группировкой оказаться в котле, немецко-фашистский гарнизон Осиповичей поспешно бежал, не успев ни вывезти, ни взорвать крупные продовольственные и вещевые склады с большим количеством высокосортных макаронных изделий, пшеничной муки, шоколада, вина, хромовых сапог. Все это, вероятно, предназначалось для фашистских летчиков либо для генералов и офицеров.

Полковые хозяйственники быстро взяли склады под свой контроль.

Не обошлось, однако, и без происшествий. Не успел полк толком обосноваться в Осиповичах, как пришлось объявить боевую тревогу, вступить в бой с группой вражеских танков, прорывавшихся из бобруйского котла. Полковые артиллеристы и минометчики встретили врага метким огнем. Много танков и бронемашин было подбито. Тридцать пять танкистов сдались в плен.

В этом бою был ранен командир минометной роты 321-г полка капитан Георгий Давидович Леладзе. Осколок снаряда угодил ему в ногу. Раненый оказался в нейтральной зоне. Надо было спасать командира. Рискуя собственной жизнью, на помощь ему бросился сержант Татаринцев и на руках вынес из-под огня своего командира.

Вечером 28 июня в Осиповичи подтянулись основные силы дивизии. Я направился к комдиву с докладом о выполнении

боевой задачи. В штабе мне тут же вручили телеграмму: «Срочно прибыть к командиру 105-го стрелкового корпуса генерал-майору Д. Ф. Алексееву».

Комдив Гребенник встретил хмуро.

— Телеграмму читал? — спросил он, поздоровавшись.

— Только что прочитал.

— Ну и что?

— Совершенно не понимаю, зачем я вдруг понадобился чужому комкору?

— Потребовался, — значит, нужен, — ворчливо произнес полковник Гребенник. — Комдивом ты назначен в триста пятьдесят четвертую. Приказ подписан еще три дня назад, поэтому и срочно. Давай собирайся. Штаб корпуса где-то юго-восточнее Бобруйска.

Сообщение о назначении командиром дивизии одновременно обрадовало и огорчило меня. В Сивашской провоевал без малого три года. А теперь опять новые люди, новые отношения…

# В новой дивизии

Телеграмма требовала прибыть на КП корпуса срочно. Поэтому, наскоро попрощавшись с Гребенником, Ковалевым и другими боевыми друзьями, выехал под Бобруйск, в Горбацевичи. В расположение штаба корпуса приехал во второй половине дня. Дежурный проводил в дом, где остановился комкор.

Комкор Алексеев — сорокалетний худощавый генерал среднего роста, принял меня как старого знакомого, хотя виделись с ним впервые. Пригласил к столу, на котором была разложена карта, испещренная красными и черными стрелами, кружками, номерами частей.

— Вот она где триста пятьдесят четвертая, — указал генерал на карте северо-западную окраину Бобруйска. — Прекрасная была дивизия. Я сам формировал ее в сорок первом и три года командовал ею.

Дмитрий Федорович пояснил далее, что дивизия храбро дралась под Москвой, отличилась при форсировании Сожа, Десны, Днепра. Ее части напористо прорывали вражескую оборону в районе Бобруйска. Однако вступивший недавно на пост комдива полковник (генерал назвал фамилию) оказался человеком безвольным, безответственным, не оправдал доверия и снят. Теперь его временно сменил заместитель командующего армией генерал Баринов. Обстановка в районе расположения дивизии довольно-таки сложная. Окруженные под Бобруйском вражеские войска стремятся вырваться из котла, нащупывают наиболее слабые места, часто атакуют значительными силами не только пехоты, но и танков.

В конце разговора Дмитрий Федорович напомнил, что необходимо как можно быстрее принять командование дивизией и на месте получить указания у генерала Баринова. Потом комкор вызвал помощника начальника оперативного отдела штаба корпуса подполковника Н. П. Мельникова и поручил ему сопроводить меня на КП дивизии.

Николай Петрович Мельников оказался толковым и знающим штабистом. Свой боевой путь он начал под Москвой в качестве командира минометной роты. По дороге в дивизию он рассказал о боевой обстановке в районе действий корпуса и особенно 354-й дивизии. Только после этого мне стало понятно, почему генерал Алексеев не разрешил ехать одному, а дал сопровождающего. Стремительное наступление советских войск перемешало боевые порядки гитлеровцев. В оперативных тылах наступающих остались недобитые группы, даже целые соединения. По словам

подполковника Мельникова, были случаи, когда даже в нескольких километрах от кольца окружения совершались нападения на тылы. Поэтому необходимо было точно знать, где можно проехать безопасно, а где следовало остерегаться внезапного обстрела и даже открытого нападения.

На известном в штабе корпуса месте командного пункта дивизии не оказалось.

— Недавно дивизионный КП куда-то переместился. Все выехали, а куда — не знаем, — отвечали бойцы и командиры, у которых Мельников пытался узнать новое место расположения командного пункта.

Близился вечер. По одной из лесных дорог уныло брела под охраной нескольких бойцов и сержанта колонна пленных. Пришлось остановиться. Молодой, широкоплечий, с коричневым от загара лицом и «буденновскими» усами сержант подошел к машине, четко отрапортовал, что ведет пленных на сборный пункт корпуса.

— В нашем тылу болтались, — пояснил он. — Не меньше батальона с танками и пушками. Ну мы им поддали жару. Три танка и пушки уничтожили. Досталось и пехоте…

— И много таких «диких» групп? — спросил я у сержанта.

— Хватает, товарищ полковник. В лесах скрываются. Так что будьте поосторожнее, когда поедете лесом.

Сержант побежал догонять колонну пленных, а мы с Мельниковым поехали дальше, по-прежнему не зная точно, где находится КП 354-й дивизии. Проплутали по запутанным лесным дорогам еще с полчаса. Наконец на опушке большого лесного массива увидели несколько недавно отрытых землянок. Возле той, что была ближе к дороге, стоял подполковник, невысокий, круглолицый. Я подошел к нему в надежде узнать о месте расположения КП дивизии, но меня опередил Мельников.

— Товарищ Оськин! — крикнул он обрадованно. — Ну вот и добрались!

Подполковник Вячеслав Петрович Оськин оказался начальником оперативного отделения штаба дивизии. Он проводил нас к одной из землянок. В ней за легким походным столом сидели заместитель командарма генерал-майор И. Ф. Баринов и начальник штаба дивизии подполковник Клавдиев. Они о чем-то негромко разговаривали. В ожидании, пока закончится разговор, я задержался у входа, вгляделся в собеседников. Генерал показался мне знакомым. До назначения в армию Баринов командовал 48-й гвардейской стрелковой дивизией, воевавшей по соседству с Сивашской. Его фамилию приходилось слышать не раз, но встречаться лично не

доводилось. Но вот генерал поднялся из-за стола, и тут, к радости, узнаю в нем своего первого командира полка. Того самого 1-го горнострелкового полка имени ЦИК Аджарской АССР 1-й Кавказской Краснознаменной горнострелковой дивизии, где служил когда-то командиром взвода. Вспомнилась боевая молодость, алые кубики на петлицах гимнастерки…

— Товарищ генерал! Полковник Джанджгава прибыл для вступления в должность комдива.

— Странная у вас фамилия, полковник, — крепко пожав мне руку, заметил Баринов. — Вы кавказец не так ли?

— Да, товарищ генерал. Из Грузии.

— Мне несколько лет довелось служить в Грузии, командовать первым Кавказским горнострелковым полком. Об этом времени у меня сохранились самые лучшие воспоминания.

Генерал еще раз внимательно посмотрел на меня, тепло улыбнулся. Его суровое лицо стало как бы моложе.

— А ведь я вас помню, полковник, — сказал он. — Вы тогда командовали взводом. Не так ли?

— Так точно, товарищ генерал!

— Высоченный, худющий, всегда правофланговый… Не так ли?

— Да, товарищ генерал.

— Ну что ж… Рад новой встрече. Поздравляю с назначением. Принимайте, как говорится, с ходу. Собственно, принимать-то и не от кого…

Генерал замолчал. Ему, как видно, вовсе не хотелось говорить о бывшем комдиве. А вот вспомнить пережитое, поговорить о том, что ждет впереди…

— А помните, как встречали в тридцать шестом году товарища Ворошилова? Как проводили учения в горах?

Воспоминания прервал зуммер полевого телефона. Телефонист передал трубку генералу. Иван Федорович внимательно выслушал чье-то донесение. Потом спросил:

— Значит, контратакуют?.. Что ж… Этого следовало ожидать. Иного выхода у них нет. Продолжайте действовать по плану. О любом изменении обстановки докладывайте немедля!

Не требовалось обладать большой прозорливостью, чтобы догадаться: полки дивизии ведут бой, по всей вероятности, трудный и упорный. Так оно и было. Из лаконичных пояснений генерала, продолжавшего управлять боем, узнал: город Бобруйск еще утром был освобожден от немецко-фашистских войск. Теперь же части дивизии сдерживают натиск противника, пытающегося прорваться из окружения вдоль Минского шоссе. Этой попытке, по словам генерала, предшествовали некоторые события.

Вечером 28 июня по приказанию командующего фронтом К. К. Рокоссовского из-под Бобруйска 1-й гвардейский Донской танковый корпус был перенацелен для наступления на минское направление.

*Заместитель начальника оперативного отдела штаба 105-го стрелкового корпуса подполковник Н. П. Мельников.*

Разведка 40-тысячной окруженной немецко-фашистской группировки довольно быстро обнаружила выход танкового корпуса. Пользуясь этим, противник в ночь на 29 июня крупными силами — примерно 10 тысяч пехоты при поддержке танков и самоходок — атаковал боевые порядки 356-й стрелковой дивизии. Яростный бой продолжался почти два часа. Дивизия выстояла, не пропустила врага. Пробитую противником в ее обороне брешь удалось закрыть дивизионными резервами. Однако атаки продолжались. К рассвету некоторые части гитлеровцев вновь на узком участке прорвались за кольцо окружения. В ликвидации прорыва полкам 356-й дивизии существенную помощь оказал отдельный противотанковый дивизион 354-й дивизии под командованием майора В. Г.

Ильющенко. Ведя огонь прямой наводкой, артиллеристы почти в упор расстреливали танки и самоходки врага.

И все-таки два крупных отряда гитлеровцев, насчитывающих по 2–3 тысячи солдат и офицеров, вырвались за пределы котла. Однако пробиться на соединение со своими войсками им не удалось. Первый вражеский отряд был наголову разгромлен во встречном бою частями 44-й гвардейской стрелковой дивизии западнее Сычково. Только пленными гвардейцы захватили более тысячи гитлеровцев. Второй отряд фашистов прорвался к Осиповичам и там был полностью уничтожен 15-й Сивашской и 69-й стрелковыми дивизиями.

Бой с третьим отрядом, пытавшимся пробиться по Минскому шоссе, все еще продолжался.

Близилась полночь. Телефон молчал. Иван Федорович заметно нервничал. Мне тоже было не по себе. Я — командир дивизии, но пока не мог принять никакого решения, поскольку детально не знал, где находятся полки и какова там оперативная обстановка.

Но вот опять зазуммерил телефон. Наконец-то! Иван Федорович берет трубку. С минуту слушает, потом радостно кричит:

— Молодцы!.. Подполковника, говорите? Давайте его сюда, да побыстрее.

Положив трубку, генерал пояснил:

— Звонил командир полка Мухамедшин. Группа гитлеровцев разгромлена. В числе пленных захвачен начальник связи 41-го танкового корпуса.

*Отважный разведчик полка А. В. Филиппов.*

Спустя минуту позвонил командир 1201-го полка Т. Д. Жаванник и доложил о ликвидации опорного пункта врага на окраине Бобруйска.

В землянку вошел круглолицый, несколько полноватый полковник с молодым лицом и густой седеющей шевелюрой.

— Отлично дерутся ребята! — сказал он, обращаясь к Варинову. — Великолепно дерутся! Многие раненые в бою категорически отказываются идти в медсанбат. Герои!

— Остынь, Владимир Казимирович. Всего сразу не расскажешь, — с добродушной улыбкой произнес Баринов. — Сначала познакомься с новым комдивом.

— Владимир Казимирович Буцол, начальник политотдела, — представился полковник.

Владимир Казимирович сел за стол, стал рассказывать о состоянии дел в дивизии. Привели пленного подполковника. Он был высок, полнотел, одет в новый, с иголочки, мундир. На поясном ремне пленного болталась алюминиевая кружка.

— Это что? Теперь все старшие офицеры вермахта прикованы

к кружкам? — спрашиваю у пленного через переводчика.

— Да, все, — ответил пленный. — Попавшие в окружение войска остались без тылов, без кухонь, а в кружке можно нагреть воду, заварить чай и даже приготовить кофе, если он имеется.

Пленного пригласили к столу. Тот без тени смущения принял приглашение, с минуту вяло ковырял в тарелке с жареным картофелем, но, видно, не смог долго сдерживать себя, жадно набросился на еду.

— Каковы ваши прогнозы, подполковник, насчет дальнейшей судьбы фашистской Германии?

— Война проиграна. Германия накануне катастрофы, — ответил пленный. — Но мы будем продолжать воевать!

— Вы-то уже не будете, — заметил Баринов.

— Я имею в виду германскую армию, герр генерал.

— Где же логика? Сами говорите, что война проиграна, а собираетесь продолжать войну? Глупость какая-то получается. Зачем же напрасное кровопролитие?

Гитлеровец ответил заученно:

— Мы присягали на верность фюреру!

— Фанатик! — презрительно бросил Иван Федорович и приказал отправить пленного в штаб корпуса.

Вскоре генерал Баринов уехал. Тут же я вызвал к себе начальника штаба подполковника Клавдиева и работника оперативного отделения подполковника Оськина. До самого рассвета мы обсуждали дела в дивизии.

# Друзья-однополчане

Под утро пришел Буцол и предложил ознакомиться с очередным политдонесением в политотдел армии.

Это было кстати. Откуда еще как не из политдонесения и обстоятельного разговора с полковником Буцолом можно узнать для начала свежие новости и настроения личного состава. Политдонесение читалось с интересом. В нем приводилось множество примеров храбрости, находчивости, воинского мастерства и высокого патриотизма воинов.

«Пулеметный расчет коммуниста старшего сержанта И. И. Кудякова первым ворвался в Бобруйск, истребил более трех десятков гитлеровцев, подавил вражеский пулемет и нескольких фашистских солдат взял в плен.

Пулеметный взвод участника Сталинградской битвы комсомольца младшего лейтенанта Михаила Протопопова в первый же день боев за Бобруйск отразил шесть вражеских контратак. Гитлеровцы уже под вечер предприняли седьмую контратаку примерно силами неполной роты. Во взводе Протопопова к тому времени оставалось всего несколько гранат, на исходе были и патроны. Тогда Михаил Протопопов сам лег за пулемет.

В боях на подступах к Бобруйску и при очищении города от фашистов неоднократно отличался парторг стрелковой роты 1199-го полка старшина Г. Ф. Канцев. Он возглавлял штурмовую группу, которая выбивала гитлеровцев из блиндажей и подвалов домов.

Командир роты старший лейтенант Сычев был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Его заменил старшина Георгий Федорович Канцев. Трое суток, пока продолжались в Бобруйске уличные бои, он командовал ротой. За это время рота уничтожила до двухсот вражеских солдат и офицеров, ликвидировала несколько узлов сопротивления противника и более ста фашистов взяла в плен.

Артиллерийский разведчик младший сержант А. В. Филиппов, якут по национальности, получил задание командира отправиться на склад за продуктами для батареи. В лесу он неожиданно повстречался с пятью гитлеровцами. Разведчик притаился за деревом в ожидании, когда вражеские солдаты подойдут по просеке ближе, и как только те приблизились, крикнул: „Хальт! Хенде хох!“ Гитлеровцы послушно подняли руки вверх.

Пожилой немецкий солдат, немного владевший русским

языком, сказал Филиппову, что у речки осталось еще несколько солдат, желающих сдаться в плен. Но среди них ефрейтор-нацист. Он будет стрелять. Филиппов вместе с Паулем направился к речке. Из-за деревьев Пауль крикнул своим соотечественникам, чтобы те бросили оружие и сдались в плен. В ответ ефрейтор-нацист открыл огонь из автомата. Тогда немецкие солдаты сами выбили из рук нациста автомат и пошли в плен».

*Герой Советского Союза старшина Г. Ф. Канцев.*

В политдонесении отмечались подвиги командира батареи капитана В. П. Навальнова, пулеметчиков Муссы Вакиева, Жанбегка Матаева, старшего сержанта Колле…

Полковник Буцол прекрасно знал людей. Об одних он говорил с любовью и уважением, других характеризовал осторожнее, делая упор на их промахи и недостатки. В целом же по рассказу Владимира Казимировича складывалось впечатление, что дивизия в боевом отношении сколочена. Ее личный состав способен выдержать новые трудные испытания.

Хотя вечером 29 июня было официально объявлено, что

разгром окруженной в районе Бобруйска вражеской группировки полностью завершен, частям дивизии пришлось сталкиваться с разрозненными группами противника и позже. Так вечером 30 июня завязался жаркий бой у одной высоты, на которой засели до 300 гитлеровцев. Им было предложено сдаться в плен. Они согласились, подняли белый флаг. Однако когда советские самоходки в сопровождении стрелков и автоматчиков 1203-го стрелкового полка приблизились к высоте, фашисты открыли яростный огонь. Две машины загорелись. Несколько воинов погибло. Командир полка подполковник Г. Д. Вологдин принял решение штурмовать высоту и беспощадно истребить вероломных врагов. Штурм был коротким. Более 200 гитлеровцев поплатились жизнью за свою авантюру, 80 сдались в плен.

*Бывший комсомольский вожак 203-го артполка, член Военного совета — начальник политуправления Закавказского военного округа генерал-лейтенант А. М. Оверчук.*

Только 1 июля наступило затишье. В штабе дивизии подвели результаты боевых действий за семь суток. Они радовали.

Дивизия освободила от немецко-фашистских оккупантов территорию площадью в 350 квадратных километров. В 75 деревнях и селах взвились снова красные флаги. Полки дивизии и поддерживающие их части истребили 3700 вражеских солдат и офицеров, уничтожили 130 артиллерийских и зенитных орудий, 110 минометов, 280 пулеметов, 18 складов с горючим, 7 самолетов и немало танков. В числе трофеев 105 артиллерийских и зенитных орудий, 8 минометов, 6 танков и самоходок, 250 пулеметов, 600 автомашин, 200 тягачей, 1200 лошадей, 6 самолетов, 15 паровозов, 1100 железнодорожных вагонов с грузами, 20 складов с горючим, обмундированием, запасными частями и другим военным имуществом. Более 2200 немецких солдат и офицеров взяты в плен.

…Воспользовавшись паузой в боевых действиях, я созвал совещание командиров полков и отдельных частей и подразделений, чтобы ознакомить их с предстоящими задачами. Собрались в тени деревьев на опушке леса. С большинством офицеров я встречался впервые, но о многих уже кое-что знал. Знал, что мой заместитель по строевой части полковник Дмитрий Демьянович Воробьев до войны окончил Военную академию РККА им. К. Е. Ворошилова, в бою смел, в обстановке ориентируется толково, грамотно.

Начальник артиллерии полковник Константин Иванович Граховский — участник гражданской войны, старый служака. В мирное время прослушал курс Военно-артиллерийской академии.

За плечами начальника связи инженер-майора Абраме Яковлевича Огуре — Инженерно-техническая академия связи.

Начальник штаба артиллерии подполковник Ф. И. Стефановский окончил три курса артиллерийской академии.

Дивизионный инженер подполковник Федор Иосифовиче Зборовский — в прошлом архитектор, строитель, тоже с высшим образованием.

Хорошее впечатление произвели на меня командир 921-го артполка подполковник Илья Михайлович Яковлев, командир 1203-го стрелкового полка подполковник Герман Дмитриевич Вологдин, командир 1201-го стрелкового полка подполковник Трофим Денисович Жаванник.

Первое знакомство было, конечно, поверхностным. Предстояло еще познать характеры людей, глубже заглянуть в их души, на практике убедиться, насколько сильны и умелы они в боях. На фронте прежде всего бой был экзаменом на твердость и волю.

# По следам раненого зверя

Огромная лавина советских войск неудержимо двигалась вперед, освобождая родную землю от фашистских захватчиков. Гигантское по масштабам наступление продолжалось. Противник в беспорядке отступал. Позади остались освобожденные белорусские города Слуцк и Несвиж. Впереди были Барановичи — крупный областной центр Белоруссии, важный железнодорожный узел. На подступах к городу противник отчаянно сопротивлялся. Но после удачного обходного маневра конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева, поддержанного наступающими с востока стрелковыми соединениями, гитлеровцы оставили город и стали откатываться к Бресту.

В освобождении Барановичей наряду с другими войсками участвовали полки 354-й стрелковой дивизии. Им была объявлена благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего. А Боевое Знамя дивизии украсилось еще одной высокой наградой — орденом Суворова II степени.

Передохнуть бы денек-другой, но приказ командующего 1-м Белорусским фронтом маршала К. К. Рокоссовского требовал продолжать наступление без оперативной паузы. Общее направление намечалось на Пружаны, Беловежскую пущу, Седлец. При этом первоочередная задача 65-й и соседней с ней 28-й армий состояла в том, чтобы как можно быстрее выйти на коммуникации брестской группировки.

Наступление развивалось стремительно. Только за один день 9 июля дивизия, сбивая арьергардные подразделения противника, овладела двенадцатью населенными пунктами. Но все в дивизии понимали, что фашистская армия еще сильна, что гитлеровцы не побегут до самого Берлина. Впереди очень трудные бои. Так оно и вышло. От командира полка Вологдина поступило донесение: «На подступах к реке Шаре противник оказывает сопротивление, контратакует».

Выехал в 1203-й полк. Вологдин доложил:

— Гитлеровцы, используя на берегу реки Шары систему укреплений, предприняли несколько контратак. В них участвовало до полка пехоты, 20 танков и самоходок. Полк успешно отразил вражеские контратаки и во второй половине дня вышел на восточный берег реки.

Начальнику артиллерии дивизии полковнику Граховскому было приказано организовать сильную артиллерийскую поддержку полку с тем, чтобы он мог форсировать Шару и захватить плацдарм, на правом берегу.

Вскоре подтянулись и основные силы дивизии, но еще до их подхода вызвал командиров полков, определил им участки форсирования и организовал взаимодействие с приданными частями и поддерживающей авиацией.

При активной поддержке артиллерии и авиации полки приступили к форсированию Шары и вскоре штурмом овладели некоторыми селами правобережья.

Первыми на подручных средствах переправились на западный берег реки рота под командованием старшего лейтенанта Г. В. Ляшева и пулеметный взвод лейтенанта С. Белявского. Им пришлось принять на себя главный удар гитлеровцев, но тем не менее они с ходу овладели первой прибрежной траншеей противника.

Во время этого боя храбро действовал парторг первой стрелковой роты рядовой П. П. Соколов. Когда рота залегла под пулеметным огнем противника, Соколов и еще четыре смельчака по собственной инициативе выдвинулись вперед, по-пластунски подползли к пулеметной точке противника и забросали ее гранатами. Санитар этой же роты Г. Левченко в трудную минуту боя также лег за пулемет.

За быстрое форсирование реки Шары войска фронта были отмечены благодарностью в приказе Верховного Главнокомандующего. Одновременно в дивизии был получен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии за образцовое выполнение приказов по разгрому бобруйской группировки врага орденом Красного Знамени.

В полках состоялись короткие митинги. На них работники политотдела зачитали приказ Верховного Главнокомандующего и Указ правительства о награждении дивизии.

Несмотря на усталость, настроение у личного состава было приподнятое, боевое. Уже недалеко государственная граница, скорое освобождение Советской Родины от ненавистных оккупантов.

— В боях мы завоевали орден Красного Знамени, — говорил на митинге старшина С. Рыжков. — Награда обязывает: выше знамя! Шире шаг к логову фашизма!

В течение 11 июля дивизия во взаимодействии с соседями форсировала реку Гривду, освободила районный центр Коссово и еще 35 населенных пунктов.

В полдень 12 июля позвонил начальник штаба корпуса полковник Н. М. Горбин:

— Только что звонил командарм, — сообщил он, — и предупредил, что противник принимает все меры, чтобы не позволить войскам выйти на коммуникации своей брестской

группировки. Поэтому перед вами задача: как можно скорее оседлать шоссейную дорогу Слоним — Пружаны. Помимо этого, вам необходимо создать сильную противотанковую оборону, так как обнаружено движение танков противника из Бреста.

Дивизия с честью справилась с этой задачей и уже к вечеру 12 июля оседлала шоссейную дорогу Слоним — Пружаны. Это было началом выхода войск армии на коммуникации брестской группировки врага. А там — Беловежская пуща и долгожданный Западный Буг. Конечно, противник не упустит случая использовать леса Беловежи для активного сопротивления. Для этого у противника немало шансов. Достаточно заминировать, перекрыть лесные дороги и просеки, чтобы не пропустить с ходу танки и артиллерию.

В дивизию поступило первое с начала наступления пополнение — 420 человек. В полках заныли: «Мало. Капля в море. Надо просить еще». Я обратился с просьбой к командарму.

— Хватит! — категорически заявил командарм Батов. Вы на фронте не одни.

Пополнение направили лишь в те подразделения, где был наибольший недокомплект.

После тщательно проведенной разведки дивизия в полдень 18 июля вступила в Беловежскую пущу. Вопреки прогнозам и предположениям, марш в лесах прошел в общем благополучно. Впрочем, не обошлось и без происшествий.

Когда дивизия форсировала лесные речки Лесьну и Праву, с левого фланга, где продвигался полк М. М. Мухамедшина, послышалась сильная ружейно-пулеметная стрельба. Офицер связи лейтенант Сергей Полухин доложил:

— Фашисты оставили в засаде группу предателей из так называемого «среднеазиатского легиона». Сброд частью уничтожен, частью взят в плен.

Вместе с начальником разведки майором В. Д. Антипенко мы выехали посмотреть на «легионеров». Было их примерно с полсотни. Одетые во вражескую военную форму, они вызывали омерзение.

Подполковник Мухамедшин кратко доложил о том, что произошло, с презрением добавил:

— Собаки! Они не должны больше видеть солнце!

Нельзя было не разделить чувства Мухамедшина, тем более что «легионеры», внезапно открыв огонь по батальону, убили нескольких бойцов. Возобладало, однако, чувство дисциплины и долга. Под усиленным конвоем пленные были отправлены в штаб корпуса.

В ночь на 19 июля в полк Мухамедшина перебежали и

добровольно сдались в плен пятеро солдат-венгров во главе с лейтенантом, командиром подразделения 8-й кавалерийской дивизии. Они показали, что еще два дня назад кавалерийская дивизия получила приказ немецко-фашистского командования задержать русских на подходе к Беловежской пуще и оказать упорное сопротивление в лесу. Но по какой-то причине кавдивизия не смогла выполнить этого приказа, хотя и оставила в лесу несколько мелких заградотрядов. Основные же ее силы, по утверждению перебежчиков, отошли к Бугу и там готовятся встретить русских пулеметным огнем.

В тот день произошло и еще одно памятное событие. Разведчики вологдинского полка неожиданно встретились с польским партизанским отрядом. В нем оказалось всего 45 вооруженных рабочих и крестьян, поляков по национальности. Партизанский отряд, как выяснилось, входил в состав польской подпольной армии и в своей практической деятельности руководствовался директивами премьер-министра польского эмигрантского правительства. Командир и бойцы отряда поначалу не хотели видеть никакого различия между борьбой, которую вели с немецко-фашистскими захватчиками подлинные польские патриоты, и предательскими маневрами польской реакции, стремящейся к захвату власти в Польше в интересах буржуазии. Все мы, дескать, боремся за изгнание фашистских оккупантов с польской земли, за создание суверенного польского государства. Однако после того как с ними побеседовали, разъяснили им, что к чему, польские партизаны единодушно решили вступить в польскую освободительную армию генерала Берлинга.

…Трудный лесной марш через Беловежскую пущу подходил к концу. Полки, батальоны, артиллерийские дивизионы один за другим выходили из лесной чащи в поля и луга. Отсюда до Западного Буга оставалось не больше 25 километров.

Венгры-перебежчики сказали правду. Немецко-фашистские войска установили на пути к реке сильные заслоны.

Особенно яростное сопротивление оказывалось на подступах к деревне Жерчицы. После непродолжительного артобстрела противник перешел в контратаку. Обстановка сразу сложилась не в пользу дивизии. Артиллерия безнадежно отстала. Пехота, оставшаяся без поддержки, не смогла продвигаться и залегла. Фашисты обрушили по пехоте сильный минометный огонь. Смертью храбрых пали младший сержант Болдырев и красноармеец Стерлядов. Оставшиеся вдвоем, сержант В. Колганов и красноармеец И. Скидоненко, вступили в неравную борьбу с группой гитлеровцев. Один из вражески солдат,

подкравшись к Колганову и Скидоненко на близко расстояние, метнул в них гранату. Сержант Колганов на лет поймал ее и швырнул обратно. Второй гранатой, взорвавшейся поблизости, бойцы были легко ранены. На них бросились четыре вражеских солдата. Колганов и Скидоненко не дрогнули. Троих в упор застрелили из автоматов, четвертого прикончили ударом прикладов. Задержать продвижение полка гитлеровцам не удалось.

Во второй половине дня 21 июля стало известно, что первыми в полосе наступления 65-й армии вышли к государственной границе СССР части 69-й стрелковой дивизии генерала Макарова. Водрузив красный флаг на восточном берегу Западного Буга, они с ходу форсировали реку и захватили небольшой плацдарм уже на территории Польши.

# На границе

Часов в пять пополудни подполковник Мухамедшин прислал в штаб дивизии срочное донесение: «Одним батальоном занял районный центр Семятыче. До Буга осталось несколько километров. Возле деревни Тонкеля обнаружен огромный ров, где фашисты закапывали расстрелянных военнопленных. Жители деревни называют это место „лагерем смерти“».

Еще один лагерь смерти. Опять тысячи трупов расстрелянных советских людей. Какая жестокость!

С чем-то подобным дивизия уже встречалась в районе Слонима. Там нацисты, пытаясь перед отступлением замести следы своих кровавых преступлений, все рвы, доверху заполненные трупами расстрелянных военнопленных, сровняли бульдозером.

Машина остановилась у деревни Тонкеля. За околицей огороженный тремя рядами колючей проволоки небольшой участок. В центре его несколько полусгоревших деревянных строений. Вдоль проволочной ограды насыпь. Из-под земли торчат полуистлевшие трупы людей. Сколько их? Тысяча? Две? Три?

Из рассказа местного крестьянина стало известно, что расстрелы советских военнопленных, а также гражданских жителей фашисты произвели осенью 1941 года. На месте расстрела близ деревни Тонкеля лагеря военнопленных не было. Их привозили сюда на машинах. Дважды в неделю примерно по 30 машин в день. Многотонные грузовики всякий раз были заполнены до отказа. Люди в кузовах стояли, плотно прижимаясь друг к другу. По 60–70 в каждой машине.

В домах, обнесенных колючей проволокой, проживали палачи. Когда приходили машины с «живым грузом», палачи-эсэсовцы окружали узников плотным кольцом, загоняли их в заранее вырытую яму, раздевали до белья и после чего расстреливали из пулеметов и автоматов. Расстрелы продолжались в течение двух месяцев. Когда все ямы были заполнены, палачи-эсэсовцы уехали куда-то на другое место.

Другой пожилой крестьянин сообщил о своем разговоре с немецким шофером, привозившим узников для расстрела из лагеря Сухожебры. По словам шофера, в сухожебрском лагере советских военнопленных морили голодом. Поэтому, когда им объявляли, что повезут на работу, где будут кормить, желающих вырваться из лагеря всякий раз было очень много. Чтобы не перегружать машины, охранникам приходилось часто

выбрасывать из них «лишних».

Всего, как потом стало известно, фашисты расстреляли у деревни Тонкеля около шести тысяч советских военнопленных и жителей окрестных сел.

Политработники полка подробно записали рассказы тонкельских крестьян о кровавых злодеяниях фашистских извергов. Несколько позже эти записи легли в основу изданной политотделом листовки, призывавшей воинов беспощадно мстить врагу за расстрелянных и замученных людей.

Всю дорогу до НП дивизии ехали молча. Все увиденное и услышанное в деревне настолько поразило нас, что не хотелось ни о чем говорить. Рвы Тонкеля взывали к мести.

На дивизионном НП ждала радостная весть: все три полка дивизии после ожесточенных боев вышли на Западный Буг. Первым пробился к реке стрелковый взвод старшего лейтенанта П. И. Никитченко. Бойцы во главе с комбатом А. Л. Ющенко и заместителем по политчасти П. И. Рязанцевым установили у населенного пункта Голендры пограничный столб. Почти одновременно достигли Буга и другие полки.

В подразделениях по случаю выхода к Западному Бугу состоялись митинги. Один из таких митингов был проведен возле уцелевшего с 1941 года дота, в котором были обнаружены два полуистлевших трупа — младшего политрука и красноармейца. По всей вероятности, они были захвачены гитлеровцами в начале войны и погибли мученической смертью. У младшего политрука были отрублены руки и ноги, а у красноармейца — голова. В кармане красноармейской гимнастерки сохранился комсомольский билет № 11183470 на имя Бутенко Кузьмы Иосифовича. Фамилию младшего политрука установить не удалось. Было, однако, совершенно ясно, что оба воина-патриота дрались с гитлеровцами до последней возможности и, несмотря на пытки, остались верными Отчизне.

Приграничный дот находился неподалеку от деревни Анусин, имел на вооружении пулемет и 45-миллиметровую пушку. Жители деревни рассказали, что в нем советские воины оборонялись целую неделю и уничтожили многих фашистский захватчиков.

Тут, возле героического дота, и состоялся полковой митинг. Его участники дали торжественную клятву — отомстить врагу за замученных героев, быстро форсировать Западный Буг и смело громить оккупантов на польской земле.

После трудного марша через Беловежскую пущу и боев на подступах к реке люди устали. И тем не менее настроение чувствовалось боевое. Не было сомнения, что 22 июля дивизия

форсирует реку и овладеет плацдармом на западном берегу.

Случилось, однако, непредвиденное. В то время как основные силы войск 1-го Белорусского фронта окружили крупную группировку врага в районе Бреста, вырвавшиеся далеко вперед соединения 65-й армии оказались в окружении противника и вынуждены были в течение нескольких дней вести круговую оборону.

Произошло это прежде всего из-за недостаточной оперативной разведки в ходе наступления, не сумевшей вовремя обнаружить на правом фланге армии скопления вражеских войск в районах Бельско-Подляски и Высокое. А с флангами случилось так. Наступавшая справа 47-я армия генерала П. Л. Романенко отстала более чем на 40 километров, а левофланговая 28-я армия генерала А. А. Лучинского — на 30 с лишним километров. Фланги 65-й армии оказались в значительной мере оголенными. Для их прикрытия командованию приходилось растягивать войска по фронту. Между дивизиями 105-го стрелкового корпуса образовались значительные разрывы.

На внутреннем кольце окружения брестской группировки противника действовала конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева. Его основные силы вели ожесточенные бои на ближних подступах к Бресту. Но войск одной группы Плиева было явно недостаточно. Ей требовалась помощь. На соединение с 65-й армией к реке Западный Буг выдвигался 4-й гвардейский кавалерийский корпус, а из резерва фронта направлен 80-й стрелковый корпус, командование которым принял заместитель командарма генерал И. Ф. Баринов, так как комкор генерал И. Л. Рагуля погиб.

Все эти подробности стали известны несколько позже, на совещании у командарма, а пока вместо форсирования Западного Буга дивизиям 105-го стрелкового корпуса было приказано развернуться и наступать фронтом на Янув-Подляска.

Первые попытки пробиться в этом направлении встретили ожесточенное сопротивление врага. Его контратаки следовали одна за другой, причем пехота поддерживалась большими группами танков. За три с лишним часа ожесточеннейшего боя наша дивизия продвинулась всего метров на 400–500. Почти такие же результаты имели и другие дивизии корпуса.

Из полков поступали сообщения одно тревожнее другого. Противник все чаще вводит в бой танки. Где уж тут наступать! Лишь бы сдержать все возрастающий вражеский натиск.

С командного пункта дивизии, оборудованного на церковной колокольне села Августинка, все поле боя просматривалось в стереотрубу как на ладони. Полкам дивизии крайне трудно. У

противника танки, бронетранспортеры, а дивизионные, полковые пушкари вынуждены беречь снаряды. Из-за недостатка горючего и большой удаленности армейских складов подвоз боеприпасов значительно сократился. Не полностью была подтянута и дивизионная артиллерия.

— Опять танки, товарищ полковник! — громко крикнул адъютант Сергей Полухин, не отрывая глаз от окуляров стереотрубы. — Прут на позиции двести первого…

Посмотрел в бинокль. У деревни Жерчицы полк Жаванника ведет бой с отрезанным от основных сил врага пехотным батальоном. До 20 фашистских танков и бронетранспортеров с пехотой стремительно движутся откуда-то слева. И все направляются к Жерчице, видно, спешат на выручку своей пехоте. Видит ли это подполковник Жаванник? Знает ли он об опасности? Связаться с ним по рации не удается. Молчит и телефон. Видимо, обрыв на линии.

Быстро сбегаю по крутой лестнице, вскакиваю на коня и мчусь в поле. За мной адъютант Полухин. Наше появление на командном пункте полка Трофим Денисович Жаванник замечает не сразу. Он разговаривает по телефону — грозит военным трибуналом командиру третьего батальона В. Г. Левченко за то, что тот не смог удержаться в Жерчице, приказывает комбату 2 капитану В. С. Пивоварову во что бы то ни стало удержать с трудом отбитую у врага железнодорожную станцию Куреш. Вновь вызывает майора Левченко и требует «крепко ударить» по танкам и бронетранспортерам. Оказывается, он уже знает о приближении вражеских танков к Жерчице.

Начальник штаба полка майор А. А. Рыжков, разложил на столе карту, доложил обстановку, как она складывалася за последние полчаса. К столу подошел Жаванник.

— Откуда у них появились тут танки?

— А черт их знает, — отвечаю. — Оперативная разведка, видать, проморгала. Вот и расплачивайся теперь. Оставьте Жерчицу и Куреш. Отойдите за речку Курчик и сосредоточьтесь в лесу.

Многое прояснилось, когда я вернулся на дивизионный НП в Августинку. Туда же приехал командир корпуса генерал Алексеев.

— Армейские радисты, — начал рассказывать он, — перехватили радиоразговор между командиром 5-й немецкой танковой дивизии СС «Викинг» Галлом и командиром 4-й танковой дивизии Петцелем. Первая находится на станции Высокая. Вторая — в Бельско-Подляски. Галл просил Петцеля поддержать его удар по левому флангу 65-й армии из района Высокое с юга одновременным ударом из района Бельско-

Подляски с севера. Цель удара — объединение двух группировок в Клещелях и ликвидация нашего плацдарма на правом берегу Буга.

Осуществление своего плана противник начал с ожесточенных атак позиций 69-й стрелковой дивизии. Одновременно из Большого Турно крупные силы врага перешли в наступление против 105-го стрелкового корпуса. Их главный удар пришелся по нашей дивизии. Танки дивизии СС «Викинг» почти с ходу прорвались в тылы дивизии. Создалась угроза изоляции от баз снабжения.

Срочно вызвал своего заместителя по тылу подполковника Д. П. Давыдкина. Тыловику в ту пору перевалило за пятьдесят, но возраст нисколько не влиял на его энергичную деловитость и умение быстро решать вопросы обеспечения дивизии всем необходимым.

— Дорога к армейским складам под угрозой. Немедленно отправьте колонну машин за горючим и боеприпасами.

Из Августинки до Клещели, где находилась оперативная группа командарма и часть тыловых складов на колесах, автоколонна под командованием Дмитрия Петровича Давыдкина добралась без каких-либо трудностей. Но к тому времени когда она возвращалась со столь необходимыми дивизии грузами, противник уже простреливал дорогу на протяжении трех километров. Узкий коридор прикрывало лишь несколько танков Т-34. Под прикрытием их огня автоколонне и удалось прорваться в Августинку. В пути была разбита лишь одна автомашина с минами. Боеприпасы и несколько автоцистерн с горючим прибыли в самый последний момент перед наиболее сильной вражеской атакой.

К полудню 23 июля стало ясно, что танковые соединения противника глубоко прорвались во фланги 65-й армии и две их группировки вот-вот соединятся в районе Клещели.

— Получился какой-то парадокс, — сказал полковник Горбин. — Под Брестом окружены крупные силы противника войсками Красной Армии, а совсем недалеко, северо-западнее Бреста, во вражеском кольце очутились советские дивизии. Назревают бои в окружении. И не просто бои на равных, а, вероятнее всего, с численно превосходящим противником, располагавшим большим количеством танков и самоходных орудий.

После раздумий и новой оценки обстановки я решил стянуть все части дивизии в Августинку и занять круговую оборону. И надо сказать, решение было принято вовремя.

Едва дивизия была собрана в кулак, как из Клещели

послышалась яростная пушечная дуэль. Догадаться было нетрудно. В Клещелях — фашистские танки. Успела ли выбраться оттуда оперативная группа командарма?

Меня вызвал к телефону комкор Алексеев.

— Срочно вышлите в Клещели офицера. Там был командарм Батов. Узнайте, где он? Что с ним?

В Клещели немедля выехал начальник разведки майор Антипенко. Однако попасть в Клещели ему не удалось. В селе уже был противник. Артиллеристы 37-й гвардейской дивизии объяснили, что оперативная группа во главе с командармом успела проскочить на «виллисах» буквально в нескольких десятках метров от вражеских танков.

Доложил об этом комкору Алексееву.

— Ух ты!.. — облегченно вздохнул Дмитрий Федорович. — Пронесло… А что касается прорвавшихся танков — не беспокойтесь. Жуков, Рокоссовский и Батов примут необходимые меры. Теперь не сорок первый.

И все же тревожное слово «окружение», от которого все уже давно отвыкли, поползло из подразделения в подразделение. Но страха не было. Воины дивизии в трудных условиях вновь сплотились с единой мыслью — выстоять!

Танки противника появились скоро. Для борьбы с ними 1201-й полк располагал лишь самыми минимальными средствами — несколькими 45-миллиметровыми пушками и небольшим количеством снарядов. Тем не менее два танка артиллеристы подбили. Как и в районе Бобруйска, вновь отличился командир огневого взвода старшина Канцев. Ведя огонь прямой наводкой, он лично уничтожил вражеский танк. Другой же танк раздавил сорокапятку. Старшина был ранен, но поля боя не покинул. Артиллерист комсомолец В. П. Жуков, оставшись у пушки один из всего расчета, уничтожил две огневые точки врага и пал смертью храбрых.

Мужественно и тактически грамотно вели бой с врагом в деревне Жерчица воины третьей стрелковой роты под командованием капитана Н. В. Васильева. Оттеснив большую группу гитлеровцев за церковную ограду и прикрыв выходы из нее, они многих фашистов уничтожили, а 40 человек принудили сдаться в плен. Провел этот бой старшина роты С. И. Рыжков.

При отражении одной из контратак отличился ефрейтор Василий Алисов. Когда вражеская пехота почти вплотную подошла к занимаемой стрелковой ротой позиции, Алисов с возгласом «За мной!» первый выскочил из окопа и стал расстреливать гитлеровцев из автомата. Его примеру последовали и остальные воины. Фашисты в панике пустились наутек, а 14 из

них подняли руки.

Плечом к плечу с солдатами находились батальонные политработники А. Н. Касахин, П. И. Рязанцев, парторг второго батальона лейтенант Н. А. Мартынов, комсорг полка Сейдали Айтваев.

«Стоять насмерть, не прекращать огня ни при каких условиях!» — этот призыв командиров и политработников самоотверженно выполняли все воины.

В разгар боя случилось так, что стрелковый батальон, в составе которого действовал орудийный расчет 76-миллиметровой пушки, был потеснен противником. Увезти пушку с огневой позиции оказалось невозможно. Командир расчета сержант И. П. Винокуров решил защищать ее от захвата противником до конца. Артиллеристы заняли круговую оборону и больше часа вели огонь по наседавшим гитлеровцам из винтовок и автоматов. Наводчик Н. Д. Гаяков был трижды ранен, но продолжал оставаться в строю. Пушка была спасена.

Большой урон в живой силе нанесли противнику стоявшие на прямой наводке 76-миллиметровые пушки огневого взвода старшего лейтенанта Михаила Сардионовича Болквадзе, награжденного незадолго до этого орденом Отечественной войны II степени.

В результате двухдневных ожесточенных боев, в которых принимали участие два стрелковых корпуса 65-й армии и 12-я танковая бригада, вражеские войска хотя и соединились в районе Клещелей, но понесли значительные потери. На поле боя осталось более 5 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, 40 танков, 50 орудий и много другой боевой техники.

Бой под Августинкой продолжался. Полкам 354-й дивизии и ее ближайшим соседям пришлось потратить немало усилий, чтобы окончательно сломить сопротивление врага и вновь выйти на восточный берег Западного Буга. Произошло это только 1 августа.

# Встреча с Польшей

В тех местах, где 354-я дивизия вышла на государственную границу, Западный Буг не глубок и не очень широк. Ниже, в 70–80 километрах от Бреста, река не представляет собой серьезной преграды. Наводить переправу пришлось лишь для дивизионной артиллерии и тяжелых автомашин. Стрелковые, пулеметные, минометные подразделения, а также полковую артиллерию предполагалось переправить вброд.

Переправу начала стрелковая рота капитана Н. В. Васильева, в составе ее было всего 25 человек. Вместе с ними двинулся и взвод 82-миллиметровых минометов, которым командовал старший лейтенант Серов.

Через три минуты стрелки и минометчики были уже на западном берегу. С километр прошли благополучно, а дальше начался жестокий бой. Противнику удалось окружить храбрецов. Рота заняла круговую оборону.

Когда к месту боя подошли основные силы батальона во главе с комбатом майором Ф. А. Малоштаном и замполитом капитаном Г. З. Невельским, в роте оставалось в живых всего 7 человек. Батальон с ходу вступил в бой.

Почти одновременно вышли на западный берег реки 1203-й и 1199-й стрелковые полки. А к вечеру на плацдарме закрепилась вся дивизия. Всю ночь через Буг переправлялась артиллерия.

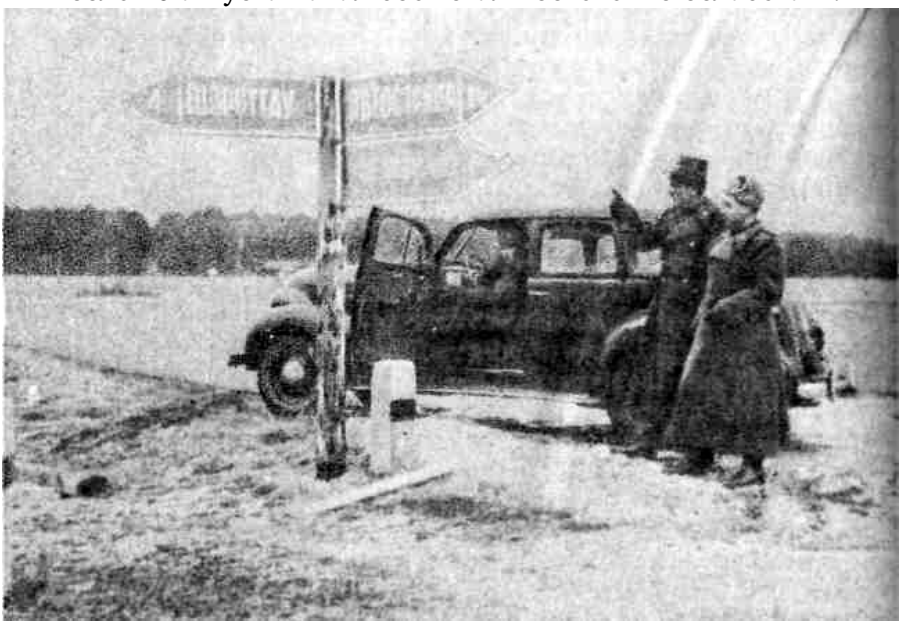
Форсировали Западный Буг и соединения левого фланга армии. После непродолжительной ночной передышки начались ожесточенные бои по расширению плацдарма. Противник отчаянно сопротивлялся, но час от часу пятился назад. В его составе были части 35-й и 541-й пехотных дивизий, 57-го полка самоходной артиллерии и так называемые штурмовые подразделения, сформированные из остатков разгромленных дивизий.

Сильно потрепанной оказалась и наша дивизия. Ее полки еще во время Бобруйской операции стали двухбатальонными. Теперь же, после новых боев в районе Жерчицы, Семятыче, Августинки и форсирования Западного Буга они по численности личного состава превратились по существу в однобатальонные. Батальоны, правда, по-прежнему существовали, но каждый из них имел «активных штыков» не больше чем в стрелковой роте.

Противник, возможно, знал о малочисленности полков. Утаить это в условиях постоянного соприкосновения с ним было трудно, и потому настойчиво контратаковал. Тем не менее отбросить советские войска за Буг, ликвидировать плацдарм он

уже не мог. Для этого требовались более мощные силы, а где их возьмешь, если русские продолжали повсеместно наступать?

После 10 августа накал боев стал постепенно ослабевать.



*По дороге на запад. Комдив 354-й стрелковой дивизии генерал-майор В. Н. Джанджгава и начальник политотдела дивизии В. К. Вуцол.*

Выдохлись гитлеровцы, начали отступать. Не сразу, конечно, и не везде. На заранее подготовленных опорных пунктах они еще оказывали упорное сопротивление. Наступление продолжалось. Советские войска шли по польской земле.

В командном и политическом составе дивизии к этому времени произошли значительные изменения. Еще до форсирования Западного Буга был отозван на новую должность командир 1203-го полка подполковник Г. Д. Вологдин. Его сменил гвардии майор Г. И. Гусейнов. На место командира другого полка прибыл из армейского резерва подполковник М. Н. Павлов. Выбыл из дивизии командир 1201-го полка подполковник Т. Д. Жаванник. Вместо него был назначен тоже из армейского резерва подполковник А. М. Песковатский. Во время форсирования Буга получил тяжелое ранение и вскоре скончался заместитель командира 1199-го полка по политчасти майор В. И. Тюрников. Умер после тяжелого ранения на плацдарме секретарь дивизионной партийной комиссии подполковник В. Н. Пазаев — старый коммунист, ветеран дивизии, прошедший в ее составе долгий путь.

Эти перемены, безусловно, прибавили много новых хлопот

комдиву и начальнику политотдела. К новым людям пришлось заново привыкать, разбираться, кто чего стоит. Ведь речь идет о командирах, которым вверены жизни и судьбы многих воинов.

Еще в те дни когда дивизия первый раз вышла к Западному Бугу, командиры и политработники провели с личным составом беседы об усилении бдительности при вступлении на территорию Польши, о дружеских взаимоотношениях с местным населением, о невмешательстве в действия польских властей.

Буржуазные порядки, безжалостная эксплуатация польскими помещиками и капиталистами трудящихся, батрацкий труд, безземелие, почти рабская зависимость бедных от богатых… Обо всем этом советские воины, в особенности молодые, знали только по книгам, газетам, кинофильмам. Теперь же многие впервые увидели все своими глазами. Бедность большинства крестьян и батраков вызывала ужас. Как же люди ухитряются жить? А поблизости, в фольварках — помещичьих усадьбах, совсем другая жизнь — полная роскоши, безделия, чудовищных излишеств. За помещиками по мере возможности тянулись местные кулаки. Батраки и бедняки для них, как и для помещиков, не люди, а быдло, ничтожество. Вмешиваться же в эти противоестественные отношения между людьми советским воинам не дозволено. Поляки должны были сами решать, как им дальше жить.

В населенных пунктах рабочие, крестьяне, батраки, школьные учителя встречали советские войска приветливо. Спрашивали: «Какая будет в Польше власть?», «Будут ли создаваться колхозы?», «Останется ли земля у помещиков или будет распределена среди крестьян?..»

Разъяснительную работу среди поляков вели в основном партийно-политические работники капитаны Т. Квашенко, Т. Климовцев, майор Я. Евдокимов, старший лейтенант А. Ющенко, лейтенанты А. Тажигулов, А. Проскуряков. Их всегда слушали с вниманием. В беседах говорилось о том, что советские воины вступили в пределы Польши преисполненные решимостью — разгромить вражеские войска и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой и свободной Польши.

Интернациональному воспитанию личного состава активно и действенно помогала дивизионная газета «Советский патриот». Сотрудники редакции во главе с капитаном Е. А. Петровым помещали много статей и корреспонденции по разъяснению задач интернационального воспитания. Не выходило ни одного номера «Советского патриота» без материалов на эту тему. Капитан Петров — опытный, высокообразованный журналист умел быстро ориентироваться в обстановке. Он хорошо знал жизнь воинов. Не

раз находился на переднем крае. Такими же были и сотрудники газеты капитан Семен Аипов, старшина Иван Казаков, старший лейтенант Сергей Аракчеев и другие.

Многолетняя антисоветская пропаганда рассеивалась, как утренний туман. Побеждала правда жизни. И чем дальше продвигались советские войска в глубь Польши, тем теплее встречали их поляки.

Побывавший в те дни в дивизии член Военного совета армии Николай Антонович Радецкий в своем выступлении на совещании командиров и политработников сказал:

— Сейчас польский народ выбирает путь. Он с чувством надежды смотрит на Красную Армию. Помогайте ему примером дружелюбия, чуткости и такта.

*Командир 1203-го стрелкового полка Г. Д. Вологдин.*

…В течение нескольких дней дивизия продвигалась вперед, почти не встречая сопротивления врага. Незначительные стычки с вражескими заслонами, безусловно, были, но, как правило, заканчивались быстро. Однако по мере приближения войск 65-й

армии к реке Нарев сопротивление гитлеровцев заметно усиливалось.

Особенно ожесточенный бой частям дивизии пришлось вести на подступах к железнодорожной станции Тремблинка. Станция, казалось, ничем особенно не примечательная, на некоторых тактических картах значилась даже как разъезд. Поначалу мы предполагали освободить ее по крайней мере силами одного батальона. Первые же минуты боя показали, однако, что противник располагал на станции довольно-таки крупным гарнизоном. Все подходы к Тремблинке были сильно укреплены. Вокруг станции торчали железобетонные доты. Разведчики засекли в разных местах артиллерию.

*Сотрудники редакции и типографии дивизионной газеты «Советский патриот».*

Вслед за батальоном пришлось ввести в бой весь полк Павлова и некоторые другие подразделения. Тем не менее настойчивые атаки не достигали цели. В течение всего дня потеснить зарывшихся в землю и укрывшихся за толщей железобетона фашистских оккупантов не удалось. Их упорству в обороне в значительной мере способствовала исключительно выгодная в тактическом отношении позиция.

В числе тех, кто штурмовал Тремблинку, находился командир расчета противотанковой пушки старший сержант Василий Стрела, человек большого мужества и отваги, не раз отличавшийся в боях. Позже, вспоминая об этом бое, он писал:

«В первый день нам так и не удалось сломить сопротивление

черной своры (обороняли Тремблинку в основном эсэсовцы). Только на следующее утро, когда подошли фронтовые „катюши“ и сыграли свой „гимн“, для фашистов настал „капут“».

После овладения станцией Тремблинка всем стало понятно, почему гитлеровцы так упорно держались за нее. Дело в том, что поблизости от станции располагался фашистский лагерь смерти, и его охранники, пока шел бой за станцию, лихорадочно заметали следы своих чудовищных преступлений. Однако сделать это им не удалось. Не успели. Мощный удар «катюш» заставил оставшихся в живых эсэсовцев в панике бежать на запад, в расположение своих войск обороняющихся на реке Нарев.

И вот перед глазами воинов еще одна фашистская фабрика смерти, третья на пути наступления дивизии. Разница лишь в том, что на первых двух нацистские палачи расстреливали и мучили главным образом советских военнопленных, а Тремблинка была создана преимущественно для гражданских лиц — русских, поляков, белоруссов.

*Еще один снимок работников дивизионки.*

Дивизионная газета «Советский патриот» в номере от 17 августа 1944 года, основываясь на рассказах местных жителей, писала: «В концлагере Тремблинка фашистские изуверы в течение 18 месяцев (с момента создания лагеря) каждый день умерщвляли в печах-крематориях сотни ни в чем не повинных людей. От полотна железной дороги к лагерю тянулась глубокая канава. По ней скрытно на автомашинах перевозили с полустанка ежедневно сотни людей. Кроме огромного числа сожженных нацистами в печах-крематориях на территории лагеря обнаружено 36 ям-могил, в которых зарыто примерно 6 тысяч

трупов».

Лагерь смерти посетили партийно-политические работники частей и подразделений, после чего обо всем увиденном там рассказали личному составу. Их доклады и беседы о зверствах фашистских разбойников в Тремблинке послужили еще одним импульсом в развитии у воинов святой ненависти к врагу, в дальнейшем повышении их боевой активности.

…Дивизия по-прежнему оставалась малочисленной по своему составу. Пополнения не было. А между тем на состоявшемся во второй половине августа армейском совещании командиров корпусов и дивизий командарм П. И. Батов, ссылаясь на указания командующего фронтом К. К. Рокоссовского, потребовал продолжать наступление, не дать возможности врагу собрать силы и закрепиться, ибо тогда форсировать реку Нарев с ходу будет гораздо труднее.

Павел Иванович тогда добавил:

— Маршал Жуков передал категорическое требование товарища Сталина о том, что в первых числах сентября советские войска должны быть за Наревом.

По данным агентурной разведки и аэрофотосъемкам было известно, что на западном берегу реки противник заранее подготовил мощные оборонительные укрепления, а Геббельс в одном из своих выступлений по радио назвал Нарев не просто водным рубежом, а Наревским валом, где «Красная Армия будет остановлена и разбита».

Было известно советскому командованию и еще одно немаловажное обстоятельство: противник не располагал на заречных оборонительных сооружениях большим количеством войск. Предполагалось, что оборону там займут отступавшие дивизии. В этих условиях важно было не допустить организованного отступления противника к реке Нарев, разгромить его на восточном берегу, с ходу форсировать реку и овладеть оборонительными сооружениями.

Полки 354-й дивизии 26 августа сменили в первом эшелоне части 44-й гвардейской стрелковой дивизии и вместе с 15-й и 16-й танковыми бригадами заняли исходное положение для наступления западнее небольшого польского городка Брок. Надо было упредить выход к Нареву отступавшей танковой дивизии СС «Викинг» и 5-й пехотной дивизии.

Наступление было возобновлено утром 27 августа. Чтобы не дать гитлеровцам возможности оторваться от преследования, действовать надо было быстро, безотлагательно. Два стрелковых батальона — майора М. У. Гамзатова из 1203-го полка и майора И. Т. Ищенко из 1199-го полка — пришлось посадить в качестве

десанта на самоходки и бронемашины корпусного танко-самоходного полка полковника Соколова.

Стрелки вместе с танкистами завязали бой. Сначала на небольшой речушке Тухельке, потом за овладение населенными пунктами Тухлин, Пшеймы… Остальные подразделения дивизии продвигались где на автомашинах, где пешком, и в первый день наступления прошли до 30 километров.

Героический подвиг совершил кандидат в члены партии рядовой Иван Васильевич Маслаков. Став фронтовиком в феврале 1942 года, он неоднократно отличался и в обороне и в наступлении, имел за плечами богатый боевой опыт, был награжден медалью «За отвагу». В бою он проявлял смелость и особенно находчивость. Так было и 3 сентября. После артподготовки Маслаков в числе первых выскочил из своего окопа и побежал через лес. В лесу он и не заметил, как отклонился от общего направления и оказался один на один с девятью гитлеровцами. Но, к счастью, он увидел вражескую засаду первым. Меткой очередью из автомата сразу уничтожил трех солдат. Шестеро залегли и открыли ответный огонь. Толстые стволы деревьев прикрывали Маслакова, но обстановка складывалась не в его пользу. Фашисты поняли, что перед ними один человек. В завязавшейся перестрелке Маслаков уложил еще двух. И вдруг его автомат замолк. Кончились патроны. Прячась за деревьями, воин быстро вышел из-под обстрела, сквозь кустарник подобрался к продолжавшим автоматную стрельбу гитлеровцам с тыла и, захватив автомат у одного из убитых, снова вступил в схватку. На помощь Маслакову подбежали товарищи.

Стрелковые и саперные подразделения дивизии взаимодействовали с передовыми танковыми группами. Танки и самоходки с десантниками часто внезапно атаковали скопления вражеских войск с таких направлений, с которых они, казалось, не могли были появиться. Их успеху способствовали глубокие овраги, холмы, лес… Саперы-десантники, когда это требовалось, быстро прокладывали путь через препятствия.

Такие быстрые налеты танковых групп и десантников нередко дезориентировали фашистов.

# Наревский вал

Ранним утром 5 сентября передовые отряды 15-й и 16-й танковых бригад 1-го Донского танкового корпуса и корпусной танко-самоходный полк с десантом воинов 1203-го полка ворвались к Нареву. Одновременно к переправе — единственному на этом участке мосту через реку — в панике бежали значительные силы противника. Они спешили переправиться через реку, чтобы укрыться там за широко разрекламированным фашистской пропагандой Наревским валом.

Мотопехота советских танковых бригад высадилась на восточном берегу Нарева северо-восточнее Корневека, а пехота 1203-го полка вместе с десантом танко-самоходного полка — северо-восточнее местечка Погожелец.

На левом берегу реки развернулся ожесточенный бой за переправу. В него по мере подхода к Нареву вступали все новые подразделения стрелков и автоматчиков нашей дивизии. По оборонявшим переправу вражеским войскам с ходу открыли огонь артиллеристы и минометчики.

Перед вырвавшимися к Нареву пехотными и танковыми подразделениями стояла единая задача: как можно быстрее очистить от скопившихся здесь гитлеровских войск восточный берег реки и, воспользовавшись мостом, с ходу занять укрепления на западном берегу.

Но тут произошло то, чего в общем-то следовало ожидать и чего опасались. Едва подразделения достигли моста, — а длина его была метров триста, — прогремело два мощных взрыва. Немцы подорвали мост с обеих сторон, не ожидая, пока закончат переправу их же собственные войска. На середине моста, оставшейся неповрежденной, в панике метались вражеские солдаты и офицеры, не успевшие переправиться. Некоторые из них, обезумев от страха, бросались с десятиметровой высоты в реку, но мало кому удавалось доплыть до правого берега.

Итак, мост захватить не удалось. Как теперь быть?

Вместе с начальником разведки майором В. Д. Антипенко мы пробрались к прибрежной траншее, где обосновался подполковник М. Н. Павлов. В это время севернее Корневека мотопехота танковых бригад уже вела бой за плацдарм на западном берегу реки.

Михаил Никитич Павлов и комбат его полка майор Магомет Усманович Гамзатов, сидя на коротком обрубке бревна, о чем-то громко разговаривали между собой. Аварец Гамзатов с присущей южанину нетерпеливостью громко выкрикивал слова, энергично

размахивая руками.

— О чем спор, Михаил Никитич? — спросил я. — Что собираетесь предпринять?

— Да вот переправа… Мост… Может, саперы что-либо сделают?

Командир полка Павлов был старше меня года на три-четыре. Службу в рядах Красной Армии начал рядовым-добровольцем еще в середине двадцатых годов. Много учился, приобрел богатый опыт армейского политработника, занимал ответственные должности, а в сорок четвертом году, пройдя переподготовку, был назначен командиром полка.

— Будем форсировать Нарев на подручных средствах, и немедленно, пока противник не опомнился.

— Ну что ж, — вздохнул Павлов, — форсировать так форсировать!

Майор Гамзатов озорно сверкнул черными глазами. Именно такого приказания он и ждал. Круто повернулся, побежал к своему батальону. Его подчиненные, как оказалось, уже начали готовиться к форсированию Нарева на подручных средствах сразу же после взрыва моста. Они стянули к реке рыбачьи лодки, соорудили несколько небольших плотов. В ход пошли пустые бочки, доски от кузовов автомашин. Некоторые бойцы набили сухой травой плащ-накидки…

Первой приступил к форсированию Нарева ударная группа, сформированная из добровольцев — коммунистов и комсомольцев батальона майора Гамзатова. Ее возглавили парторг полка капитан Т. Д. Климовцев и командир третьей роты старший лейтенант И. И. Соколов. Ниже по течению реки в одно и то же время начала переправляться тоже на подручных средствах группа 1199-го стрелкового полка во главе с заместителем командира батальона по политчасти капитаном М. С. Саркисяном.

За этими группами последовали другие, в том числе пулеметчики и минометчики. А капитан Грязнов сумел даже переправить на плоту противотанковую пушку.

Поддерживающие дивизию самоходки пока только готовились к переправе. Танкисты спешно промеряли брод. И не было еще полной уверенности в том, что они смогут быстро переправиться. В ту пору танки еще не умели плавать. Чтобы решиться форсировать на них довольно глубокую и широкую — метров в двести — реку, требовалось огромное мужество.

Противник еще не успел подтянуть свои войска из тыла, а отходившие части не успели как следует занять позиции. Поэтому следовало торопиться.

За рекой разгорался бой. Начали его группы капитана Т. Д. Климовцева и капитана М. С. Саркисяна. С восточного берега десантников активно поддерживала полковая и дивизионная артиллерия. Посланные за реку артиллерийские разведчики корректировали артстрельбу с большой точностью.

Вслед за группами Климовцева и Саркисяна быстро переправились через Нарев основные силы 1203-го стрелкового полка. На соседнем участке столь же организованно форсировал реку батальон майора И. Т. Ищенко. Командир полка Павлов сразу же перенес свой НП за реку. Главные силы 1199-го и 1203-го полков продолжали вести бой с остатками вражеских войск в лесах, в полутора километрах западнее местечек Вилька и Заторск.

В беде оказались тыловые подразделения дивизии. Бродячие группы противника уже успели разгромить медсанбат и, как сообщил подполковник Г. Г. Слуцкий, штаб дивизии остался без охраны. Положение на восточном берегу реки к середине дня в некоторых местах сложилось так, что порой было трудно разобраться, где находятся свои подразделения, а где — противник.

Несмотря на это, переправа войск продолжалась. Главным оставалось наращивание сил на плацдарме.

Когда 1203-й полк продвинулся примерно на километр вперед, я доложил командиру корпуса Алексееву о захвате небольшого плацдарма за Наревом и одновременно попросил оказать помощь в уничтожении действовавших в тылу дивизии больших групп противника.

Дмитрий Федорович с нескрываемым недоверием спросил:

— Плацдарм?.. Так быстро?.. А не выдаешь ли ты желаемое за действительность?

Пришлось назвать по карте точные координаты местонахождения подразделений дивизии, и в частности 1203-го полка.

— В таком случае поздравляю! — сказал комкор. — Плацдарм не оставлять! Держись! Я приеду к вам.

Части соседней 44-й гвардейской были на подходе, и батальоны дивизии, занявшие небольшой плацдарм, пока одни отбивали контратаки врага лишь при поддержке дивизионной артиллерии.

Скорее бы переправились танки Донского гвардейского корпуса. Но торопить их было бесполезно. Прежде чем приступить к переправе, требовалось закрыть, проконопатить в нижней части машин все отверстия, через которые могла проникнуть вода. Для этого танкисты использовали паклю,

ветошь, брезент. Конечно, после принятия таких мер предосторожности тоже не было полной гарантии, что моторы танков не заглохнут в реке. Дно оказалось, правда, плотное, песчаное — но всякое могло случиться.

Бой на правом берегу Нарева принимал все более ожесточенный характер. Судя по всему, противник подтягивал свежие силы. Если теперь же, немедленно не переправить артиллерию за Нарев, стрелковые части без поддержки натиск врага не выдержат. Но как переправить без моста артиллерию?

Был бы брод, но его поблизости, как назло, не оказалось. Вся артиллерия на конной тяге. Пустить ее вплавь? А если не получится?.. И тем не менее надо пробовать.

Начальник артиллерии полковник К. И. Граховский встретил мое предложение с нескрываемым сомнением.

— Пушки вплавь, на лошадях?.. — попыхивая трубкой, удивился Константин Иванович. — Но ведь это же верная гибель лошадей, материальной части.

— И все-таки будем пробовать, Константин Иванович. Промедление опасно.

Командир 921-го артполка подполковник И. М. Яковлев оказался более решительным.

— Что ж, будем пробовать, товарищ комдив. Лошади крепкие, — сразу же согласился он.

И вот первое орудие во главе с командиром расчета, с молодым белобрысым сержантом, спустилось к реке. Глаза у парня серые, озорные. Он усаживается верхом на коренника. Вслед за ним привычно вскакивают на спины лошадей бойцы расчета.

— Поехали! — громко кричит сержант. Одно только слово, а сколько в нем оттенков! Тут и радость, что ему доверено первому переправить пушку за реку, и естественное возбуждение, и с трудом скрываемая боязнь опасности. А вдруг лошади не потянут, остановятся среди реки? Тогда — беда.

Пушка плавно опускается в воду. Сначала река скрывает ее колеса, затем и ствол. Лошади, непрерывно понукаемые бойцами, напрягаясь и отфыркиваясь, плывут вперед, повинуясь силе солдатских рук.

Пожалуй, никогда в жизни не знал я минут более долгих, насыщенных таким тревожным ожиданием.

Кони плыли.

Прошло три минуты. Кони уже на середине реки. Еще минута… Еще… Противоположный берег к ним уже ближе… Их уже встречают… Вот подполковник Павлов… Он весь подался вперед, кажется, готов протянуть руку, чтобы помочь коням

доплыть поскорее.

И вдруг я услышал громкое фырканье и увидел мокрые крупы коней.

— Доплыли! Какая удача!

И вот уже пушка на берегу! Белобрысый сержант стоит рядом и радостно машет пилоткой.

Снова посмотрел на часы. Прошло всего восемь минут. Значит, примерно за какой-то час-полтора переправится через реку весь артполк. Да это же прекрасно!

Увлекшись переправой, я не заметил, как подошел командир корпуса генерал Алексеев. В руках он держал… большой букет роз.

— Это тебе, Владимир Николаевич, от генерала Панова, — сказал Дмитрий Федорович, передавая букет и, видимо, заметив мое недоумение, пояснил: — В знак его преклонения перед пехотой, сумевшей обогнать танки. Так и просил передать. Еще он прислал тебе в подарок венгерского жеребца. Красавец! Но я пожалел брать его сюда, под пули. Вот форсируем Нарев, и будешь скакать на нем в своей бурке. Ну а теперь докладывай обстановку.

Коротко доложив, спросил комкора, как он рискнул приехать, ведь в тылу орудуют большие группы гитлеровцев.

— Надо было, вот и приехал, — ответил генерал Алексеев. — Сначала добрался до Панова, а от него — к вам. Могу обрадовать тебя: танкисты корпуса ведут интенсивную подготовку и вот-вот начнут переправу. Тогда всем станет легче.

Разговор прервал радист. Меня вызывал к аппарату командарм.

— Доложите, где находитесь? — потребовал генерал Батов.

Доложил свои координаты и сказал, что 1199-й полк, форсировав Нарев, вышел на шоссе Сероцк — Пултуск, 1203-й отбивает контратаки северо-восточнее Погожелец, а 1201-й ведет бой с разрозненными группами противника на восточном берегу и поэтому несколько запоздал с форсированием. Полковая и дивизионная артиллерия уже переправлена на западный берег.

Не скрывая своего удивления, Павел Иванович расспросил, как без наведения моста удалось переправить артиллерию через Нарев, и похвалил за своевременную инициативу. Потом, узнав, что комкор находится в дивизии, попросил его к аппарату.

Был отчетливо слышен веселый голос командарма во время его разговора по рации с генералом Алексеевым. Павел Иванович поздравлял с успешными действиями корпуса, сообщал, что 44-я гвардейская уже на подходе к Нареву, велел срочно представить особо отличившихся при форсировании реки к

правительственным наградам и объявить всему личному составу благодарность от имени Военного совета армии.

Едва генералы закончили разговор, радист вновь позвал меня к аппарату. На этот раз звонил командир 44-й гвардейской генерал В. А. Борисов. Он проинформировал, что его дивизия успешно форсирует Нарев, но противник, подтянув из глубины некоторые части, уже начал оказывать сильное сопротивление.

Переговорив с Борисовым, комкор распрощался и уехал.

Прошло еще несколько минут, и последние пушки артполка переправились через реку. Направляюсь к рыбацкой лодке, чтобы переплыть на западный берег Нарева, но меня останавливает голос радиста, который поддерживал непрерывную связь с 15-й танковой бригадой.

— Товарищ полковник, танки пошли! — радостно кричит он.

Теперь уже и сам вижу, как через реку идут танки. Идут гуськом, один за другим. Видны лишь их антенны, выхлопные трубы, специально выведенные танкистами наверх, чтобы моторы не захлебнулись водой. По выхлопным трубам легко было определить движение танков по дну реки. Вот первый танк уже выполз на правый берег, за ним второй, третий… По всему берегу покатилось громкое и радостное «Ура!». Пехота, поддерживаемая танками, вновь устремилась вперед.

Это было лишь начало. Вскоре на плацдарме высадились передовые отряды 193-й стрелковой дивизии генерала А. Г. Фроленкова, а несколько позже — полки 108-й стрелковой дивизии генерала П. А. Теремова.

К концу первого дня наступления плацдарм представлял собой участок в 8 километров по фронту и до 4 километров в глубину.

# Держаться!

На рассвете 6 сентября со мной связался по рации командир 44-й гвардейской дивизии генерал В. А. Борисов. Между нами состоялся обычный дружеский фронтовой разговор, почти телеграфный:

— Держитесь?

— Держимся. Ждем «сабантуя». А как у вас?

— Порядок! За плечо не беспокойся.

— Желаю успеха.

Вот примерно и все. Ни одного лишнего слова. Ведь дело вовсе не в словах. Главное — услышать голос друга, сообщить, что ты рядом.

С генералом Борисовым я познакомился совсем недавно и виделся редко. Но дивизии наши в последнее время наступали рядом и тесно взаимодействовали. Веселый, жизнерадостный, заражающий своим неиссякаемым оптимизмом, умеющий поддержать и ободрить шуткой, генерал Борисов нравился мне. С ним приятно было говорить.

Вслед за разговором с Борисовым подал голос по рации и левый сосед комдив А. Г. Фроленков. С ним тоже установились самые добрососедские отношения.

Третьего соседа по плацдарму — командира 108-й стрелковой дивизии генерал-майора П. А. Теремова — я почти не знал. Но Борисов отозвался о Теремове весьма лестно.

«Сабантуй», о возможности которого как бы между прочим упомянул генерал Борисов, не заставил себя ждать. С восходом солнца гитлеровцы нанесли по всему переднему краю советских войск на плацдарме довольно сильный артиллерийский и авиационный удар. Затем начались контратаки пехоты и танков противника. Однако защитники плацдарма отразили их относительно легко. Более того, в течение дня удалось несколько расширить и углубить плацдарм.

Немецко-фашистское командование, безусловно, понимало, что силами понесших серьезные потери 5-й пехотной и 5-й танковой эсэсовской дивизий плацдарм не ликвидировать. Время упущено. Поэтому в ночь на 6 сентября были подтянуты в район боев еще две пехотные дивизии — 542-я, 252-я и 114-я бригада тяжелых танков «тигр». Успели привести себя в относительный порядок после трепки под Клещелями также и части 5-й танковой дивизии СС «Викинг».

Наступление противника на плацдарме не было неожиданным. Комкор Алексеев еще ночью предупредил об этом.

— Примите срочные меры по укреплению флангов, — приказал генерал Алексеев, — бросьте туда противотанковый дивизион Илющенко. Фроленков и Борисов вас поддержат.

И действительно. С рассветом противник начал боевые действия по всему фронту, причем первый свой удар он нанес по 1203-му полку дивизии. Полк оказался в тяжелом положении. Ему на помощь выступил 1201-й полк. Завязался яростный, кровопролитный бой, во время которого огромную помощь оказывала артиллерия с восточного берега и авиация 16-й воздушной армии.

К этому времени саперы уже успели навести паромные переправы, заканчивали сооружение первого моста. Силы на плацдарме нарастали. Переправлялись подразделения Донского танкового корпуса, вступили в бой два полка 69-й стрелковой дивизии, несколько батальонов 37-й гвардейской.

Тем не менее обстановка все больше накалялась. Противник контратаковал крупными силами пехоты и танков с неослабевающим напором. К вечеру некоторые подразделения дивизии вынуждены были несколько отойти.

Особенно тяжелое положение сложилось на участке 1199-го полка. Только против одного батальона майора Ищенко гитлеровцы бросили до двух полков пехоты и тридцать танков. Фашистским танкистам удалось полностью уничтожить противотанковую артбатарею, поддерживающую батальон. Понесли значительные потери и стрелковые подразделения.

Кровопролитный бой до темноты продолжался на участке шоссейной дороги Корневек — Дзерженин. Стрелковые подразделения, танки, артиллерия и самоходные орудия действовали в одном строю. За день они отразили семь вражеских атак.

Был и такой трагический момент, когда несколько вражеских танков прорвались к реке. За ними хлынула пехота. Прорыв, однако, удалось быстро локализовать. Пример мужества и отваги в ликвидации прорыва наряду с другими воинами показали прежде всего ветераны дивизии, много раз отличавшиеся в прежних боях. Старшина Г. Ф. Канцев, действуя на самых трудных участках, увлекая личным примером однополчан, уничтожил из автомата и в рукопашных схватках, по меньшей мере до полусотни гитлеровцев. Ефрейтор Василий Алисов на подступах к деревне Муравейка Варшавского воеводства показал себя лучшим гранатометчиком. Несколько раз, когда фашистская пехота и танки приближались к позициям батальона, он смело выдвигался вперед, переползал от укрытия к укрытию и противотанковыми гранатами бил по врагу.

Напряженные бои продолжались до 9 сентября. Наряду с отражением мощных контратак противника войска 65-й армии по мере своих сил увеличивали плацдарм, превращали его из тактического в оперативный. Особая роль в этом, безусловно, принадлежала командующему армией генерал-полковнику П. И. Батову. Опытный, умный, энергичный военачальник, он делал все возможное, чтобы не только удержать плацдарм, но и нанести контратаковавшим фашистским войскам наибольшие потери. В результате части и соединения армии непрерывно перемалывали пехоту противника, наносили чувствительные удары по его бронетанковым силам.

К 9 сентября противник явно выдохся. К этому времени занимаемый войсками армии плацдарм расширился до 25 километров по фронту и на ряде участков достигал 16 километров по глубине. Такой плацдарм обеспечивал возможность для оперативного развертывания войск. Его прочность уже не вызывала сомнения. Уверенность в этом подтверждалась и такими важными факторами, что южнее 65-й армии войска 1-го Белорусского фронта уже форсировали Вислу, захватили пулавский и магнушевский плацдармы, а еще южнее войска 1-го Украинского фронта завоевали на Висле знаменитый сандомирский плацдарм.

Победа, одержанная в боях за плацдарм на реке Нарев, стоила значительных потерь и войскам 65-й армии. Кроме того, бойцы, командиры и политработники все явственнее чувствовали усталость. Ведь с начала Белорусской наступательной операции было пройдено с трудными боями более 600 километров. Части и подразделения были настолько ослаблены, что им, как воздух, требовались передышка и пополнение. Об этом можно судить хотя бы по состоянию нашей дивизии. Ее численный состав не превышал 2,5 тысячи «активных штыков».

И вот наконец долгожданный момент настал. Войскам 65-й армии было приказано перейти к обороне, закрепиться на завоеванных позициях. Настала передышка.

«Пора было уже закрепляться, — вспоминает в своей книге „В походах и боях“ П. И. Батов. — В штаб фронта посла на телеграмма: „Прошу разрешения перейти к обороне“. Ночью позвонил Рокоссовский.

— Ваши соображения приняты. Ставка приказала занять оборону. Вы слышали, как немецкое командование оценивает плацдармы на Нареве и Висле?

— Нет.

— Их называют пистолетами, направленными в сердце Германии. Один пистолет в твоих руках. Смотри, чтобы не

вышибли. Не теряйте времени, укрепляйте оборону»[9].

Некоторое время спустя, когда окончательно закрепились на достигнутом рубеже, а гитлеровцы прекратили контратаки, дивизия получила 1314 человек пополнения. В большинстве своем это была молодежь, еще не участвовавшая в войне, мобилизованная из недавно освобожденных районов.

Разумеется, этого было недостаточно, чтобы довести части и подразделения до штата военного времени. Но мы надеялись получить людей еще: ведь впереди новые бои. Теперь же задача заключалась в том, чтобы как можно быстрее научить молодых бойцов военному делу, передать им фронтовой опыт. Для занятий с пополнением были выделены лучшие командиры и политработники. Возглавил эту работу мой заместитель по строевой части полковник Д. Д. Воробьев.

Воспитанию молодых воинов в духе славных боевых традиций дивизии в большой мере способствовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении пяти самым отважным воинам дивизии звания Героя Советского Союза. В числе удостоенных этого высокого звания были командир 1203-го стрелкового полка подполковник М. Н. Павлов, старшина Г. Ф. Канцев, младший сержант Н. М. Григорьев, ефрейтор В. А. Алисов, рядовой И. В. Маслаков. А до этого многие бойцы, сержанты, офицеры за храбрость, отвагу и мужество, проявленные при форсировании Нарева и на плацдарме, получили ордена и медали. Почти все они были привлечены к активной работе с молодыми бойцами.

Присвоение пяти самым отважным звания Героя Советского Союза было встречено воинами как большой праздник. Это были первые в дивизии Герои, а первым, как известно, всегда особый почет, особое уважение. Старшина Канцев, младший сержант Григорьев, ефрейтор Алисов, рядовой Маслаков часто делились своим боевым опытом, приобщали новичков к трудному и опасному боевому ремеслу.

# И снова бои за плацдарм

Целый месяц на плацдарме держалась относительная тишина. Противник особой активности не проявлял. Но все хорошо понимали: фашистское командование отнюдь не смирилось с существованием плацдарма советских войск на западном берегу Нарева и всеми силами будет стараться ликвидировать его.

Самый сложный участок — середина плацдарма доставшаяся нашей дивизии. Учитывая это, полки настойчиво укрепляли свою оборону: отрывали траншеи, строили блиндажи, оборудовали отсечные и огневые позиции, закапывали в землю орудия прямой наводки. Работа по укреплению оборонительных рубежей и одновременно по разведке обороны противника не прекращалась ни днем ни ночью. Из показаний пленных гитлеровцев явствовало, что группировка врага на переднем крае остается без изменения, подход новых частей из глубины не отмечается. Но полки постоянно находились начеку. Каждую ночь выходили на свою нелегкую, опасную работу саперы Н. А. Борового и производили уплотнение минного поля на переднем крае. Не давал покоя своим подчиненным и начальник связи дивизии инженер-майор А. Я. Огуре. Как и на Курской дуге, провода связи хорошо закапывались землю. Отлично работала связь с соседями и тылами.

Как-то в конце сентября на КП 354-й дивизии приехал командарм. Выслушав доклад комдива, он стал подробно расспрашивать о поведении противника, вникал в самые мелкие, казавшиеся на первый взгляд незначительными, детали. Не ничего особенного, заслуживающего пристального внимание или настораживающего сообщить командарму не мог. Помимо артиллерийского обстрела позиций, никаких действий противник не проявлял.

Внимательно просмотрев карту, на которую начальником оперативного отделения штаба дивизии подполковником Оськиным с пунктуальной точностью было нанесено расположение всех частей и подразделений дивизии, Павел Иванович сказал:

— Пойдем-ка сходим на ваш наблюдательный пункт и на месте уточним начертание обороны врага, а заодно посмотрим и оборону правофлангового полка.

На НП обычно выходили затемно, чтобы не попасть на мушку гитлеровским снайперам, действовавшим в ту пору особенно активно, а в этот раз уже стоял ясный день. Попытался отговорить

Павла Ивановича. Нельзя, мол, рисковать, опасность большая, но он отделался шуткой:

— Это тебе опасно. Ты высокий, из траншеи виден, да и в лицо тебя хорошо запомнил противник, когда ты его к Нареву гнал. А меня только по фамилии знают. Да и траншеи да мой рост хватит с лихвой.

Позвав своего шофера, генерал Батов велел ему принести специально привезенную с собой солдатскую форму. Тут же переоделся и стал похож на обыкновенного рядового бойца.

В полк шли по траншее, где ползком, где перебежками, полусогнувшись. Командарм часто останавливался, беседовал с бойцами, расспрашивал, как организован их быт, получают ли регулярно горячую пищу, когда в последний раз мылись. Бойцы охотно отвечали на его вопросы, и никто из них и не догадывался, что говорит с командармом.

Наконец добрались до оборудованного на опушке леса западнее деревни Пискарня Дужа наблюдательного пункта. Командарм долго и пристально изучал передний край противника, а потом сказал:

— Самый опасный участок у вас. Его надо особо укрепить. Как с минами? Достаточно ли хорошо заминирован передний край?

— Достаточно, товарищ командарм. Плотность — две мины на квадратный метр.

— Хорошо, — похвалил командарм и, продолжая свои мысленные раздумья, произнес вслух: —Да, заманчивое направление для наступления противника, очень заманчивое. Возьмете армейскую штурмовую роту и произведете за счет нее уплотнение боевых порядков полков первого эшелона. Помимо этого, получите в резерв корпусной танко-самоходный полк Соколова. Расположите его в районе Тшепово, Погожелец.

В первые дни октября противник усилил боевую активность. Оборонительные позиции дивизии стали подвергаться массированным артналетам. Начав с 800 снарядов в день, гитлеровцы довели число артиллерийских выстрелов до 1200. Огонь велся бесприцельный, по площадям, тем не менее подразделения несли потери в людях и боевой технике. Во время одного из таких налетов был тяжело ранен осколком снаряда дивизионный инженер подполковник Ф. И. Зборовский и некоторые другие командиры. На должность дивинженера прибыл подполковник П. Д. Ефремов. Специалист тоже неплохой, но ему, новому в дивизии человеку, требовалось время, чтобы как-то акклиматизироваться, освоиться, привыкнуть к людям. А

времени оказалось в обрез.

Ночью 2 октября из всех трех полков последовали сообщения: из района Блендостово и по дороге на Мешки слышен шум танковых моторов. Немедленно доложил об этом комкору Алексееву.

— Не пори горячку, — выслушав доклад, сказал Дмитрий Федорович. — Прикажи командирам полков, чтобы глядели в оба.

Сказал спокойно, даже слишком спокойно. Впрочем, ничего необычного в этом не было. Мы знали о манере комкора отвечать именно так или примерно так, когда ему докладывали о чем-либо не очень доказательно. Он всегда требовал: прежде чем докладывать, убедись сам, что за тем или иным событием скрывается что-то важное, имеющее отношение корпусу в целом, а не местное.

На всякий случай я привел все же полки в боевую готовность. В ту ночь, однако, ничего существенного не произошло. И все же комдива тревожили сообщения о шуме танковых моторов. Необходимо было оценить обстановку самому, на местности.

Ранним утром я отправился в 1203-й полк. Он был самым малочисленным в дивизии и занимал оборону как раз напротив Блендостово, причем на довольно широком участке Дело заключалось в том, что к началу октября некоторые соединения и части армии были выведены по приказу командарма на левый берег Нарева для отдыха и пополнения. Некоторые участки обороны пришлось поэтому растянуть.

Вместе с Павловым вышли на передний край. День был по-осеннему хмурым и на удивление тихим: ни одного выстрела со стороны противника. А ведь еще вчера и позавчера он методически обрушивал на передний край и в глубь плацдарма сотни снарядов. Почему же тишина?

Поднес к глазам бинокль и вдруг увидел группу вражеских офицеров. Маскируясь за кустами, они неторопливо двигались вдоль переднего края. Потом остановились. В руках одного из них белела развернутая карта. Ясно: проводят рекогносцировку.

Последовал мой приказ: «Артиллеристам накрыть фашистских офицеров». Из глубины плацдарма прогремели один за другим несколько выстрелов, и на месте, где стояли гитлеровские рекогносцировщики, задымились воронки.

Минуту спустя радист протянул микрофон:

— Товарищ комдив, вас вызывают.

— Что у тебя стряслось, сосед? Почему стрельба? — раздался раскатистый бас генерала Фроленкова.

Объяснил, в чем дело.

— Наглецы! — рокотал в микрофоне бас. — На моем участке

тоже появлялись рекогносцировщики. Но я им дал прикурить. Наверное, слышал?

— Слышал.

— И еще новость: Батов мою командировку отменил. Так что я по-прежнему рядом.

И этот день прошел относительно спокойно.

Вечером позвонили из штаба армии и сообщили, что на НП дивизии рано утром приедет командарм. Это меня удивило: днем на НП? Добраться до него в светлое время было очень трудно. К тому же Павел Иванович там уже недавно был. Что же стряслось, чем вызвана такая необходимость поездки командарма?

В дивизии было подготовлено несколько запасных наблюдательных пунктов, дорога к которым менее опасна. На свой страх и риск решить проводить командарма на один из них — в район Буды Цепелинске. Приказав подполковнику Оськину встретить командарма у моста через Нарев, затемно вышел на НП.

Уже рассвело. Стрелки часов подходили к шести, когда увидел командарма. В сопровождении Оськина он шел по траншее к НП. Пошел ему навстречу. Нас разделяло каких-нибудь сто метров, когда раздался оглушительный грохот множества орудий. Противник начал артподготовку по всему фронту плацдарма.

Войдя на НП, Павел Иванович приказал связать его со штабом армии, а сам склонился к стереотрубе. Настроившись на армейскую волну, радист передал командарму микрофон. Генерал потребовал к аппарату командующего артиллерией.

Раскрыв свою карту и называя номера квадратов, Батов приказал открыть артиллерийский огонь по пехоте и танкам противника. Затем цели были переданы командующему 16-й воздушной армией.

Грохот выстрелов, взрывов сразу удвоился, утроился, удесятерился… Смертоносные снаряды, словно соревнуясь в своем стремительном гудящем и свистящем полете, сотрясали землю. Помимо корпусной и дивизионной артиллерии, стрелявшей непосредственно с плацдарма, по танкам и пехоте врага из-за Нарева вели огонь артиллерийские полки, дивизионы. В воздухе появились большие группы краснозвездных самолетов. Низко, чуть не задевая верхушки деревьев, проносились звенья советских штурмовиков.

В стереотрубу хорошо было видно, что главный удар противник наносит в стык дивизий. «Опять мне „повезло“! — подумал с досадой. — Из огня да в полымя. Но что поделать? Будем и на сей раз стоять».

Отдал приказ:

— Корпусной танко-самоходный полк Соколова вперед!

Самоходчики действовали смело и напористо, однако снаряды их 76-миллиметровых пушек не всегда пробивали броню «тигров» и «фердинандов». Героическими усилиями самоходчики совместно с 274-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом и подвижным отрядом заграждения сумели потеснить прорвавшегося противника в направлении Пискарня Дужа и подожгли при этом до десятка «тигров».

Противник ввел новые резервы. Самоходчики и истребители танков с боями отошли в район Погожелец, Дзерженин.

Пришлось сменить НП и мне. Связавшись с командиров корпуса, доложил ему, что танки и пехота противника напористо рвутся к мосту через Нарев, и просил поддержать артиллерией и авиацией, особенно в районах Буды Побрынковске и западнее Погожелец.

Едва закончился разговор с комкором, как меня вызвал по рации с армейского КП генерал Батов. Он к тому времени вернулся туда из нашей дивизии.

— Держись, Николаич! На твой участок командующий фронтом нацелил основные силы 16-й воздушной, а я — огонь всей артиллерии.

Поблагодарив командарма за помощь, пообещал не допустить противника к реке, но отбить натиск вражеских танков, остановить пехоту противника оказалось не так-то легко. До Нарева было рукой подать. Противник уже видел мост захваченным.

В некоторых мемуарных произведениях временная неудача советских войск на наревском плацдарме мотивируется тем, что не было проявлено достаточно бдительности, а потому-де противнику удалось еще до начала наступления скрытно разминировать и обезвредить минные поля перед передним краем, открыв тем самым дорогу танкам.

По всей вероятности, дело обстояло не так. После поражения на Курской дуге противник изменил свою тактику и, видимо, обезвредил минные заграждения во время своей артиллерийской подготовки, которая, кстати, длилась целый час. Немецко-фашистское командование сосредоточило свои войска, в частности танки и самоходную артиллерию, для нанесения удара в 10–15 километрах от переднего края, откуда с началом артподготовки гитлеровские танковые части двинулись вперед. Советская оперативная разведка не только своевременно не разгадала замысла врага, но и вообще мало что знала о сосредоточении его войск в районе наревского плацдарма. А

между тем противник сумел скрытно подтянуть в этот район 3-ю и 25-ю танковые дивизии, значительно пополнить тяжелыми танками «тигр» и «пантера» 5-ю танковую дивизию СС «Викинг», перебросить с других участков фронта и из глубокого тыла несколько свежих пехотных частей и подразделений.

И еще одно важное обстоятельство. Крупные силы врага (до 400 танков и самоходных орудий во взаимодействии с пехотой) наносили свой удар на относительно узком участке фронта. В боевые порядки советских дивизий враг ворвался с ходу, быстро, ошеломляюще, получив таким образом определенное тактическое преимущество.

С первых же минут стало ясно, что одной из его первоочередных целей было захватить наведенный саперами мост через Нарев, локализовать паромные переправы, отрезать защитникам плацдарма пути отхода за реку, а также не допустить подхода резервов с восточного берега.

В районе моста оборону занимал 1199-й стрелковый полк. Метрах в трехстах от расположения полка находился командный пункт дивизии. Примерно на таком же удалении на берегу реки стояли штаб дивизии и политотдел.

Прорвав оборону на стыке дивизий, противник овладел важными в тактическом отношении пунктами Тшепово, Буды Обребске, Буды Цепелинске. Крупные группы вражеских танков с десантами автоматчиков, развивая успех, обрушились на 1199-й стрелковый и 921-й артиллерийский полки, а также на 274-й отдельный противотанковый дивизион. Они прежде всего стремились отрезать им путь отхода к реке. Начался ожесточеннейший бой между вражескими танками и советскими артиллеристами.

Вот как вспоминает об этом бое его непосредственный участник, бывший заместитель командира гаубичной батареи 921-го артполка старшина Михаил Петрович Зубрилин:

«Огневые позиции двух пушечных батарей нашего дивизиона были выдвинуты ближе к позициям стрелковых подразделений, а наша 122-миллиметровая гаубичная батарея располагалась западнее деревни Тшепово. 4 октября после мощной артподготовки, сравнить которую можно разве лишь с той, что пришлось испытать во время Курской битвы, гитлеровские танки и пехота, прорвав оборону, ворвались в наше расположение. Наша батарея встретила танки врага огнем прямой наводкой. Несколько танков мы сумели подбить. Остальные (а их было штук двадцать пять — тридцать) прекратили движение. Фашистские автоматчики залегли, ракетами обозначили место своего нахождения и расположение нашей батареи. Крупнокалиберная

немецкая артиллерия обрушила на нас бурю огня. Снаряды рвались рядом с гаубицами, осколки смертельно ранили бойцов и командиров орудий. Но орудийные расчеты дрались до конца, стояли насмерть.

Погиб командир батареи. Его заменил офицер штаба полка старший лейтенант Гусаров. Когда танки вплотную подошли к огневой позиции, старший лейтенант Гусаров вызвал огонь второго дивизиона на себя. Вражеские танки не выдержали артогня, отошли, попятились назад. Много фашистских машин было подбито.

Фашисты изменили направление, стали обходить нашу батарею с севера и северо-востока. Бой продолжался. Умело и решительно действовал командир огневого взвода младший лейтенант Вячеслав Пазаев, сын недавно погибшего секретаря партийной комиссии дивизии подполковника Пазаева. Вячеслав был тяжело контужен, потерял слух, но продолжал командовать. Многие орудийные расчеты почти полностью погибли, оставшиеся продолжали вести огонь. Так действовали командиры расчетов Стариков и Косицын, наводчик Иван Ильин.

Когда все наши гаубицы были разбиты (в живых оставалось всего человек пять-шесть из всей батареи, в том числе уцелел и я), мы влились в стрелковое подразделение и продолжали драться с гитлеровцами с автоматами в руках».

Батарея старшего лейтенанта И. Чернышева всего за один час боя подбила 5 вражеских танков и истребила артогнем до 80 вражеских солдат и офицеров. Возле населенного пункта Дзерженина та же батарея, в которой к тому времени оставалось лишь два орудия, вступила в неравный поединок с двенадцатью гитлеровскими танками, два из них вывела из строя, остальные принудила повернуть назад.

Красноармеец Ф. Кулинч, заряжающий 76-миллиметровой пушки, заменил в бою раненого наводчика и в поединке с двенадцатью фашистскими танками три подбил прямой наводкой. Кроме того, уничтожил несколько десятков гитлеровцев. Прямым попаданием вражеского снаряда пушка была разбита, Кулинч тяжело контужен, но и контуженый он продолжал воевать, не ушел с поля боя.

В районе деревни Пискарня Мала отличился наводчик орудия первой батареи А. В. Сергеев. Орудийный расчет погиб, Сергеев остался один за всех у орудия, а к огневой позиции батареи приближались фашистские танки с автоматчиками на броне. Не медля ни секунды, надо было стрелять. Первыми же выстрелами Сергеев вывел из строя два танка Когда на какое-то мгновение оставил огневую позицию, чтобы поднести очередной снаряд,

совсем рядом раздался взрыв. Орудие оказалось сильно поврежденным. Чудом оставшийся живых Сергеев схватил автомат и стал отстреливаться от наседавшей вражеской пехоты.

Трудно сказать, сколько в тот хмурый осенний день 4 октября было подожжено и подбито вражеских танков. Но борьба была неравной, и потому батарейцы тоже несли огромные потери в людях и технике. С каждым часом все меньше оставалось орудий. К исходу дня в артполку имелось всего лишь четыре исправных орудия и столько же в отдельном противотанковом артдивизионе.

Потери были поистине тяжелыми. Серьезное ранение получил начальник штаба артполка майор М. Т. Костышин. Пали смертью героев на огневых позициях начальник штаба первого дивизиона капитан В. Г. Писарев, начальник связи этого же дивизиона старший лейтенант И. С. Паршиков, выбыли из строя многие командиры огневых взводов, целые орудийные расчеты.

Фашистские танкисты, по всей вероятности, преднамеренно стремились в первую очередь вывести из строя артиллерию на плацдарме и добивались этого, невзирая на крупные потери в танках. На первый взгляд, тактика вроде бы несколько странная, но она предполагала определенную логику развития событий. Вслед за нанесением мощного удара по артиллерии гитлеровцы рассчитывали относительно легко разгромить стрелковые части и сбросить их в реку.

В какой-то мере вражеский план начал было осуществляться. Оставшись без непосредственной артиллерийской поддержки, некоторые стрелковые подразделения 1199-го и других полков, особенно те, в составе которых воевали необстрелянные новички из пополнения, стали беспорядочно отходить к мосту.

По моему приказанию у моста был выставлен небольшой сводный отряд под командованием старшего лейтенанта М. С. Саркисяна. Задача его состояла в том, чтобы останавливать всех, кто пытался отойти на восточный берег реки. Старший лейтенант М. С. Саркисян вскоре был ранен. Его заменил парторг роты 1203-го стрелкового полка Газиз Калелов. Ему удалось быстро сколотить из отходивших бойцов подразделение, которое в составе 1199-го полка заняло оборону на подступах к мосту. И, надо сказать, действовало оно довольно успешно. Молодой коммунист, партийный организатор, Газиз Калелов показал себя в боях по защите моста не только прекрасным организатором и политическим вожаком личного состава, но и бесстрашным воином. В ночь на 6 октября он вместе со своим наспех сколоченным подразделением вернулся в 1203-й полк, в составе которого продолжал мужественно защищать плацдарм. Вскоре его назначили парторгом батальона.

Во второй половине дня 4 октября стрелковые полки 354-й и 193-й дивизий, несмотря на героическое сопротивление, были оттеснены превосходящими силами противника на близкие подступы к Нареву. Бой шел в каких-нибудь 800 метрах от реки. Противник непрерывно атаковал, переносил свои удары с одного участка на другой.

Временами противнику удавалось зажимать в кольцо отдельные подразделения, но и в таких случаях окружение не достигало цели. Второй стрелковый батальон под командованием капитана С. Г. Леферeнко в течение дня дважды оказывался окруженным, но оба раза прорывался из кольца, нанося гитлеровской пехоте значительный урон.

*Командир 1203-го стрелкового полка 354-й стрелковой дивизии Герой Советского Союза полковник М. Н. Павлов.*

Всюду, куда бы ни рвался враг, он встречал достойны отпор. Нередко даже небольшие группы воинов принуждал вражескую пехоту либо прекращать атаку, либо поспешно ходить на исходные позиции.

Старший сержант А. Галкин с группой из трех бойцов вступил в неравный бой с 30 гитлеровцами. И группа Галкина победила. Из 30 гитлеровцев спаслись от огня не больше половины. Семерых захватчиков истребил лично старший сержант А. Галкин.

Другой пример. Красноармеец Хайбулла Гарифулин — подносчик мин, заменил в бою выбывшего из строя наводчика миномета и, открыв в нужный момент огонь, обратил в бегство взвод вражеской пехоты.

Красноармеец Хайдар Джамаев, участвуя в отражении атаки танков и пехоты противника, из противотанкового ружья поджег танк, а из личного оружия уничтожил восемь гитлеровцев.

Смело действовали наши снайперы. Ефрейтор Барей Исрафилов в течение первого боевого дня меткими выстрелами из снайперской винтовки уничтожил трех вражеских пехотинцев и двух автоматчиков на броне атаковавшего позиции роты танка. По нескольку гитлеровских захватчиков уничтожили снайперы Т. Денисов, С. Лозовой и другие.

Абсолютное большинство подразделений дивизии держалось до последней возможности. И все же на ряде участков обстановка с минуты на минуту усложнялась. Проводная связь КП дивизии с полками давно прервалась. Не всегда удавалось связаться и по радио. Гибли один за другим радисты. Заменять их приходилось порой людьми малоопытными.

*Начальник оперативного отделения 354-й стрелковой дивизии подполковник В. П. Оськин.*

В три часа пополудни, в самую тяжелую пору боя, полковник Д. Д. Воробьев, находившийся с оперативной группой в одном из кирпичных домов на окраине местечка Дзерженин, сообщил мне по радио об отходе к реке некоторых подразделений 1201-го и 1199-го полков.

Надо было принимать срочные меры, чтобы прекратить отход. С трудом удалось связаться по радио с начальником штаба 1199-го полка подполковником В. И. Пятенко. Он доложил, что отход прекращен. Полк по его приказанию контратакой оттеснил гитлеровцев на исходную позицию и ведет бой.

— А где Мухамедшин?

Подполковник Пятенко ответил, что примерно час назад командир полка убыл с НП, и, где он находится, пока неизвестно. Обещал выяснить, доложить.

Минуты две спустя радист снова передал мне микрофон.

Командир полка Павлов докладывал, как всегда спокойно,

немногословно:

— Пытавшиеся отойти к реке подразделения соседнего полка задержал и принял под свое командование. Положение восстановлено. Командира полка Песковатского не видел. На вызовы по радио его НП не отвечает.

Пропали командиры двух полков. Где они? Может, гитлеровцы захватили их в плен? Может, погибли? Никто ничего не знал.

Примерно через полчаса подполковник Пятенко сообщил:

— Посланный на полковой НП лейтенант Вавилин вместе с остатками комендантского взвода только что вернулся на КП и принес полковое Знамя. Наблюдательный пункт разбит. Командира полка Мухамедшина там не оказалось. Вавилину приказано пробраться к реке и вынести боевое Знамя за Нарев. Командование полком принял на себя…

Когда лейтенант Виктор Вавилин получил приказание замполита майора Пожидаева вынести полковое Знамя в безопасное место, за реку, фашистские танки и пехота уже успели обойти позиции полка с фланга и вышли в тыл. Стрельба велась повсюду, и лейтенанту трудно было определить наиболее безопасный путь к реке. Направились к Нареву втроем по прямой. От полкового КП до реки было километра полтора. Казалось, чем прямее путь, тем короче. Впереди с зачехленным Знаменем шел знаменосец Загарин, за ним ефрейтор Марков, позади — лейтенант Вавилин. Вдруг — оглушительный взрыв. Сраженный осколком снаряда, замертво упал Загарин. Одновременно упал и тяжело контуженный Марков. Противник совсем рядом: неподалеку, за кустарником, ревели его танки.

Лейтенант Вавилин выхватил из рук мертвого Загарина Знамя, помог оглохшему ефрейтору Маркову перебраться в густой кустарник, завернул святыню полка в плащ-накидку и бросился вперед. Но всюду гитлеровцы. Пришлось до наступления темноты затаиться в кустарнике. С заходом солнца Вавилин пополз вперед. Наткнувшись по пути на убитого немецкого солдата, он надел на себя его мундир, каску и на глазах у вражеских солдат перебежал через поляну к реке. На одетого в немецкую форму что-то выкрикивающего по-немецки советского лейтенанта никто не обратил внимания.

Сбросив у реки мундир, лейтенант кинулся в холодную воду, поплыл. Знамя полка было спасено.

Обстановка на плацдарме тем временем несколько улучшилась. К вечеру по только что построенному саперами второму мосту на плацдарм стали переправляться советские тяжелые танки, а также гвардейские минометы. Их было пока еще

мало. Тем не менее, с ходу вступив в бой, они несколько охладили горячие головы фашистов.

Бой за плацдарм между тем продолжался. Полки дивизии дрались на маленьком плацдарме. Им помогала огнем артиллерия с восточного берега.

Близко к восьми вечера из штаба дивизии, расположенного у берега Нарева, позвонил подполковник Оськин.

— Немцы прут к нам по реке. Прошу оказать помощь.

Сообщение это было настолько страшным, что даже не хотелось в него поверить.

— Ты что-то путаешь, Вячеслав Петрович.

— К сожалению, нет. Немцы прут по долине и готовятся атаковать штаб дивизии.

Из скудных своих сил выделил взвод автоматчиков и направил его на помощь штабу. К счастью, вскоре выяснилось, что Оськин, всегда такой пунктуальный, на этот раз ошибся. Гитлеровцы подошли лишь к расположению соседней 108-й стрелковой дивизии. Пока выяснялась обстановка, КП дивизии перекочевал в большой клуб-блиндаж. В нем совсем недавно торжественно праздновали трехлетнюю годовщину дивизии, вручали награды за победу в Белоруссии. Часть этого блиндажа была покрыта крепким накатником. Здесь казалось безопаснее и удобнее управлять боем. Не так будут мешать разрывы бомб и снарядов.

Бой продолжался. Гитлеровцы рвались к мосту, стремясь если не захватить его, то хотя бы взорвать и отрезать дивизию от восточного берега.

К девяти вечера связист подозвал меня к телефону.

— С вами будет говорить товарищ Журавлев (псевдоним Г. К. Жукова. — *Примечание авт.*), — раздался голос генерала Батова.

Мне было уже известно, что Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский находятся на армейском КП, но когда услышал голос представителя Ставки, с новой силой почувствовал, какая сейчас лежит ответственность на дивизии.

— Как настроение? — спросил Жуков. — Надеюсь, вы не намерены оставлять плацдарм? Мы знаем, как вам сейчас туго, и принимаем все меры, чтобы помочь. Положение сами знаем и чувствуем, поэтому доклада вашего не спрашиваем. При взятии наревского плацдарма ваша дивизия отличилась, и мы не сомневаемся, что она отличится и при его удержании. Сейчас на подходе артиллерийская дивизия прорыва. Она с восточного берега поддержит вас. Павел Иванович получил распоряжение, и к вам на плацдарм сегодня ночью прибудет тяжелый танко-самоходный полк, артиллерийская противотанковая бригада, а

«хозяйство» Борисова (44-я гвардейская стрелковая дивизия. — *Прим. авт.*), как вы знаете, уже начинает переправляться обратно на плацдарм. Так что потерпите немного. От выдержки вашей дивизии сейчас зависит наш общий успех на плацдарме.

— Танки врага к реке не пройдут, товарищ маршал!

Советское командование и лично Верховный Главнокомандующий придавали огромное оперативное значение наревскому плацдарму. Яркой иллюстрацией этого может служить факт рассказанный мне несколько позже П. И. Батовым.

В разгар сражения командарма вызвал к аппарату И. В. Сталин.

— Противник ввел в бой до трехсот танков и больше количество пехоты и захватил незначительную часть плацдарма, — ответил командарм на вопрос Верховного о боевой обстановке. — Войска армии ведут упорные бои. Плацдарм будет удержан!

Задав Батову еще несколько вопросов, Сталин потребовал к аппарату Жукова. Георгий Константинович подтвердил доклад командарма.

— Только в одном ошибается товарищ Батов, — сказал он в заключение, — на плацдарме действует одновременно не триста, а четыреста танков противника.

— Думаю, что напоминать об оперативном значении плацдарма необходимости нет, — сказал представителю Ставки Сталин. — Плацдарм должен быть удержан.

Сообщение маршала Жукова о подходе артиллерийского соединения в тот неимоверно трудный день было для офицеров дивизии самой радостной вестью.

А гитлеровцы между тем все нажимали.

Странные порой случались на войне вещи. Зайдя в блиндаж, присел на секунду к столу и от сильного нервного перенапряжения сразу словно провалился в сон.

Но он длился минуту. Очнулся. Мне показалось, что проспал несколько часов.

— Воды и полотенце! — крикнул ординарцу.

На КП заглянул начальник политотдела полковник Буцол, усталый до изнеможения, с темно-серым от пыли и порохового дыма лицом. Весь день он находился в частях, на самых ответственных участках.

— Зашел узнать, что с Мухамедшиным и Песковатским. Где они?

— У обоих не хватило выдержки. Растерялись. Им показалось, что штаб дивизии уже перешел на восточный берег, и вместо того чтобы убедиться в этом, решили последовать «примеру» комдива.

А комдив и не думал уходить с плацдарма. Сейчас они уже находятся на плацдарме.

Вскоре после того как с КП дивизии ушел полковник Буцол, меня вызвал к рации командир корпуса генерал Алексеев. Сказал всего несколько слов:

— Принимай «коробочки» в твое полное подчинение. «Коробочками» на фронте нередко называли танки. Для противника это вряд ли было секретом, но танки так именовали все — от солдат до генералов.

Всю ночь на плацдарм — клочок прибрежной земли — переправлялись по удержанному дивизией мосту танки, артиллерия, стрелковые подразделения, гвардейцы 44-й дивизии, минеры. Мне было приказано организовать крепкую оборону, чтобы все переправившиеся части с рассветом без промедления могли приступить к выполнению боевой задачи — отбросить противника и расширить плацдарм.

Хотя усталость буквально валила с ног, об отдыхе не могло быть и речи. Каждому прибывшему командиру надо было поставить задачу, обеспечить участок, расположить на крохотном плацдарме людей, технику, боеприпасы…

В полночь в блиндаж вошел невысокий плотный полковник.

— Командир тяжелого танко-самоходного полка полковник Вайнерман, — доложил он.

— Вайнерман? — переспросил я, отрываясь от карты и стараясь в тусклом свете самодельной лампы, сделанной из гильзы снаряда, разглядеть лицо вошедшего.

— Так точно, товарищ Джанджгава!

И тут я узнал своего однополчанина из Закавказской пехотной школы. Еще во время учебы было ясно, что из него выйдет отличный командир. Конечно, я очень обрадовался, что в такой сложный момент рядом будет этот волевой, грамотный в военном отношении человек.

Обстановка не позволяла старым друзьям поговорить по душам. Вместо этого на Вайнермана была возложена трудная боевая задача, требовавшая личного мужества и самопожертвования. Тяжелый танко-самоходный полк был направлен в расположение 1203-го стрелкового полка, совместно с которым должен был прикрыть излучину Нарева в районе Погожелец, куда настойчиво рвался противник.

Но еще труднее пришлось противотанковой артиллерийской бригаде, направленной юго-восточнее Дзерженина, где противник неоднократно пытался выйти к реке, обойдя КП дивизии с юга.

Неоценимую помощь оказала дивизии приданная ей саперная бригада. Ей было поручено заминировать дорогу в районе

Корневека — Дзерженин.

Не теряли зря ночного времени и гитлеровцы. Они подтянули к нашему плацдарму свежие силы — танковые, пехотные и артиллерийские части.

С рассветом началась мощная артиллерийская дуэль. В этом яростном состязании огня и стали у противника имелось еще определенное преимущество. Вражеские артиллеристы вели огонь в основном лишь по просматриваемому плацдарму. Советским же артиллеристам пришлось бить по обширным площадям.

Как и накануне, противник атаковал первым. В бой снова пошли скопища танков и пехоты. Атака, однако, быстро захлебнулась. Такая же участь постигла вторую, третью, четвертую… Горели вражеские танки, самоходки, бронемашины Артиллерийская противотанковая бригада уничтожала напирающие танки, а подошедшая в течение ночи артиллерийская дивизия прорыва, о которой накануне говорил маршал Г. К. Жуков, расстреливала пехоту противника, которая была хорошо видна с восточного берега.

Особенно жаркий бой разгорелся за высоту у населенного пункта Дзерженин. Командарм и комкор внимательно следили со своих НП за ходом сражения. Плацдарм просматривался с восточного берега насквозь. Это облегчало управление боем. Командирам дивизий не приходилось особенно часто докладывать об обстановке или просить помощи. Более того, с НП командарма маршал Г. К Жуков и генерал П. И. Батов имели значительно более широкий обзор поля боя. Те или иные решения принимались быстро. Это чувствовалось на делах нашей дивизии.

В боях по отражению контрудара противника на наревском плацдарме наша дивизия отлично взаимодействовала с 44-й гвардейской дивизией генерала Борисова. В этой дивизии было много людей и боевой техники, только что полученной во втором эшелоне. А вот 108-й стрелковой дивизии генерала Теремова, которая вела кровопролитные бои в Муравьевке и четырехугольной роще севернее Клюсека, приходилось значительно труднее. Противник все время стремился выйти через боевые порядки дивизии к Нареву, но никакого успеха не достиг.

В течение всего дня 5 октября обе стороны на наревском плацдарме стремились развить успех, но ни одна из них добиться этого не смогла. Лишь наша дивизия добилась небольшого успеха — овладела высотой, с которой открывался прекрасный обзор поля боя. До наступления темноты я перенес туда свой наблюдательный пункт.

На новый НП позвонил комкор.

— Занял сто десятую? — спросил генерал Алексеев. — Ну молодцы, держитесь! Противник не смирится с потерей высоты.

Бои на плацдарме продолжались до 10 октября, но день 5 октября был самым тяжелым. Гитлеровцы так тщательно готовились к нанесению контрудара на наревском плацдарме, так были уверены в своем успехе, что в первый же день вечером, когда им удалось лишь немного продвинуться вперед, по радио на весь мир объявили: «Наревский плацдарм ликвидирован. Сражавшимся войскам фюрера объявлена благодарность».

А плацдарм на самом деле в это время сражался, жил. Боевой и моральный дух советских воинов оказался сильнее. Выше было и военное искусство командиров всех родов войск, которыми непосредственно руководили Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский и командарм генерал П. И. Батов.

Как-то в разговоре, уже после окончания боев на плацдарме, маршал К. К. Рокоссовский сказал:

— А вы здорово тогда выстояли, товарищ Джанджгава, и знаете, что я должен вам сказать: если бы такой удар, как на Нареве, противник нанес нам в сорок первом и даже в сорок втором годах, мы не только бы не удержали плацдарм, но и уступили бы врагу значительное пространство. Огромной силы удар выдержали мы тогда на Нареве.

Да, удар врага на наревском плацдарме был сильным, но и здесь, на Нареве, как и летом сорок третьего под Курском, советские войска продемонстрировали величайшую боеспособность, мастерство и героизм.

Шесть дней жесточайших боев с восхода до заката тусклого октябрьского солнца! Атаки, контратаки, гул сотен моторов, скрежет гусениц, черный, удушающий дым горящего масла, бешеное неистовство взрывов артиллерийских снарядов, мин и авиационных бомб. Такими были эти памятные дни на западном прибрежье польской реки Нарев. На участке дивизии каждый день взрывалось до двадцати тысяч вражеских снарядов, мин и авиабомб.

Противник метался. Видя, что удар в центре не получился, он был вынужден отказаться от прямого прорыва и на седьмой день сконцентрировал свои усилия на севере, против правого фланга 65-й армии, где оборонялись 69-я, 37-я и 15-я Сивашская стрелковые дивизии.

Группа противника состояла из трех танковых дивизий и танковой бригады, двух пехотных дивизий и восьми полков мотопехоты, и имела свыше 50 артиллерийских батарей, более 30 — минометных, много реактивных установок М-40, шести- и десятиствольных минометов.

Постепенно вся эта армада теряла, утрачивала свою прыть, а 10 октября как-то сразу сникла. Дело, конечно, не только и не столько в слабости нервов у фашистских разбойников и их заправил. Стойкость и мужество советских воинов — защитников плацдарма — оказались неодолимой преградой для фашистских завоевателей. Они рассчитывали разделаться с наревским плацдармом в один день. Воевать пришлось шесть дней и безрезультатно. «Результат», правда, был — это огромные, трудновосполнимые потери.

Только на участке нашей 354-й дивизии за месяц с лишним боев с начала форсирования Нарева до 10 октября противник потерял более 3,5 тысячи своих солдат и офицеров, свыше 50 танков и самоходок, 65 артиллерийских орудий, много автомашин, тягачей и другой техники. А общие потери гитлеровцев за Наревом в полосе боевых действий войск 65-ой армии составили без малого 20 тысяч солдат и офицеров, около 400 танков, самоходных орудий, бронемашин. При таких потерях продолжать атаки было просто бессмысленно.

Естественно, понесли немалые потери и войска 65-й армии. Но наши войска, оборонявшие плацдарм, сохранила главное — высокий боевой дух. После непродолжительного отдыха 19 октября они перешли в решительное наступление и в течение нескольких дней не только восстановили наревский плацдарм в его прежних границах, но и почти вдвое расширили, главным образом в юго-западном направлении.

К концу месяца полки 354-й дивизии вновь заняли оборону примерно на том же самом участке против деревни Мешки, на котором 4 октября были внезапно атакованы превосходящими силами врага.

Настало время для более длительной передышки, для пополнения дивизии, для подготовки к новым боям. И конечно же, в дни затишья вновь и вновь вспоминались живые и мертвые герои.

# Комсомольцы

Передо мной обагренная кровью, потемневшая от времени довоенная ученическая тетрадка в клеточку. На ее обложке выцветшая надпись: «Подвиги комсомольцев 1203-го стрелкового полка. Комсорг батальона Васякин. 1944–1945 гг.» На первой странице рисунок, несколько наивный, неумелый, но достаточно убедительный и вдохновляющий: молодой воин с красной звездой на каске, крепко сжимая в руке древко полкового Знамени, идет в атаку.

Тетрадь эта когда-то принадлежала комсоргу третьего стрелкового батальона лейтенанту Сергею Васякину.

Я хорошо знал Сергея и как сейчас вижу его живым. Было ему в ту пору лет девятнадцать-двадцать. Скромный, тихий парень. Дни и ночи он в жарком бою всегда среди своих сверстников на переднем крае. В «тылу», то есть в штабе батальона, располагавшемся обычно за 400–500 метров от боевых позиций, появлялся только в случаях особой необходимости. В бою — всегда первый. Как-то под Калинковичами Сергей вступил в единоборство с вражеским танком, подбил его из сорокапятки и тем самым спас от разгрома стрелковый взвод. Васякин прекрасно владел несколькими военными специальностями. Не раз на поле боя заменял пулеметчиков, наводчиков и командиров расчетов пушек, метко стрелял из противотанкового ружья. Ну и конечно же, был неутомимым организатором, вожаком молодых воинов. Бойцы, сержанты обращались к нему за советами по самым сокровенным вопросам, любили его как верного друга и политического наставника.

На наревском плацдарме нам несколько раз доводилось видеть, как смело и самоотверженно дрался с врагами комсорг, как личным примером мужества и бесстрашия вдохновлял на подвиги своих молодых друзей.

Лейтенант Сергей Васякин пал смертью героя в бою под Данцигом (Гданьском). Его тетрадь с краткими записями о подвигах однополчан сохранилась как бесценная реликвия войны.

И еще одна тетрадь, пробитая осколком, сшитая из листков бумаги шпагатом, — своеобразное приложение к записям Сергея Васякина. Это дневник его боевого друга, комсорга первого стрелкового батальона того же полка Владимира Сквознякова, отважного воина и политического бойца, погибшего геройской смертью 6 октября в бою на наревском плацдарме.

Вести дневниковые записи на фронте было запрещено из-за опасения, что они могут попасть в руки врага, раскрыть военную

тайну. Тем не менее некоторые фронтовики, особенно политработники, не надеясь на память, вели такие записи. Записывали самое главное, самое важное о боевых подвигах своих однополчан. Никакого секрета в подобных записях, естественно, не было. Фамилия воина и краткое описание совершенного им подвига. Только и всего.

Вот несколько записей из тетрадей комсоргов батальонов.

«На наши позиции шла пехота с танками. Один танк, стреляя на ходу, двигался на комсомольца Якуба Нарчаева. Нарчаев залег. Танк прошел в полуметре. Комсомольца завалило землей. Но он сумел подняться, взял автомат и уничтожил трех гитлеровцев. Прямым попаданием снаряда в окоп герой был убит».

«Фашисты шли в атаку. Смело встретил врага комсомолец сержант Авлакул Бутаев. Боец из его отделения Жуков подорвал противотанковой гранатой гусеницу танка. Некоторые танки прошли через траншею. Отделение Бутаева уничтожало пехоту. Сам он убил шесть вражеских солдат. Атака противника захлебнулась. Танки были подбиты артиллеристами. Герой Бутаев погиб. Посмертно представлен к награде».

«Комсомолец старший сержант Николай Плешков — командир минометного расчета, отличился в боях по удержанию наревского плацдарма. 5 октября гитлеровцы подходили к позициям минометной роты. Плешков сам встал за наводчика. Его точный огонь заставил фашистов залечь. В бою он уничтожил 25 гитлеровцев и подавил пулеметную точку врага. На другой день Плешков находился на наблюдательном пункте. Когда фашисты снова предприняли контратаку, он отлично скорректировал огонь минометной роты».

«Во время вражеской контратаки танк противника, переехав через траншею, завалил землей пулеметчика сержанта Григория Шарабуру и его помощника, а к траншее приближались вражеские пехотинцы. Когда Григорию с трудом удалось выбраться из-под земли и вытащить пулемет, пятеро гитлеровцев были уже в нескольких метрах от траншеи. Троих из них Шарабура уничтожил короткой пулеметной очередью, а двух, успевших ворваться в траншею, из автомата. Затем быстро установив на бруствере пулемет, Григорий открыл огонь по второй цепи гитлеровской пехоты и заставил ее залечь на невыгодной позиции.

За шесть дней боев на плацдарме сержант Григорий Шарабура участвовал в отражении 12 контратак танков и пехоты. Как бы ни складывалась боевая обстановка, его пулемет действовал безотказно. Сержант дрался умело и бесстрашно. Делом оправдал высокое звание члена ВЛКСМ».

«Смело вела себя в бою молодая комсомолка Зоя Идель, санинструктор. Зоя продолжительное время жила на оккупированной врагом территории. Собственными глазами видела, как фашисты расстреляли ее любимую учительницу и многих других односельчан. Когда один из фашистов, поджигавших при отступлении сельские хаты, оступился и упал, отважная девушка убила его камнем. С приходом советских войск она добровольно вступила в Красную Армию, стала санинструктором полка.

В первый день вражеского наступления на наревский плацдарм семнадцатилетняя девушка вынесла из-под огня 15 раненых бойцов и командиров».

«Во время отражения вражеской контратаки Михаил Протопопов был тяжело контужен — потерял слух и речь. Казалось бы, надолго отвоевался. Однако мужественный воин не оставил поля боя. На предложение парторга полка Т. Климовцева пройти в медсанбат, написал на клочке бумаги: „Из строя не уйду. Прошу считать меня коммунистом“. Его подчиненные Г. Шарабура, П. Бурмистров, Николай Чуяшков, Асан Унгарбаев, Тяпкин и другие прекрасно понимали без слов боевые распоряжения своего командира. В боях за наревскии плацдарм пулеметный взвод Протопопова прославил себя как отличное подразделение».

Впрочем, подвиг на наревском плацдарме для Михаила Федоровича Протопопова не был чем-то неожиданным. На фронт Михаил пришел добровольно в возрасте 17 лет. Воевал под Сталинградом. Там получил первую боевую награду — медаль «За отвагу». Участвовал в боях на Курской дуге. Неоднократно отличался во время наступления в Белоруссии, на наревском плацдарме… К медали «За отвагу» у Протопопова прибавились два ордена Отечественной войны I степени, орден Красного Знамени. На фронте он вступил в партию.

Вспоминается мне и командир пулеметной роты Николай Скороходов. Пулеметную роту он принял в разгар боя на плацдарме. Дрался смело, напористо, не раз выручал своим огнем стрелковые подразделения и артиллеристов. Однажды, когда в роте кончились патроны, пустил в ход трофейные реактивные снаряды. Бойцы выкапывали ямы, ставили туда снаряды, выстреливали в них бронебойно-зажигательными пулями, и снаряды летели на позиции противника.

Живые герои оставались в дивизии, погибшие — навечно в сердцах живых.

# 1945

# В междуречье

Начало января. В это время в Польше не так морозно, как в Подмосковье или на Орловщине. Тут климат мягче. Но все же зима и в Польше зима, особенно для тех, кто в окопах. Временами бушует, беснуется пурга. Снег мокрый, нудный и вокруг не видно ни зги.

Как раз в один из таких вьюжных дней в 354-ю дивизию приехал командующий армией генерал Батов. Приехал на броневике, без обычной свиты штабных офицеров.

Командарма я встретил возле дивизионного КП. КП добротное, глубоко врытое в землю и хорошо замаскированное. Как и положено, стал докладывать обстановку.

— Знаю. Все знаю, — оборвал доклад Павел Иванович. — Держите оборону. Готовите личный состав к наступлению… Все известно. Пойдем-ка лучше поговорим наедине.

Командарм дружески пожал руку, потом взял меня под локоть, и мы вошли в блиндаж.

— Карту! — сказал командарм адъютанту. Тот с привычной ловкостью и аккуратностью разложил оперативную карту на столе. — А теперь погуляй. Будешь нужен — позову, — добавил генерал, дав понять, что присутствие адъютанта при разговоре не обязательно.

Павел Иванович долго и сосредоточенно разглядывал карту, будто видел ее впервые. По переднему краю обороны плацдарма, тянувшемуся на много километров, на карте были четко обозначены номера шести стрелковых дивизий.

— К наступлению готов? — оторвав наконец взгляд от карты, спросил командарм.

— Еще не совсем, — откровенно признался я.

— А в чем задержка?

— Работаем с пополнением, товарищ командующий.

О том, как шла подготовка пополнения, Павел Иванович знал, наверное, нисколько не хуже меня. Большое пополнение дивизия получила в середине декабря. Оно состояло в основном из необученной и необстрелянной молодежи, мобилизованной военкоматами Молдавской ССР. Среди молодых бойцов оказалось немало и таких, которые слабо знали русский язык. Это создавало дополнительные трудности.

Общее руководство учебно-воспитательной работой возглавил мой заместитель по строевой части полковник Д. Д. Воробьев. К проведению занятий с новичками были привлечены лучшие командиры и политработники дивизии. Им активно

помогали наиболее прославившиеся в боях рядовые воины.

Однако для всесторонней подготовки пополнения к наступлению требовалось время, а его даже по фронтовым нормам было очень мало.

В конце декабря командиров корпусов и дивизий под строгим секретом ориентировали в армии, что общее наступление начнется не раньше третьей декады января. В этот минимальный срок и старались закончить боевое сколачивание пополненных подразделений. И вот новое указание: все, что предполагалось сделать к 20 января, необходимо успеть к 14 января. Войска должны перейти в наступление на 5–6 дней раньше намеченного срока. Таково категорическое требование Верховного Главнокомандования.

— Придется поднажать. Время не ждет, — сказал командарм. — И еще одно. О переносе срока наступления никому ни слова. Строжайший секрет. Самый строжайший!

В тот же час Батов приказал срочно вызвать на КП комкора Алексеева. И пока его ждали, командующий рассказал о военно-политических событиях и плане наступательной операции под кодовым названием «Висла».

Дело оказалось в том, что немецко-фашистские войска, воспользовавшись временным затишьем на советско-германском фронте, нанесли в Арденнах мощный удар по союзным англо-американским войскам и значительно потеснили их.

В связи с этим Черчилль обратился к Сталину с просьбой ускорить наступление на восточном фронте с целью отвлечения противника от Арденн. Верховный это предложение принял.

— Наступление на гитлеровскую Германию, — сказал генерал Батов, — одновременно начнут пять фронтов. Главная задача наступательной операции — разгромить группировку противника на территории Польши и выйти на Одер. Вместе с тем отсечь и разгромить силы врага в Восточной Пруссии.

Войскам 65-й армии, переданным в состав 2-го Белорусского фронта, предстояло принять непосредственное участие в разгроме и уничтожении восточно-померанской группировки. В полосе армии оно начнется одновременно с двух наревских плацдармов — сероцкого и пултусского. Соединившись в Нове-Място, армия во взаимодействии с соседями окружает и уничтожает противника, а в дальнейшем развивает наступление на Плоньск.

Генерал Д. Ф. Алексеев приехал с начальником штаба корпуса полковником Н. М. Горбиным. В тот же час мы все четверо отправились на предварительную рекогносцировку местности. Позиции противника находились в каких-нибудь 250–

300 метрах от передовых траншей и хорошо просматривались. Павел Иванович в течение нескольких минут внимательно изучал вражескую оборону на участке будущего прорыва, что-то записывал в блокнот. А когда прошли по траншеям вдоль всего оборонительного участка дивизии, объявил:

— Итак, решено. Начнем отсюда. Две дивизии вашего корпуса пойдут в первом эшелоне, одна — во втором. Какие и где, определите сами.

Отдав генералу Алексееву распоряжение — представить свои соображения о плане прорыва, командарм уехал, а комкор и я еще некоторое время провели на передовой, уточняя возможности развития будущего боя.

По возвращении на КП комкор сказал:

— Окончательное решение получите завтра-послезавтра, но, по всей вероятности, в первом эшелоне будут ваша дивизия и сто девяносто третья. Гвардейцы сорок четвертой двинутся во втором.

В ночь на 8 января дивизия получила боевой приказ комкора. В нем точно определялись участки прорыва и основные направления наступления. Полкам нашей дивизии, как и соседям, предстояло наступать на очень узких участках, не превышавших двух километров по фронту. Радовало и то, что стрелковым частям обеспечивалась сильнейшая огневая и танковая поддержка. По всему чувствовалось — удар по врагу будет мощным и, как говорится, беспроигрышным. До личного состава боевая задача не доводилась. Сделать это предусматривалось в последний момент перед боем.

Неожиданно вновь ударили морозы — злющие, под стать сибирским. Но, несмотря на это, дивизия активно готовилась к наступлению. Нерешенным оставался вопрос о разминировании переднего края — своего и противника. Особенно беспокоило то, что мины намертво вмерзли в грунт. Это затрудняло работу саперов, замедляло разминирование. На извлечение каждой мины требовалось втрое, а то и вчетверо больше времени, чем в обычных условиях. Возникла необходимость срочно предпринять какие-то радикальные меры по ускорению разминирования. Командир саперного батальона капитан Н. А. Боровой предложил делать проходы выдвижными удлиненными зарядами. Этот способ ускорял разминирование, делал его менее опасным, однако сопровождался сильными взрывами, которые неминуемо приоткрыли бы врагу тайну подготовки к наступлению. Поэтому было решено начать разминирование с началом артиллерийской подготовки, которая была рассчитана на полтора часа.

В ночь на 14 января с группой ведущих офицеров штаба я выехал на НП, расположенный на опушке леса вблизи деревни

Пискарня-Дужа. На переднем крае под покровом темноты всюду шли последние приготовления к бою. Дивизионные и полковые истребители танков бесшумно выкатывали свои пушки в боевые порядки пехоты. Тягачи и грузовики подвозили к переднему краю на заранее определенные позиции тяжелые орудия и гвардейские минометы. За болотом, через которое была проложена надежная деревянная дорога, сосредоточивались тяжелые танки типа ИС, а также оснащенные противоминными тралами тридцатьчетверки.

Близилось утро, серое, пасмурное. Все вокруг заволокло густым туманом. Видимость не превышала двухсот метров. Туман создал дополнительные, непредвиденные трудности в управлении войсками, но все уже было готово к наступлению.

За три часа до начала атаки до всех бойцов, командиров и политработников был доведен боевой приказ. Одновременно в подразделениях зачитывалось Обращение Военного совета фронта, в котором впервые за время войны официально был провозглашен призыв «Вперед, на Берлин!». Кое-где состоялись предбоевые митинги.

Противник уже привык к тому, что русские, как правило, начинали наступление с рассветом или рано утром, и в эти часы был особенно бдительным. На этот же раз командующий фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский решил начинать наступление ближе к полудню.

Ровно в 12.00 14 января 1945 года началась артподготовка. Прогремел первый мощный залп, за ним второй, третий… и вскоре все слилось в единый оглушающий гул. С первыми залпами саперы приступили к своей опасной работе на минных полях. И надо сказать, они отлично справились со своей задачей. Проходы для пехоты и танков были проделаны в срок. При этом особо отличился саперный взвод во главе с младшим лейтенантом В. М. Коваленко, ветераном дивизии, выросшим на фронте от бойца до офицера.

Я прильнул к окулярам стереотрубы, чтобы сквозь туман увидеть взрывы на переднем крае обороны противника, и в этот момент взрыв огромной силы разворотил угол блиндажа НП. Взрывной волной меня бросило на землю. К счастью, все обошлось лишь небольшой контузией. В полной сохранности остался узел связи. Получил ранение и вышел из строя лишь начальник оперативного отделения штаба подполковник В. П. Оськин.

Спустя несколько минут позвонил генерал Алексеев и спросил, как ведет себя противник.

— Огрызается, — ответил я и доложил о случившемся.

— Продолжать управлять дивизией можешь? — спросил он.

— Да, конечно.

— Значит, все в порядке. Кстати, нам тоже тут досталось, — сообщил он в свою очередь.

По данным разведки в дивизии и корпусе многое знали о состоянии обороны противника. Было известно, в частности, что она состояла из двух хорошо оборудованных в инженерном отношении полос и простиралась в глубину от 25 до 30 километров. Основной узел сопротивления в пределах тактической полосы находился в Насельске. На переднем крае противник располагал довольно крупными силами пехоты, танков и артиллерии. Не учли мы, однако, того, что за два с лишним месяца позиционной обороны вражеские артиллеристы могли точно узнать месторасположение некоторых наших важных объектов, в том числе наблюдательных пунктов дивизии и корпуса. Не учли, и за эту оплошность чуть серьезно не поплатились.

Артиллерийская подготовка между тем продолжалась. Это был огневой удар огромной силы. На каждый километр фронта приходилось более трехсот артиллерийских стволов. Такого прежде не было, даже в боях на Курской дуге.

С переносом огня в глубь гитлеровской обороны стремительно двинулись вслед за огневым валом передовые стрелковые подразделения дивизии. Первыми ворвались во вражеские траншеи воины 25-го отдельного штурмового батальона майора Белохвостова и бойцы роты коммуниста лейтенанта Киреева, которые еще задолго до окончания артподготовки овладели двумя линиями траншей.

В общей сложности артподготовка продолжалась 90 минут. Снарядов артиллеристы, как было условлено, не жалели.

А когда канонада прекратилась, вступили в дело главные силы дивизии — стрелковые части во взаимодействии с танкистами и самоходчиками корпусного танко-самоходного полка.

Успех, которого можно было ожидать после столь мощной и длительной артподготовки, был достигнут не сразу. Объяснялось это несколькими причинами. Прежде всего, неблагоприятными метеорологическими условиями. Густой, почти непроглядный туман сильно мешал ведению прицельного артогня. По той же причине бездействовала и авиация. В результате многие огневые точки противника, расположенные в ближайшей глубине его обороны, остались неподавленными и оказали неожиданно сильное огневое сопротивление.

К 15 часам наша 354-я дивизия все же выполнила ближайшую задачу, овладев сильно укрепленным пунктом обороны

противника — деревней Мешки. В бою за Мешки особенно отличился полк полковника А. Х. Працько. Преодолевая упорное сопротивление врага, первой ворвалась на окраину деревни рота старшего лейтенанта И. Е. Зайцева, в боевых порядках которой находился парторг батальона П. Н. Алавидзе. Для парторга это был первый в жизни бой. Выдержал его Павел Николаевич блестяще. Еще до начала наступления он лично побеседовал со многими молодыми бойцами, рекомендовал им держаться поближе к ветеранам, равняться на них в атаке. В бою он поступал так и сам, а при штурме деревни Мешки в числе первых ворвался на окраину.

Признаться, мы волновались за новичков. Еще не обстрелянные, не получившие необходимой боевой подготовки — вдруг не выдержат, испугаются натиска танков и пехоты? К счастью, эти предположения оказались ошибочными. Молодые воины в бою не подкачали.

В числе первых во вражеские траншеи ворвался пулеметный расчет Сорокиных — отца Петра Ивановича и его сына Василия. В бою Василий был ранен. Сына заменил отец. А Василий тем временем, наскоро перевязав рану, уничтожил трех фашистов из винтовки отца. В санчасть он ушел только по приказу командира роты.

По инициативе агитатора 1201-го стрелкового полка майора Косолапова широкий размах получило своеобразное соревнование за установление красного флажка на отвоеванных у противника объектах. Право на установление флажка получал тот, кто первым достигал объекта. Почин был сразу же подхвачен многими воинами. Комсорг четвертой роты Галянов и командир отделения первой роты комсомолец И. Олейник первыми ворвались во вражеские траншеи и установили на брустверах красные вымпелы, что послужило сигналом для дружной и решительной атаки.

В том же бою отличился лейтенант медслужбы Капитон Берадзе, уроженец Зугдидского района Грузии. Помимо образцового выполнения своей основной обязанности — оказания первой медицинской помощи раненым на полковом медпункте, он лично вынес несколько раненых бойцов с поля боя.

Гитлеровцы яростно контратаковали наступавшие части. Особенно усилились контратаки на второй день боев. Крупные силы пехоты и танков противника создали угрозу отбросить дивизии первого эшелона на исходный рубеж. Учитывая эту опасность, командарм ввел в бой части 1-го гвардейского Донского танкового корпуса и выдвинул навстречу вражеским танкам армейский противотанковый резерв. А командир корпуса

задействовал дивизию второго эшелона.

Так же поступили и командиры соседних стрелковых корпусов. Это наращивание сил позволило войскам армии продвинуться вперед. Полки 354-й дивизии вышли на шоссейную дорогу Пултуск — Насельск и лишили врага возможности перебрасывать по ней в Насельск подкрепления. Это позволило 44-й гвардейской и 193-й дивизиям во взаимодействии с 354-й с ходу овладеть Насельском.

После ввода в бой Донского танкового и вторых эшелонов стрелковых корпусов силы наступающих и противника примерно уравнялись. И все же на стороне наступающих было явное превосходство. Оно заключалось в неиссякаемом наступательном порыве советских воинов, в их стремлении как можно быстрее перенести боевые действия на территорию врага..

На пути войск к Висле встречалось много рек и речушек, и хотя они были скованы льдом, гитлеровцы цеплялись за них как за выгодные рубежи. С упорством оборонялись крупные населенные пункты. Контратаки врага не прекращались.

В бою за крупный населенный пункт фашисты бросили против стрелковой роты лейтенанта Ларцева до батальона пехоты и девять танков. Создалось критическое положение. Однако рота и действовавшая вместе с ней артбатарея полка выдержали натиск. Пехота противника сначала залегла, а потом откатилась назад. В неравном бою особенно отличились стрелковый взвод старшего сержанта Утигалия Джумашева и орудийный расчет коммуниста старшего сержанта Николая Михаличенко.

В другом бою группа воинов 25-го штурмового батальона во главе с командиром взвода Журавлевым, ворвавшись на огневые позиции вражеской артиллерии, захватила пушки целой батареи, а трех артиллеристов противника взяла в плен.

Героизм наших воинов с каждым километром продвижения вперед возрастал. Некоторые бойцы, получившие ранения, не покидали поля боя. Н. Воскресенский и И. Иванченко были ранены в голову, но продолжали сражаться. Комсорг первой роты Н. Бурмистенко заменил раненого командира и более двух часов командовал ротой. В том же бою молодой солдат молдаванин С. Дервич возглавил отделение и повел его в атаку. Вновь отличился санинструктор Н. Крутилин. Только за один день боя он вынес из-под огня более сорока раненых.

Разумеется, несла потери и дивизия. 16 января смертью героя пал на поле боя один из лучших комбатов, кавалер пяти орденов капитан Иннокентий Арсентьевич Соколов. Погибли многие командиры рот и взводов. Их приходилось заменять на ходу, нередко на какое-то время даже сержантами.

Наступление продолжалось. 17 января дивизия с ходу преодолела реку Вкра и на следующий день вышла на шоссейную дорогу Плоньск — Нове Място. В тот же день в газетах был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего. В нем объявлялась благодарность воинам дивизий, освободивших города Макув, Пултуск, Цеханув, Нове Място, Насельск, Плоньск. 921-му артиллерийскому и 1199-му стрелковому полкам было присвоено почетное наименование Плоньских.

Тогда же пришла и еще одна радостная весть — об освобождении войсками 1-го Белорусского фронта столицы Польши — Варшавы.

# Перед Вислой

Не достигнув успеха в задержании советских войск по всей линии фронта, немецко-фашистское командование перешло к иной тактике — к стягиванию сил для обороны наиболее крупных опорных пунктов, к превращению каждого из них в своеобразные оборонительные крепости. Судя по всему, фашистские генералы надеялись остановить наступление Красной Армии прежде всего на подступах к городам Торунь, Грудзёндз, Быдгощ. Именно сюда они отводили на этом крыле фронта свои главные силы.

Советскому командованию не стоило большого труда разгадать не столь уже хитрый замысел противника. Ведь гитлеровцы и раньше прибегали к подобной тактике. Из штаба армии поступил приказ, смысл которого сводился к следующему: опорные пункты врага по возможности обходить, темп наступления не ослаблять, продолжать преследовать противника. Главная цель — быстрее выйти к Висле.

Этот приказ наша дивизия, наступавшая, как и прежде, в составе 65-й армии, выполняла с трудом. Первые четыре дня непрерывных боев без сна и отдыха измотали людей. Но наступление продолжалось днем и ночью.

На восьмые сутки сплошной линии обороны у противника уже не было. Дивизия преследовала отходивших на северо-запад гитлеровцев порой походными колоннами. Из-за плохой видимости — снегопадов и тумана — фашистская авиация почти бездействовала.

Чем дальше уходили войска на запад, тем больше возрастали трудности с подвозом боеприпасов и продовольствия.

— Не хватает ни машин, ни подвод, — жаловался мой заместитель по тылу подполковник Д. П. Давыдкин. — Приходится все подвозить издалека, а полки в движении, разыскать их не всегда просто. Потому и бывают срывы.

Для меня это не было «открытием». Я хорошо знал службу тыла и прекрасно понимал подполковника Давыдкина. Трудностей у него было более чем достаточно. Тыловикам частенько помогали работники штаба, и в частности С. Г. Изгагин. Он выезжал в тыловые подразделения и на месте налаживал снабжение частей и подразделений.

Большую досаду вызывали у комдива неполадки в поддержании связи с головными частями. Раций явно не хватало. И потому в штабе дивизии иногда толком не знали, где в данный момент находится то или иное подразделение.

Был такой случай. Как-то решил побывать в авангардном

полку. Рано утром командир полка Павлов кратко сообщил по радио: «Полк на марше, в таком-то квадрате». Пользуясь этим приблизительным ориентиром, выехал вместе с адъютантом Полухиным в названный пункт. За нами на грузовике следовало отделение дивизионных разведчиков. В нашем «виллисе» находился с рацией старший сержант Константин Шебеко. В девять утра машина нагнала один из батальонов.

— Где штаб и командир полка? Где приданный полку кавэскадрон? — спрашиваю у комбата.

— Не могу знать, — простодушно ответил комбат. — Возможно, где-то впереди. У нас нет рации, нет связи.

Приказываю водителю Литвину:

— Двигай вперед, Николай. Будем искать.

Поехали пустынной дорогой. Ни одного встречного. Все вокруг белым-бело от недавно выпавшего снега. Проехали километров шесть. Названный утром по радио Павловым квадрат уже остался позади, но ни полка, ни кавэскадрона. Слева, километрах в двух от дороги, раскинулось большое село, а неподалеку от него помещичий фольварк. Прикидываю по карте: по данным разведки, эта местность уже освобождена от противника. Ведь два часа назад сюда был послан кавэскадрон.

— Может, кавэскадрон в селе? — спрашивает Сергей Полухин.

Направили в село разведчиков. Они быстро вернулись и доложили:

— Кавэскадрона в селе нет. В селе немцы.

Как назло, у старшего сержанта К. Шебеко что-то не ладилось с рацией. Все его попытки установить радиосвязь с полковником Павловым оказались безрезультатными.

Заехали в фольварк. Водитель Литвин с артистическим мастерством вкатил машину в обширный двор усадьбы. Во дворе — ни души. Зато на снегу множество следов, будто тут побывал целый батальон.

Старший лейтенант Полухин и два бойца-разведчика осторожно осмотрели дворовые строения, помещичий дом, отыскали двух поляков — мужчину и женщину.

— Немцы в фольварке были? — спрашиваю у них.

— Да, пан генерал. Ушли минут двадцать назад, когда село заняли советские конники. Удрали на трех пароконных подводах.

— Забрали в нашем доме все самое ценное, — добавляет женщина.

В фольварке немцев было немного и удрали они в населенный пункт за холмом. Но следы ведут в лес.

— А сколько фашистов ушло туда?

Поляк вывел палкой на снегу цифру 200. Положение довольно щекотливое. До населенного пункта, где больше роты гитлеровцев, совсем недалеко. Вдруг да надумают вернуться в фольварк! Конечно, в случае опасности на машинах можно быстро уехать. Но машины могут быть и у противника. Что же делать? Уехать обратно, не встретившись с командиром кавэскадрона? Оставить гитлеровцев в покое?

Поблагодарив поляков за сообщение, приказал своему небольшому гарнизону занять круговую оборону, а начальнику радиостанции Шебеко развернуть рацию и связаться с полковником Павловым.

Как только связь была установлена, передал Павлову свои координаты и приказал срочно выслать к фольварку вначале передовой отряд, а следом за ним и весь полк. Потом вызвал на связь командира корпуса и доложил ему обстановку.

Комкор после минутного молчания с присущим ему спокойствием сказал:

— Удивляюсь вам, дорогой мой. Как это вы рискнули бросить дивизию и выдвинуться вперед? Разве это вызывалось какой-нибудь необходимостью?

Упрек, разумеется, был справедливым. Не дело комдива лезть на рожон. Так ведь можно неожиданно оказаться и в расположении врага.

Шло время. Подвижной отряд пока не появлялся. Посмотрел в бинокль. Вдоль центральной улицы села выстраивался к походу длинный обоз немецких телег. Обозники, не торопясь, чем-то нагружали повозки.

Подошел подвижной отряд во главе с полковником Павловым. Следом за ним появился и кавэскадрон. Кавалеристы, как оказалось, уклонились несколько юго-западнее. Лошади утомились. Пришлось кавэскадрон оставить в фольварке, а передовой отряд бросить с ходу на противника, засевшего в селе.

*Таким теперь стал бывший шофер комдива Н. Т. Литвин.*

Бой длился минут двадцать. Атака была столь неожиданной и стремительной, что вражеские обозники не смогли оказать организованного сопротивления. Часть из них была уничтожена, а десятка три гитлеровцев вместе с обозом сдались в плен. Вид у пленных был явно не боевой, не солдатский. Если бы переодеть их в гражданскую одежду, они походили бы на обычных пожилых крестьян.

… До Вислы оставались считанные километры. Командный пункт дивизии разместился в имении какого-то сбежавшего польского графа. Белокаменный трехэтажный дом старинной постройки и довольно большой костел при нем выглядели весьма эффектно. И главное — никаких разрушений. Война как будто обошла графское имение стороной. Внутри дома и костела тоже все сохранилось в неприкосновенности: картины, скульптуры, мебель, всяческая вельможная утварь. Но главное — в доме держалось тепло.

*Командир 1199-го стрелкового полка 354-й стрелковой дивизии подполковник В. И. Пятенко.*

Несколько последних дней, почти не переставая, шел холодный дождь, перемешанный со снегом. Грунтовые дороги раскисли, как ранней весной. Шинель постоянно мокрая, висела на плечах тяжелым грузом. Хромовые сапоги тоже не выдерживали холодной сырости: к вечеру портянки хоть выжимай. А тут вдруг прекрасно обставленные теплые комнаты, где можно более обстоятельно поговорить с командирами полков, уточнить обстановку, согласовать некоторые вопросы взаимодействия и подготовки к быстрому форсированию реки Вислы.

В ожидании их прибытия решил осмотреть костел. Каково же было мое удивление, когда приоткрыв дверь, услышал мелодию русской «Камаринской». За клавиатурой костельного органа сидел водитель автомашины комендантского взвода, балагур и весельчак Костя Алехин. Я хорошо знал этого молодого, разбитного парня, но не подозревал, что он музыкант — играет на пианино и даже на органе.

При моем появлении Алехин вскочил, несколько смутился.

— Играй, играй, — махнул я рукой, присаживаясь на жесткий диван из черного дерева.

— Не очень получается, товарищ генерал. Без электроэнергии орган плохо слушается.

— А крутить эту бандуру, подавать воздух на привод воздуходува вручную тяжело, — неожиданно поднял голову откуда-то из-за органа водитель Литвин. — А вообще-то давай, Костя, действуй. Я еще покручу.

Алехин вновь заиграл. Протяжно-нежная мелодия никак не хотела укладываться в ритм зажигательной пляски. Попросил бойца сыграть свою любимую грузинскую песню «Сулико». Алехин охотно заиграл. Закрыв ладонью глаза, я припомнил родное село Патара Губи, танцы односельчан. На какое-то время забылась война и все, что связано с ней.

…Отогреваться в графском дворце пришлось недолго. Неотложные дела вновь требовали присутствия в частях и подразделениях. Особенно беспокоило предстоящее форсирование Вислы. Эта река не чета Нареву и другим многочисленным рекам, которые остались позади. Настоящая водная преграда. Ширина Вислы полкилометра, глубина — до 7 метров, берега крутые и обрывистые. Самое же главное — из-за оттепели подтаял лед и, по всей вероятности, покрылся сверху водой. Как все это преодолеть, обсуждали с командирами полков и приданных частей часа четыре. Каждый полк получил конкретную задачу.

Неожиданно, без предварительного предупреждения в дивизию прибыл начальник политотдела армии генерал-майор Х. А. Ганиев. Приехал рано утром, на санях. Изрядно промерз и промок, однако на дивизионный КП пришел бодро, словно не замечая мерзкой погоды.

О генерале Ганиеве шла молва как об опытном и деловом политработнике, человеке душевном и общительном. Давно знавшие его командиры и политработники непременно подчеркивали и еще одно важное качество начпоарма — удивительную способность владеть собой в любой сложной обстановке. Никто не видел его раздраженным. Невозмутимо спокойным оставался он даже в тех случаях, когда бывал чем-то огорчен или недоволен.

Я рассказал Ганиеву обо всем откровенно.

— Военному совету известны ваши трудности, — сказал начальник политотдела армии. — И людей в дивизии маловато, и с материально-техническим обеспечением не все ладно, и погода стоит отвратительная. И хотя дивизия успешно двигается вперед,

а ее комдив, как мне сказали, даже опережает свою дивизию, двигаться надо еще быстрее.

После беседы со мной Ганиев пожелал поговорить с политсоставом дивизии. Однако в сложившейся обстановке созвать политработников где-то в одном месте не было возможности. И тогда Ганиев сказал:

— В таком случае будем говорить с людьми непосредственно в полках и батальонах.

Двое суток генерал Ганиев пробыл в дивизии. Он побеседовал со многими командирами и политработниками, побывал во всех полках. Его беседы с людьми не остались бесследными.

Наступление продолжалось. Дивизия с ходу преодолела реку Дервенца, отразив при этом несколько контратак противника. По существу, это был последний трудный рубеж перед Вислой. Преодолев его, полки дивизии во второй половине дня 26 января первыми в 65-й армии вышли на Вислу.

# По тонкому льду

В тот день еще с утра начало подмораживать, а к вечеру термометр, который где-то отыскал старший лейтенант Полухин, уже показывал минус 19 градусов. Это было очень кстати. Лед затвердел.

Под вечер меня вызвал к телефону командарм Батов. Его интересовал единственный вопрос: выдержит ли лед пушки?

— За тяжелую артиллерию не ручаюсь, а сорокапятки выдержит, товарищ командарм.

— Ну что ж. И это хорошо, — сказал Батов. — Желаю успеха! С левого берега огневая поддержка будет обеспечена.

На КП пришли командир полка полковник Павлов и его заместитель по политчасти подполковник З. Г. Эйвин. Их полк первым должен был форсировать Вислу. Но когда? В какое время?

— В темноте бы сподручнее, — сказал подполковник Эйвин.

— Сподручнее — это верно, но и опаснее. Противник долбит лед на реке из артиллерии и минометов всех калибров. Если не заставить его прекратить огонь, то крепкого льда не останется.

Дивизионная и корпусная артиллерия нанесла удар по вражеским батареям. Огонь противника заметно ослаб.

С наступлением темноты саперы приступили к искусственному наращиванию льда, вернее, к заделке пробоин. Те места, где лед был пробит снарядами, они закрывали досками, бревнами и обливали водой. Мороз быстро схватывал мокрый настил.

В час ночи реку пересекли разведчики под командованием младшего лейтенанта В. И. Попова. Вслед за ними под прикрытием мощного артогня с восточного берега двинулись роты первого стрелкового батальона, которым командовал капитан Дмитрий Семенович Славный. Он всего лишь два дня назад сменил в этой должности тяжело раненного майора Е. В. Тимохина, но уже успел освоиться.

В бесконечных вспышках осветительных ракет противника было отчетливо видно, как воины стрелковой роты капитана Н. И. Калиниченко, преодолев лед, взбираются под огнем врага на крутой берег, как двигаются вслед за стрелками 45-миллиметровые пушки. Обязанности командира батареи сорокапяток исполнял в то время старший сержант Чуйков, бывалый, опытный огневик.

Связисты быстро протянули с плацдарма на НП дивизии провод. Капитан Славный доложил:

— Одна рота зацепилась за противоположный берег. Две

другие роты подтягиваются. Рельеф местности за рекой сложный: очень крутой и скользкий берег, дальше заросшая кустарником обрывистая высота. Везде сильные укрепления.

Воспользовавшись первым, пока еще незначительным успехом батальона капитана Славного, на западный берег часа через полтора переправился по льду весь 1203-й стрелковый полк. Туда же перенес свой КП и полковник Павлов.

Спустя час, я вновь связался по телефону с батальоном Славного. В трубке послышался незнакомый голос.

— Где капитан Славный? Передайте трубку ему.

— Капитан Славный полчаса назад убит во время атаки, — ответил все тот же голос. — Докладывает парторг батальона лейтенант Калелов. Командование батальоном принял на себя.

Лейтенант обстоятельно доложил обстановку. По его докладу понял, что офицер он опытный, толковый. Указания понимает с полуслова.

— Держись, парторг! Назад дороги нет. — Сказал в заключение.

И батальон держался. Парторг Газиз Калелов сделал все возможное, чтобы удержать занятый плацдарм и обеспечить необходимые условия для подхода других подразделений.

К 8.30 27 января на западном берегу Вислы вели бой уже два стрелковых полка дивизии. Чтобы оперативнее управлять частями, перенес на западный берег реки свой командный пункт.

В течение всего дня бой продолжался в 200–300 метрах от берега реки. Противник непрерывно контратаковал, стремясь любой ценой, не считаясь с потерями, сбросить наступающих с крутого берега на лед. То и дело вспыхивали рукопашные схватки. Бой шел за каждый окоп.

Захваченный дивизией крохотный плацдарм в тактическом отношении оказался весьма невыгодным. Неподалеку от берега была крутая, обрывистая высота, на которой закрепился противник. Плацдармовцам же приходилось действовать на совершенно открытой местности. Сорокапятки, выдвинутые на прямую наводку, вели стрельбу под большим углом, что очень снижало эффективность огня.

Двое суток дивизия вела бой фактически одной пехотой, так как переправить по тонкому льду артиллерию и танки было невозможно. Из-за плохой погоды не могла оказать помощь и авиация. Единственной поддержкой был артиллерийский огонь с восточного берега реки.

Столь же трудным для форсировавших Вислу был и следующий день. Некоторое облегчение почувствовали только к вечеру 28 января, когда несколько южнее города Граудзёндза, у

местечка Шейнак, армейские саперы закончили сооружение моста на свайных опорах, по которому тотчас же на плацдарм стали переправляться танки и артиллерия.

А тут новая беда! Опять наступила оттепель. Лед на Висле на глазах начал рыхлеть. Выход один — наводить понтонный мост. Полосу льда взорвать. Саперы дивизий по приказу командарма сразу же приступили к выполнению этого задания. Понтонный мост был вскоре готов. А неподалеку армейская инженерная бригада возвела и свайный мост. С вводом этих переправ положение дивизий улучшилось. Однако, чтобы продолжать наступление, требовалось дождаться подхода основных сил армии, и особенно 1-го гвардейского Донского танкового корпуса.

# Берег левый, берег правый

В первых числах февраля на западный берег Вислы начали переправляться части 18-го и 46-го стрелковых корпусов армии, а во второй половине дня 3 февраля появились передовые части Донского танкового корпуса, совершавшие марш из-под Торуни. На восточном берегу пока оставалась 44-я гвардейская стрелковая дивизия и один полк 193-й дивизии корпуса. Они прикрывали подступы к мостам от возможного нападения еще находившихся в тылу вражеских войск.

Теперь, казалось, можно было бы возобновить наступление, гнать фашистов дальше на запад. Но тут произошло событие, которого следовало ожидать. Ведя наступление, войска 65-й, да и соседних армий обходили многие опорные пункты обороны врага, оставляли у себя в тылу неразгромленные гарнизоны гитлеровцев в надежде на то, что они, оказавшись в безвыходном положении, добровольно сдадутся в плен. Однако надежды оправдались неполностью.

Ночью на 4 февраля меня срочно вызвал к телефону командир корпуса генерал Алексеев.

— Немедленно прикажи одному из своих полков переправиться на восточный берег Вислы, — приказал он.

— Зачем? — невольно вырвалось у меня.

— От Торуни по тылам семидесятой армии движется в нашем направлении примерно двадцатитысячная группа гитлеровцев, которая, по всей вероятности, собирается захватить наши переправы, чтобы прорваться за Вислу. По пути к этой группе присоединяются и другие оставшиеся в нашем тылу неразгромленные вражеские гарнизоны.

Не медля ни минуты, вызвал командира полка подполковника В. И. Пятенко и поставил ему боевую задачу. Часа два спустя 1199-й полк вместе с частями 193-й и 413-й стрелковых дивизий переправились обратно через Вислу и заняли оборону на рубеже Скаршево, Сарнау.

Зависленский плацдарм оборонялся без того немногочисленными войсками, а теперь, с возвращением на восточный берег 413-й и 193-й стрелковых дивизий и 1199-го стрелкового полка 354-й дивизии, силы стали еще слабее, и противник, почувствовав это, не замедлил усилить свой нажим.

Меня вызвал к телефону начальник штаба корпуса полковник Горбин.

— Нас очень беспокоит плацдарм, — сказал Николай Михайлович. — Смотрите в оба. Объедините под своим

командованием все приданные части. В том числе корпусной артполк и танко-самоходный полк полковника Соколова. Корпусная артиллерийская группа будет поддерживать вас.

Переправившийся на восточный берег 1199-й полк поступил во временное подчинение командира 193-й стрелковой дивизии, а оставшиеся на плацдарме части продолжали вести яростный бой. Вскоре бой разразился и на восточном берегу. Он продолжался в течение пяти суток днем и ночью. Вражеские атаки следовали одна за другой. Гитлеровцы несли огромные потери, но вновь и вновь атаковали. Понимая свою обреченность, противник во что бы то ни стало стремился прорваться к Висле. Однако всюду натыкался на неопреодолимую оборону советских войск.

Через два дня после начала боев на подступах к реке немецко-фашистскую группировку, прорвавшуюся из-под Торуни, настигли с востока соединения 70-й армии. Гитлеровцы были зажаты в кольцо. Отдельные прорвавшиеся по льду на западный берег Вислы вражеские группы уничтожались на плацдарме. Особенно много эсэсовцев пыталось прорваться в районе 1201-го полка. По моему приказу один стрелковый батальон был повернут фронтом на восток и уничтожал фашистов на льду реки.

Защитники плацдарма и мостов через Вислу дрались мужественно и самоотверженно. Так, например, стрелковая рота под командованием младшего лейтенанта П. Лакеева, участвуя в отражении одной из вражеских атак, была окружена. Младший лейтенант Лакеев быстро организовал круговую оборону. Восемь красноармейцев роты пали геройской смертью в рукопашной схватке с врагом. Погибли, но не отошли с занимаемой позиции. Командир роты Лакеев был ранен, однако и раненый продолжал мужественно управлять боем.

Стрелковый взвод младшего лейтенанта С. Т. Минина несколько раз наносил смелые фланговые удары по гитлеровцам и срывал их атаки.

Пулеметный расчет сержанта В. И. Бибишева во время боя почти вплотную столкнулся с вражеским пулеметчиком. Бибишев метнул две гранаты, уничтожил фашистского пулеметчика. Погиб и Бибишев.

Парторг первой стрелковой роты старший сержант А. Ладыгин все пять суток трудных боев на восточном берегу Вислы вдохновлял воинов подразделения на самоотверженную борьбу с врагом. Когда возникла необходимость, под огнем переползал из отделения в отделение, подбадривал бойцов.

Наряду с вооруженной борьбой непрерывно велась работа по разложению сил противника. В окруженную группу

забрасывались листовки с призывом к вражеским солдатам сдаваться в плен. Днем и ночью действовали звуковещательные установки. Выступая по радио, офицеры, хорошо владевшие немецким языком, убедительно разъясняли немцам, что для них единственный шанс остаться живыми — добровольно сдаться в плен. Особенно активную работу с окруженными вели полковые переводчики лейтенант В. Вавилин и немецкий антифашист Михель Бергер. Попав на восточный фронт, Бергер перешел на сторону советских войск, а в 1944 году прибыл в дивизию для ведения спецпропаганды.

…Окончательный разгром торунской группировки был завершен 8 февраля. Лишь незначительной группе гитлеровцев удалось прорваться за Вислу. Десять тысяч вражеских солдат и офицеров было уничтожено, свыше восьми тысяч сдались в плен.

Один из 8 тысяч пленных, захваченных на восточном берегу Вислы, показал, что его третья рота 170-го пехотного полка 73-й дивизии только в течение 5 февраля потеряла убитыми и ранеными 90 процентов своего людского состава. «От залпов „катюш“ и артиллерии нет никакого спасения, — жаловался он. — Смело, бесстрашно воевали и ваши пехотинцы».

# Наступление продолжается

Разгром торунской группировки противника на восточном берегу Вислы совпал по времени с решением Ставки Верховного Главнокомандования силами войск 2-го Белорусского фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом ликвидировать крупную восточно-померанскую группировку врага, очистить все побережье Балтийского моря от устья Вислы до устья Одера, овладеть портами Данциг (Гданьск) и Гдыня.

Разумеется, в дивизии тогда не знали об этом решении. Можно было догадаться лишь об одном, что теперь, когда восточный берег Вислы окончательно очищен от вражеских войск, наступление будет продолжено. Догадка оправдалась. 10 февраля войска фронта, в составе которого находилась а 354-я дивизия, сломив сопротивление врага, снова двинулись вперед.

Нелетная, пасмурная погода лишала наступавшие войска необходимой поддержки с воздуха, хотя им предстояло преодолеть заранее подготовленный так называемый Померанский вал, состоявший из нескольких оборонительных полос.

Рассекая во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта восточно-померанскую группировку противника, войска 2-го Белорусского фронта в начале марта повернули свои главные силы на северо-восток с целью овладения Данцигом (Гданьском). Туда же были повернуты и войска 65-й армии.

До начала марта полки 354-й дивизии участвовали в боях по ликвидации опорных пунктов противника. А 4 марта дивизия получила приказ уничтожить противника на подступах к населенным пунктам Гросс-Буковиц и Зельгош. Сделать это было нелегко. Гитлеровцы опирались на заранее подготовленные оборонительные сооружения. И все же боевая задача была выполнена. Дивизия овладела двумя населенными пунктами.

Во второй половине дня дивизия перерезала железную дорогу, которую немецко-фашистское командование все еще использовало для снабжения восточно-померанской группировки боеприпасами и продовольствием.

Хотя немецко-фашистские войска по-прежнему оборонялись с отчаянной обреченностью, тем не менее многие немецкие солдаты все больше теряли веру в победу. Об этом свидетельствовали убедительные факты. Еще не так давно гитлеровские генералы и полковники в поддержании боевого духа своих войск делали ставку на нацистскую пропаганду, на запугивание солдат тем, что, вступив в Германию, Красная Армия

якобы уничтожит всех немцев.

Еще 19 февраля в одной из освобожденных польских деревень воины дивизии обнаружили несколько повешенных немецких солдат-гренадеров, на груди которых были дощечки с надписью: «Я не хотел воевать». Как позже показали пленные, один из повешенных восемь лет прослужил в гитлеровской армии, был нацистом, но и у этого «преданного» вояки не выдержали нервы. Он открыто заявил, что «продолжать войну бессмысленно».

В другой деревне передовые подразделения дивизии обнаружили 13 трупов вражеских солдат, повешенных по приказу командира 542-го пехотного полка за отказ воевать.

О немецком солдате, повешенном эсэсовцами на дереве возле дороги, ведущей в населенный пункт Гросс-Буковиц, пленные заявили при допросе, что солдат перед казнью прямо объявил своему командиру: «Делайте со мной все, что хотите, но воевать не стану».

Обсуждая эти факты, бойцы, командиры, политработники делали правильный вывод — гитлеровская армия в преддверии неизбежного разгрома все больше разлагается. Вместе с тем враг будет сопротивляться до конца, поэтому советским воинам необходима строжайшая дисциплина, высокая бдительность.

В ряде случаев гитлеровцы переодевались в гражданскую одежду и порой под видом поляков проникали в тылы советских войск, собирали нужные вражескому командованию разведданные.

Командованием штаба и политотделом дивизии были приняты необходимые меры по усилению бдительности, особенно по охране тыловых подразделений от возможных нападений укрывавшихся в лесах фашистов.

К исходу дня 6 марта дивизия вышла к северо-западной окраине Старогарда — довольно крупного польского города. В бою за овладение Старогардом особенно отличились воины 1201-го стрелкового полка полковника А. Х. Працько. Первый стрелковый батальон полка был посажен в качестве десанта на танки и самоходки, что позволило ему с ходу ворваться в город и завязать уличный бой.

В тот же день политотдел выпустил листовку, посвященную героическому подвигу комсорга батальона Петру Гацко. В числе других воинов он ворвался в город десантником на самоходке, первым вступил в единоборство с вражеским пулеметным расчетом. Одного гитлеровца уничтожил, двух взял в плен. Несколько минут спустя герой погиб.

Бой за Старогард продолжался недолго. То ли гитлеровское командование не рассчитывало удержать его, то ли по иной какой

причине вражеские солдаты и офицеры при появлении советских танков и самоходок с десантами на броне зачастую оставляли свои позиции, укрепленные пункты и без сопротивления спешили побыстрее отойти на заранее подготовленные загородные позиции.

8 марта, в Международный женский день, Старогард был очищен от вражеских войск. Город оказался почти безлюдным. Видно, еще накануне фашистские головорезы «позаботились» о том, чтобы угнать из него все население.

Безлюдными были и населенные пункты, прилегавшие к Старогарду. Однако по мере приближения советских войск к так называемому внешнему данцигскому обводу обстановка заметно менялась. В селах и поселках советские войска радушно встречало немногочисленное польское население, а также военнопленные англичане, французы, поляки, югославы и увезенные на фашистскую каторгу в Германию советские граждане.

По всей вероятности, немецко-фашистское командование поняло наконец бессмысленность и бесперспективность угона местных жителей и военнопленных. Собственно говоря, угонять-то уже некуда было. Территория суши, которую гитлеровцы собирались оборонять до последней возможности, с каждым днем становилась все меньше, а дальше, до самого горизонта простиралось Балтийское море. По данным воздушной разведки было известно, что на данцигском пятачке и без того скопилось большое количество военных и гражданских лиц, собиравшихся морским путем выбраться на запад.

Возвращались из окрестных лесов в населенные пункты и те немецкие семьи, которым по разным причинам не удалось попасть на пятачок. Поначалу при встречах с советскими бойцами и офицерами они с ужасом смотрели на них, ожидая смерти. Присмотревшись же день-другой, стали задумываться: а ведь красноармейцы и их командиры совсем не такие люди, как расписывали их штатные нацистские пропагандисты.

13 марта наша 354-я дивизия вместе с другими соединениями армии с боями вышла к реке Радауне Флисс — внешнему обводу данцигской обороны противника.

# В боях за Гданьск

Город и порт Данциг (Гданьск) был заранее превращен гитлеровцами в оборонительную крепость. В штабе армии имелись на этот счет достаточно убедительные сведения, неоднократно проверенные как воздушной, так и наземной разведкой. Они не держались в секрете, во всяком случае от командиров и начальников штабов дивизий. Еще до подхода войск армии к внешнему данцигскому обводу генерал П. И. Батов предупредил нас — комдивов, что бой за Данциг будет наверняка ожесточенным и кровопролитным.

— Взять Данциг будет нелегко. Оборона там насыщенная, глубокая, превосходно оборудованная в инженерном отношении, — пояснял комкор Алексеев. — И все таки мы возьмем его. Не можем не взять. Главное — пробиться через внешний обвод, а там дело пойдет. Готовьтесь к трудным боям, товарищи. На это ориентируйте и личный состав.

При подходе к реке Радауне Флисс фронт 105-го стрелкового корпуса растянулся до 21 километра. Даже при стационарной обороне это не так уж мало. А ведь наступали далеко не полнокровными дивизиями. Войскам предстояло не только форсировать особенно капризную и опасную в пору весны реку, но и сломить сопротивление сильного противника.

В штабе корпуса на основе последних данных разведки установили, что против трех стрелковых дивизий и поддерживавших их спецчастей противник держит за рекой 254-ю, 242-ю пехотные и 12-ю авиаполевую дивизии, морскую команду «Иорк», сводные боевые группы «Герман» и «Гартман», крупные силы артиллерии, танков и самоходных орудий. На один километр фронта обороны гитлеровцы имеют 600 пехотинцев, до 20–25 единиц артиллерии, включая полевую, самоходную и танковую. Кроме того, противник располагает крупными силами береговой и корабельной артиллерии, находившейся в Гданьской бухте.

В артиллерии наступающий советский корпус имел почти тройное превосходство, а во всем остальном перевес был на стороне врага. Дивизии, конечно же, получили пополнение, но это почти не меняло положения. Если во время боев за наревский плацдарм имелась возможность подучить новичков военному делу, то теперь для этого времени не было.

Река Радауне Флисс и ее приток Штреллник представляли собой естественные преграды, прикрывавшие ближние подступы к Данцигу с востока и юго-запада. Перед реками тянулась гряда

высот, заболоченная пойма и несколько озер в междуречье. Естественные преграды дополнялись многочисленными инженерными сооружениями, созданными в ближайших к городу населенных пунктах. Многие кирпичные дома приспосабливались к долговременной обороне.

И все же командарм принял решение: приступить к штурму внешнего обвода, измотать и обескровить врага, сломить его волю к сопротивлению. Главная роль в этом отводилась артиллерии.

Бои на реке Радауне Флисс продолжались 13 суток. Под ударами советской артиллерии, минометов, штурмовых групп оборона врага постепенно ослабевала, становилась все более уязвимой и в конце концов была сломлена. В ночь на 24 марта полки нашей дивизии на участке соседней 193-й дивизии переправились за реку и завязали бой за железную дорогу южнее Лессена. На следующий день дивизия овладела опорным пунктом врага — селением Хох Кельн. Это был довольно мощный узел сопротивления. Бой за него продолжался непрерывно несколько часов. Помимо обычного стрелкового оружия немецко-фашистская пехота на этом участке располагала большим количеством фаустпатронов, что в значительной мере снижало эффективность действий танкистов и самоходчиков.

Сопротивление гитлеровцев было исключительно упорным. Приходилось с боем брать каждый дом. В бою за Хох Кельн особенно отличился первый батальон 1203-го полка под командованием капитана А. П. Ялового. Накануне капитан был принят в партию и на партийном собрании заявил, что делом оправдает высокое звание коммуниста. И он сдержал слово. Благодаря умелому командованию и личному примеру отваги капитана Ялового батальон действовал напористо, смело. Ворвавшись в населенный пункт, батальон с ходу разгромил гарнизоны нескольких кирпичных домов и овладел ими. В первые же минуты боя капитан А. П. Яловой был ранен, но никому не сказал о ранении, продолжал управлять батальоном.

Командир стрелкового отделения молодой молдаванин И. Савко первым ворвался на окраину села, а когда был ранен командир взвода, не раздумывая, принял командование на себя.

И все же главная роль в овладении населенным пунктом Хох Кельн принадлежала бывалым воинам, таким, как командир стрелкового взвода старший лейтенант Б. Бурмистров, младший лейтенант В. Эрлин, парторг стрелковой роты сержант Тиминсали Исабеков…

С выходом войск за реку Радауне Флисс гитлеровцы все чаще стали применять дальнобойные крупнокалиберные орудия береговой и корабельной артиллерии. Взрывы снарядов были

настолько мощными, что от них не спасали никакие блиндажи с многослойными укрытиями. Один из таких мощных снарядов разорвался совсем недалеко от временного НП дивизии. Взрывной волной нас отбросило далеко в сторону и контузило меня и начальника штаба 1203-го полка гвардии майора М. И. Глотова. Три бойца погибли.

— От этих чертовых мортир просто нет спасения, — поднимаясь с земли, пожаловался Глотов. — Кажется, ко всему уже привык, а от таких сильных взрывов тяжко.

Михаил Ильич Глотов действительно имел за плечами большой боевой опыт. В свое время воевал на Халхин-Голе, участвовал в боях на Ленинградском и Волховском фронтах, дрался под Сталинградом, на Курской дуге, не раз отличался в Бобруйской наступательной операции. В дивизию он прибыл в середине августа 1944 года, сменил раненого начальника штаба полка капитана Ф. Г. Сухова.

И вот такой отважный человек впервые в жизни признался, что ему от взрывов мортир тяжко. Об этом же поговаривали и другие офицеры. Необходимо было срочно принять какие-то меры, чтобы подавить огонь вражеских дальнобойных морских орудий. Договорились изменить тактику боя. Во время атак вплотную наседать на врага, максимально сближаться с ним. И надо сказать, эта маленькая военная хитрость помогла уберечь многих воинов от осколков снарядов дальнобойных орудий. Разумеется, гитлеровские морские артиллеристы продолжали вести огонь, только били теперь главным образом по пустому месту.

Готовясь к штурму Данцига (Гданьска), к уличным боям в городе, в ходе наступления мы создавали штурмовые отряды и группы, отрабатывали вопросы взаимодействия с саперами-подрывниками, артиллеристами, огнеметчиками и танкистами. При этом в штурмовых отрядах и группах большое внимание уделялось подготовке фаустников. В предшествующих боях дивизия захватила большое количество этого мощного противотанкового оружия врага. Задача состояла в том, чтобы быстро научиться овладеть им.

В предвидении неустойчивости технических средств связи в городских условиях готовились также резервные группы офицеров связи, пешие посыльные. Одновременно отрабатывались приемы и методы разведки в крупном городе.

Политотдел дивизии с помощью офицеров штаба разработал специальный доклад об уличных боях. В докладе приводились определенные данные и о том, что представляли собой город Гданьск, его порт и крепость, каковы особенности его улиц и

возможных укреплений. Воины как бы заочно знакомились с городом, в боях за который им предстояло принять участие. Упоминалось в докладе и о том немаловажном событии, как штурм и освобождение города Гданьска от французских оккупантов русскими войсками в 1813 году.

# Штурм

Рано утром 26 марта передовые подразделения дивизии при поддержке артиллерии и 116-й танковой бригады ворвались в пригород Гданьска — Эммаус. Почти одновременно завязали бои за Эммаус части 44-й гвардейской и 193-й стрелковых дивизий. Несколько левее продвигались вперед соединения другого стрелкового корпуса 65-й армии вместе с польскими танкистами. А накануне в пригород вышли с востока дивизии 2-й ударной армии, наступавшей по западному берегу Вислы.

Эммаус хотя и значился на оперативных картах пригородом Гданьска, но фактически представлял собой начало города, отделенного от центра железнодорожной линией. Точнее, это был военный городок с огромными многоэтажными казармами, массивными жилыми домами, складами… Именно отсюда дивизиям корпуса предстояло начинать бой непосредственно за Гданьск.

— Мы должны как можно быстрее овладеть Эммаусом, — ставил задачу комкор Алексеев, — не допустить отхода противника к центру города, избежать в Эммаусе затяжных уличных боев.

Избежать затяжных уличных боев! Это требование диктовалось не только необходимостью быстрее прорваться к центру города. Прежде всего имелось в виду не допустить напрасных потерь живой силы и боевой техники. Дело в том, что Эммаус, расположенный в неширокой низине, окаймлен с севера и юга высокими холмами. Владея этими холмами, гитлеровцы имели возможность держать пригород под перекрестным пулеметным огнем. Любая задержка на улицах пригорода, любое скопление войск неизбежно привели бы к неоправданным потерям.

Командарм генерал П. И. Батов дал строгое указание: наступление в городе вести небольшими группами пехоты, усиленными артиллерией и минометами, при непосредственной поддержке танков и самоходных орудий. Основные силы использовать для овладения высотами, обходя их с флангов тыла. Для непосредственной поддержки атак всю батальонную, полковую и пушечную дивизионную артиллерию иметь в боевых порядках пехоты. Рекомендовалось проявлять больше инициативы при выдвижении артиллерии на прямую наводку, смену огневых позиций артиллерии производить поорудийно.

Кажется, было учтено все, вплоть до массированной строго нацеленной поддержки наступления с воздуха авиацией 4-й

воздушной армии. Корпус получил боевую задачу: одновременно силами трех дивизий нанести стремительный удар вдоль трех сквозных улиц Эммауса, выйти к железнодорожному полотну в районе Зильберг-Хотте, ворваться в центр города и овладеть зданиями сената, парламента и консульства.

Поначалу все шло нормально. Штурмовые отряды и группы при поддержке артиллерии и минометов с ходу овладели несколькими зданиями. Но как только окраина пригорода оказалась очищенной от гитлеровцев, наступление застопорилось. Береговая и корабельная артиллерия врага открыла по боевым порядкам наступающих массированный огонь, преодолеть зону которого было практически невозможно. Штурмовые отряды и группы залегли.

Прекратил атаку и самый боевой полк дивизии, которым командовал Герой Советского Союза полковник М. Н. Павлов.

С НП дивизии связался с Павловым по рации. Тот взволнованно доложил:

— Ведут прицельный огонь, гады. Головы не поднять. Есть убитые и раненые… — После паузы неожиданно добавил: — Одну минуту, товарищ сто первый. Я свяжусь с вам чуть позже. Разрешите?

Минут через пять Михаил Никитич сам попросил меня к рации и радостно сообщил:

— Полковые разведчики обнаружили на крыше одного из домов на окраине Эммауса двух вражеских матросов-корректировщиков и уничтожили их. Противник теперь лишен возможности вести прицельный огонь. Полк снова атакует.

Позже рассказали подробности этого события. Перебегавших по крыше вражеских корректировщиков обнаружили не разведчики. Их увидел командир полка Павлов, когда говорил с комдивом по рации. Он тут же взял у радиста автомат и меткой очередью уложил обоих корректировщиков. Мастерством меткой стрельбы герой-полковник славился на всю дивизию.

Бой за Эммаус с самого начала принял типично уличный характер. Гитлеровцев приходилось «выкуривать» из каждого приспособленного к обороне дома. Порой бывало так, что, очистив нижние этажи такого дома, стрелки, автоматчики, артиллеристы по два-три часа кряду продолжали бой с противником, засевшим на верхних этажах.

В одном из больших домов фашисты, вооруженные зенитными и крупнокалиберными пулеметами, обосновались на чердаке. Выбить их оттуда никак не удавалось. Но так как дом был многоэтажный и стоял на перекрестке улиц, на первом его этаже расположился штаб батальона. Когда над Эммаусом

появились советские бомбардировщики, засевшие на чердаке вражеские солдаты открыли по ним зенитно-пулеметный огонь. Летчики, не подозревая о том, что в доме находится штаб своего батальона, сбросили бомбы. Одна из них угодила в крышу дома. От мощного взрыва обрушились потолки вплоть до первого этажа. Гитлеровцы, засевшие на чердаке, были убиты, но вместе с тем пострадали штурмовая группа и штаб батальона. Одни погибли, другие получили ранения. Был тяжело ранен храбрейший комбат в дивизии Магомед Усманович Гамзатов. Он долго лечился и уже не вернулся в дивизию.

Этот драматический эпизод послужил серьезным уроком. В дальнейшем штабы полков и батальонов располагались, как правило, в домах, уже полностью очищенных от противника.

В преобладающем большинстве штурмовые группы действовали смело и напористо. Каждый боец знал свой маневр. Перед блокированием того или иного дома на него прежде всего обрушивали сильный огонь артиллерии. Под его прикрытием в здание врывались небольшие группы стрелков и автоматчиков, забрасывали гитлеровцев гранатами, уничтожали из автоматов и винтовок, а при необходимости применяли и трофейное оружие — фаустпатроны.

В бою за овладение подвалом одного из зданий отделение молодых бойцов под командованием молдаванина Ивана Савко разгромило численно превосходившую группу гитлеровцев. Захватив подвал, бойцы отделения приступили к очищению верхних этажей. Более тридцати фашистов было убито, а семнадцать взято в плен.

О подвиге пулеметчика Гудумана Сава политотдел дивизии выпустил листовку на молдавском языке. В ней говорилось: «Товарищ! Прочти и расскажи другим, как дрался пулеметчик-молдаванин Гудуман Сава. Он прошел путь от Нарева до Данцига, уничтожая гитлеровцев огнем своего пулемета. В сегодняшнем бою он первым ворвался в траншею противника, подавил немецкий пулемет, рассеял и частично уничтожил до взвода пехоты противника.

Слава бесстрашному пулеметчику! Вперед, на Данциг!» Следуя примеру своего земляка, отличился в бою и красноармеец Е. Фырфа. Случилось так, что ему вместе с небольшой группой однополчан пришлось долго отбиваться от наседавших со всех сторон вражеских солдат. Отстреливались до последнего патрона, а когда боеприпасы кончились, Фырфа первым вступил в рукопашную схватку и увлек за собой остальных бойцов. Изловчившись, он вырвал у вражеского солдата автомат и пустил его в дело. Нескольких гитлеровцев уничтожил, а троих взял в

плен.

Одну из особых штурмовых групп возглавил лично парторг полка лейтенант Газиз Калелов. В бою он был ранен, но, немного подлечившись, вернулся в полк снова.

Во взятии ряда строений принял непосредственное участие помощник начальника оперативного отделения штаба корпуса подполковник Н. П. Мельников, тот самый, который сопровождал когда-то меня в дивизию. Приехал он, конечно, по своим оперативным делам, а когда обстановка усложнилась, лично командовал одним из штурмовых отрядов. Его отряд участвовал в боях за ратушу и радиостанцию и одним из первых вышел к берегу так называемой Мертвой Вислы.

Полностью пригород был взят войсками незадолго до наступления ночи. С выходом полков к железной дороге я переместил командный и наблюдательный пункты в район Гильберг-Хотте. Отсюда хорошо просматривалась центральная часть города.

Поздно вечером на НП собрались руководящие офицеры дивизии, чтобы обменяться мнениями об итогах боевого дня. Высказывались кратко. Каждый вносил конкретные предложения по своей службе и специальности. Особое внимание обращалось на необходимость упорядочить обеспечение личного состава горячей пищей, медикаментами, боеприпасами. Было решено в течение ночи проверить, все ли воины имеют противогазы. Противник в предвидении разгрома мог применить и отравляющие вещества.

Минувший боевой день был, несомненно, успешным. Однако успех омрачали значительные потери. В тяжелом состоянии был отправлен в госпиталь комбат капитан Андрей Яловой. Смертью героя пал комсорг того же полка Сергей Васякин…

Все, конечно, понимали, что бой есть бой и потери в нем неизбежны. Тем не менее хотелось избежать неоправданных потерь, а для этого требовалось более тщательно готовить каждую атаку.

Днем 26 марта в дивизию пришла еще одна печальная весть. В бою за Эммаус погибли командир 37-й гвардейской дивизии генерал-майор С. У. Рахимов и начальник политотдела полковник А. М. Смирнов.

В штабе нашей дивизии хорошо знали генерала Рахимова. Он первым из советских воинов-узбеков был удостоен высокого генеральского звания. Бывший безграмотный батрак стал красным командиром еще в годы борьбы с басмачами. В Великую Отечественную войну Рахимов вступил в августе 1942 г. уже

опытным, вполне сформировавшимся командиром. Среди гвардейцев он пользовался огромнейшим авторитетом не только как комдив, но и как бесстрашный воин, имевший одиннадцать ранений, награжденный за подвиги в боях четырьмя орденами Красного Знамени. Позже, уже в послевоенные годы, Президиум Верховного Совета СССР по праву удостоил его посмертно звания Героя Советского Союза.

# Штурм продолжается

Когда совещание по подведению итогов боя в Эммаусе подходило к концу, меня вызвал к телефону начальник штаба армии генерал М., В. Бобков.

— На участке Гребенника (генерал-майор К. Е. Гребенник вступил в командование 37-й гвардейской дивизией после гибели генерала С. У. Рахимова) два немецких солдата-перебежчика передали советскому командованию копию телеграммы Гитлера, адресованной начальнику гарнизона Данцига командиру 24-го армейского корпуса генералу Фельцману. Коменданту вменялось в обязанность: «Город оборонять до последнего человека. О капитуляции не может быть и речи. Офицеров и солдат, проявивших малодушие, немедленно предавать военно-полевым судам и публично вешать…» Те же перебежчики показали, что гарнизон Данцига состоит более чем из 50 тысяч солдат и офицеров, хорошо вооружен и обеспечен всем необходимым для длительной обороны.

— Что ж. Пятьдесят так пятьдесят. Только все равно не выполнить им гитлеровского приказа, даже если они перевешают всех «малодушных», — сказал полковник Воробьев.

С той поры как начались бои у данцигского обвода, люди уже привыкли к тому, что каждый рассвет начинался с грохота сотен орудий, рева авиационных моторов в воздухе, со взрывов множества авиабомб во всех концах города. Летчики 4-й воздушной армии генерала К. А. Вершинина, сокрушая оборону врага в Данциге, в течение трех дней почти непрерывно бомбили город и его окрестности, причем в бомбежках участвовали не отдельные звенья или эскадрильи. В воздух одновременно поднимались целые полки, дивизии тяжелых и средних бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков. Так было все дни. Но утро, наступившее после взятия советскими войсками Эммауса, встретило непривычной тишиной. Дело в том, что до рассвета было получено приказание командующего фронтом о прекращении огня в связи с тем, что противнику предъявлен ультиматум — сложить оружие. Кружившие над городом советские самолеты сбрасывали теперь не бомбы, а десятки тысяч листовок с текстом ультиматума на немецком языке. В листовке, подписанной командующим 2-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза К. К. Рокоссовским, обращенной к немецким солдатам, офицерам и генералам, говорилось:

«Железное кольцо моих войск все плотнее затягивается вокруг вас. Дальнейшее сопротивление в этих условиях

бессмысленно и приведет только к гибели вашей и гибели сотен тысяч женщин, детей и стариков…» Дальше следовало предложение — прекратить сопротивление, сложить оружие, сдать город без боя. Указывался срок исполнения ультиматума.

Однако затишье было недолгим. Немецко-фашистское командование не вняло призыву благоразумия, не ответило на советский ультиматум, и как только минул установленный советским командованием срок, вновь заговорили орудия, вновь поднялись в воздух сотни самолетов. Начался штурм города.

После продолжительной артиллерийской и авиационной подготовки ринулись в атаку стрелковые части. Поначалу успешно продвигались вперед все соединения. Но вот на НП дивизии поступило тревожное сообщение. Командир подполковник Н. И. Петухов, недавно сменивший в этой должности отозванного на повышение полковника Працько, доложил по радио, что полк залег на площади под огнем врага. Необходима помощь.

То, что полк залег и прекратил продвижение, мне было видно с дивизионного НП. Перед боевыми порядками полка возвышалось высокое, монументальное здание костела, превращенного гитлеровцами в опорный пункт обороны.

Оказать Петухову помощь было нечем. А тут, как назло, усилились радиопомехи. Голос командира полка буквально тонул в неразберихе радиошумов и различных команд на русском и немецком языках. Понять, что говорил Петухов, было практически невозможно. И вдруг, перекрывая шум, послышался недовольный голос командарма Батова:

— Почему остановились, Владимир Николаевич? Вперед! Быстрее надо вперед!

Мне ничего иного не оставалось, как самому отправиться на полковой НП, чтобы на месте разобраться в обстановке и принять необходимые меры. Командарм не любил повторять свои приказания.

Петляя по узким переулкам, мы с начальником разведки Антипенко пробрались к Петухову. Старинное, мрачное здание костела стояло на пути полка, словно злой демон, ощетинившись добрым десятком пулеметов, установленных в узких окнах-бойницах. Для подавления их огня требовался мощный артиллерийский удар не только полковой, но и дивизионной артиллерии.

Быстро связался с командиром артполка, поставил ему боевую задачу. Минут десять артиллеристы долбили метровые стены костела бронебойными снарядами. Несколько вражеских пулеметов было разбито прямым попаданием. Оставшиеся

неповрежденными на какое-то время вынуждены были прекратить огонь. Воспользовавшись этим, две штурмовые группы ворвались в здание костела и вскоре покончили с его гарнизоном. Парторг первой роты сержант И. Лазуткин водрузил на крыше захваченного здания красный флаг.

«Операция „Гданьский костел“», как позже в шутку назвали в полку этот боевой эпизод, отняла минут сорок драгоценного времени. Но, как известно, в любом деле важны результаты. А они были налицо. Захват костела расчистил путь полкам дивизии. Штурмовые отряды и группы перенесли бои в центр города. Им на каждом шагу помогали воины 420-й отдельной разведроты капитана Н. Я. Друзенко. Разведчики, словно тени, просачивались между разрушенными строениями, с удивительной ловкостью взбирались по пожарным лестницам на крыши домов и оттуда корректировали огонь артиллерии по нужным целям. Взаимодействие между артиллеристами, минометчиками и штурмовыми группами осуществлялось непрерывно, что позволяло без сколько-нибудь значительных потерь овладевать укрепленными зданиями.

Немецко-фашистский гарнизон Гданьска располагал значительным количеством танков и самоходных орудий, в том числе тяжелых. Не пропустить их на улицы, где действовали штурмовые группы, постоянно охранять их от танковых ударов — эту задачу решал 274-й ОИПТАД майора В. Г. Ющенко. Танкам и самоходкам врага, несмотря на неоднократные попытки, по существу, ни разу не удалось пробиться на улицы, вдоль которых вели наступление полки дивизии.

Был такой случай. Вражеский термитный снаряд угодил в прицеп автомашины с противотанковой пушкой, нагруженный ящиками с боеприпасами. Загорелись резиновые покрышки на колесах прицепа. Пламя вот-вот должно было перекинуться на ящики с боеприпасами. Взрыв, казалось, неминуем. Но тут к горевшему прицепу подбежал пожилой боец с другой машины. Не страшась пламени и опасности взрыва, он стал заливать горевшие покрышки водой, черпая ее ведром из лужи. Прицеп с боеприпасами был спасен.

Гитлеровцы сопротивлялись с отчаянностью смертников. Но у наступающих не было ни одного случая неоправданного кровопролития. Всякий раз, как только немецкие солдаты и офицеры бросали оружие и поднимали вверх руки, советские воины тут же прекращали огонь, брали побежденных в плен и отправляли на сборный пункт дивизии. Высокий гуманизм проявляли и медики дивизии. Уставшие до изнеможения от бесконечных операций и перевязок раненых бойцов, не спавшие

по двое-трое суток подряд, они все же ухитрялись выкраивать время для оказания медицинской помощи раненым пленным.

В ходе уличных боев одно из подразделений дивизии обнаружило в подвале только что занятого дома брошенный фашистскими медиками госпиталь с несколькими десятками тяжело раненных солдат и офицеров.

— Товарищ генерал, как быть с ранеными немцами? Многим из них требуется срочная хирургическая помощь, — обратился ко мне за советом начсандив подполковник И. М. Товбин.

— Прежде всего организуйте охрану госпиталя, чтобы в него не пробрались эсэсовцы, — приказал Товбину. — Ну а после решай сам. Тебе, врачу, видней, что делать.

Начсандив немедленно организовал охрану госпиталя и послал туда двух врачей-хирургов и нескольких медсестер, которые сделали все возможное для спасения от смерти раненых солдат и офицеров противника.

О высокой гуманности советских людей говорит и такой поступок в трудный день, 28 марта 1945 года, совершенный отважным фельдшером Ноной Савченко. Осматривая дом для размещения раненых саперов, она обнаружила в нем смертельно перепуганную молодую немку, у которой начинались родовые схватки. Женщина корчилась от боли и что-то невнятно лепетала по-немецки. Хотя времени было в обрез, медицинской помощи ждали раненые саперы, она не оставила немку в беде. Быстро уложила ее в постель и приняла роды.

Как оказалось, роженица несколько дней голодала. Никто из оборонявших дом гитлеровских солдат не дал ей даже куска хлеба. Нона Савченко послала бойца к старшине роты, и тот вскоре принес котелок наваристого супа и большую краюху хлеба. Прижимая новорожденную девочку к груди, немка горячо благодарила советских людей за помощь и заботу.

И еще факт гуманности — один из многих.

Телефонистка полка Таня Митрофанова увидела в проеме окна рушившегося дома испуганного, взывавшего о помощи немецкого мальчика. Ни секунды не раздумывая, бросилась она спасать ребенка. В этот момент дом рухнул, и Таня оказалась в заваленном подвале. Пять часов провела она там в одиночестве, придавленная тяжелой балкой. Таню спасли от неминуемой мучительной смерти саперы, услышавшие ее стоны. Как только она пришла в себя, тут же спросила:

— А мальчик?.. Немецкий мальчик? Его спасли?

…Отвергнув ультиматум советского командования о прекращении сопротивления, фашистские генералы и полковники обрекли на неминуемую смерть не только тысячи своих солдат и

офицеров, но и мирное население Данцига.

Впрочем, мирные жители довольно быстро убедились, что зарвавшиеся фашистские вояки и не думали об их спасении, об облегчении судьбы женщин, детей и стариков. Поняли, что надо искать спасения самим. И многие тысячи мирных горожан нашли его на территории, занятой советскими войсками.

Как только советские войска вновь приступили к штурму города, из него хлынули многотысячные толпы жителей. «Старые и малые спешили уйти подальше от ада, — вспоминает об этом в книге „Второй эшелон“ бывший редактор дивизионной газеты „Советский патриот“ писатель Евгений Петров. — Беженцы таборами располагались на площадях и улицах освобожденных пригородов. Многие из них, особенно женщины, укутанные в шали и одеяла, в страхе ожидали расправы. И каково было их удивление, когда они увидели походные кухни с дымящимися щами, кашей, ароматным чаем.

— Подходи, не трясись! — говорил бравый повар. Немки не верили. Подсылали для проверки детей: русские, дескать, хоть и звери, но не тронут же маленьких.

Голод, как говорится, не тетка. У кухонь выстроились хвосты удивленных, растерянных беженцев. И думалось невольно: разве так было на нашей земле?..»

Несколько семей немцев-беженцев расположилось и неподалеку от НП дивизии. Среди них — множество подростков и совсем крохотных ребятишек. Бойцы, охранявшие НП, что-то говорили немкам-мамашам, чтобы те вместе с детьми ушли подальше, в тыл, но те смотрели на них испуганными глазами. Находиться же беженцам возле НП было небезопасно. Время от времени тут рвались снаряды дальнобойной морской артиллерии. Попади один из таких снарядов в группу беженцев, от женщин и детей не осталось бы и следа.

Пришлось послать к ним переводчика. Поняв, в чем дело, беженцы отошли подальше. Возможно, больше чем слова об опасности, убедило их сообщение о том, что в пригороде Эммауса можно получить пищу.

Глядя на беженцев из охваченного пламенем Гданьска, советские воины не могли не вспомнить о Тремблинке и других фашистских концлагерях, встречавшихся на их пути. В некоторых из них имелись женские бараки, в которых были заточены и обречены на смерть женщины многих национальностей, зачастую вместе с малолетними детьми. Эсэсовские охранники избивали и убивали их, травили газом, умерщвляли голодом, сжигали живыми в крематориях.

«Что же происходит? — спрашивали иногда солдаты. — Ведь

среди беженцев есть матери и сестры тех фашистов, которые расстреливали, вешали, втаптывали в землю наших женщин и детей. Надо ли заботиться о том, чтобы спасти им жизнь?»

— Женщины и дети не виноваты, — был ответ. — Не они, а фашисты, бесноватый фюрер и его приспешники развязали войну. Мы воюем не против немцев вообще, а против фашизма, против фашистской захватнической, разбойничьей армии. Немецкому народу развязанная Гитлером и его нацистской сворой война тоже осточертела. Жители Германии виноваты разве лишь в том, что смирились с фашистской диктатурой.

Трудно было в душе примирить эти два прямо противоположных чувства. И все же верх брало воспитанное в советских воинах чувство справедливости к людям, идея гуманного отношения к мирному немецкому населению.

*Ветераны 15-й Сивашской дивизии в день 25-летия освобождения города Курска.*

Во второй половине дня 28 марта части дивизии при поддержке артиллерии, танков, авиации полностью очистили от фашистских войск две важные улицы и вышли к каналу Бассин-Мотлау. Первыми прорвались сюда разведчики 1201-го стрелкового полка под командованием старшего сержанта С. Исаева. Однако переправиться на противоположный берег канала мешали засевшие в одном из прибрежных домов гитлеровцы. Имея выгодный обзор, они ни на минуту не прекращали огня из пулеметов и автоматов. В воде канала и на берегу непрестанно

грохали взрывы фаустпатронов.

Однако это не остановило участника сражения за Днепр командира разведгруппы Исаева. Несмотря на сильный огонь противника, он вместе со своими подчиненными сумел быстро преодолеть канал. Заняв выгодную позицию, разведчики вступили в единоборство с засевшими в доме фашистами и захватили дом.

Воспользовавшись успехом разведчиков, через канал вскоре переправились по быстро наведенному саперами штурмовому мостику все подразделения полка. Потом частями дивизии были захвачены паромная переправа и мосты. Начался бой в центре города. Вступили в бой за овладение центром Гданьска и соседи по корпусу, армии. Наиболее важные и массивные здания, расположенные в центральной части города, оказались на участке наступления нашей дивизии. С боем были взяты здания парламента, юстиции, консульства, радиостанции, представительства бывшей Лиги наций.

В боях за овладение центром города отличились многие подразделения дивизии. Стрелковая рота капитана Н. Копылова разгромила крупный опорный пункт обороны врага в многоэтажном кирпичном доме и расчистила таким образом путь для движения вперед всему полку. При этом особенно храбро и мужественно действовала штурмовая группа роты во главе со старшим лейтенантом К. Задоляном.

Штурмовая группа другой роты, возглавляемая старшим сержантом Ф. Пономаревым, только в бою за овладение одним домом уничтожила до двух десятков вооруженных до зубов гитлеровцев, захватила несколько вражеских солдат в плен. В составе группы наиболее смело «выкуривал» врага из здания комсорг роты сержант И. Лепеткин.

Действуя в боевых порядках стрелковых подразделений, артгруппа старшего лейтенанта Цикаришвили в течение одного дня подавила и уничтожила 11 пулеметных точек противника, рассеяла 3 минбатареи.

Гитлеровцы по-прежнему отчаянно сопротивлялись, но это было сопротивление издыхающего врага. В конце дня 28 марта стало известно, что войска генерал-лейтенанта В. З. Романовского, генерал-полковника В. С. Попова и генерал-лейтенанта П. И. Ляпина овладели городом Гдыня — важной военно-морской базой и портом на Балтийском море. С падением Гдыни вражеская группировка, оборонявшаяся в районе Гданьска и его окрестностях, оказалась прижатой к морю. На суше у нее уже не существовало никаких путей отхода.

Надо полагать, фашистский генерал Фельцман, еще значившийся в Берлине военным комендантом города-крепости

на Балтике, не спешил «обрадовать» своих подчиненных этой новостью. Возможно, солдаты и офицеры Гданьского гарнизона до самого последнего момента так и не знали, что Гдыня уже в руках советских войск. Они оборонялись, цепляясь за каждый мало-мальски выгодный рубеж, за каждый дом.

Когда на полуразрушенный, задымленный, объятый пожарами город-крепость опустилась темная мартовская ночь, дивизия подошла к Мертвой Висле — широкому каналу с застойной, «мертвой» водой. Преодолеть эту водную преграду оказалось очень трудно. Бетонные берега крутые и скользкие. Река широкая. Даже если переплывешь ее на лодке, на северный берег не выбраться. Там совсем не за что зацепиться.

Противник, безусловно, это хорошо понимал, и как только войска подошли к Мертвой Висле, открыл бешеный огонь из всех видов оружия. А командарм и командир корпуса настойчиво требовали: «Вперед! Задерживаться нельзя!»

Дивизии, однако, повезло. Неподалеку подразделения 167-го инженерно-саперного батальона с ходу захватили мост через Мертвую Вислу, полки дивизии немедленно устремились к нему и быстро переправились на северный берег. Начался бой за очищение восточной окраины. Бои за полное очищение Гданьска от немецко-фашистских оккупантов не прекращались всю ночь и следующий день. Над ратушей уже много часов реяло польское национальное знамя, установленное капитаном 1-й польской танковой бригады имени героев Вестерплятте Михаем Згибневым.

Старинный польский город и порт Гданьск полностью был очищен от противника лишь поздно вечером 29 марта. При освобождении восточной части города гитлеровцы все чаще стали сдаваться в плен. За время уличных боев, начиная с пригорода Эммаус, только нашей дивизией было взято более 800 пленных. Многие вражеские солдаты и офицеры, прежде всего эсэсовцы, страшась ответственности за свои зверства, которые они творили на советской и польской земле, вместо сдачи в плен переодевались в гражданскую одежду и выдавали себя за мирных жителей. В последний день боев за Гданьск советские воины обнаружили немало таких фашистов и препроводили на сборный пункт военнопленных.

Рано утром 30 марта адъютант Сергей Полухин принес очередной номер дивизионной газеты «Советский патриот» и изданную политотделом листовку, посвященную героическим подвигам командира артрасчета старшего сержанта Василия Стрелы.

Василий Стрела прибыл в дивизию примерно за месяц до форсирования Нарева. В должности старшины батареи

противотанковых пушек участвовал в нескольких боях. На наревском плацдарме Василий Стрела стал замковым. Двое суток подряд не отходил он от орудия, вместе с другими отражал контратаки вражеских танков и пехоты. Выбыл из строя командир расчета. Его заменил Василий Стрела.

Более тысячи километров от Нарева до Балтики прошел с боями Василий Стрела, возглавляя орудийный расчет. И сам он, и его товарищи не раз совершали смелые боевые подвиги.

В боях за Гданьск расчет сорокапятки Василия Стрелы уничтожил 15 пулеметных точек врага, подавил огонь трех крупнокалиберных пулеметов, минометной батареи.

Из-за высокого земляного вала, устроенного немцами на городской улице, била вражеская минометная батарея. Мины одна за другой то и дело рвались в боевых порядках стрелков.

— Выкатить орудие! — приказал старший сержант Стрела.

Подтащив сорокапятку к земляному валу, артиллеристы достали лопаты и поочередно стали рыть нишу. Двое копали, один наблюдал. В толстой земляной насыпи образовалось «окно». Установив в нише орудие, Стрела встал к панораме. Прогремело несколько выстрелов. В укрытии, откуда била немецкая батарея, взметнулись столбы взрывов. Враг был уничтожен. Вскоре наблюдатель обнаружил в стороне, в ровике, немецкую противотанковую пушку. Тремя снарядами Стрела накрыл и эту цель, расчистил путь пехоте.

В этом же номере газеты был опубликован поздравительный приказ Верховного Главнокомандующего войскам 2-го Белорусского фронта, завершившим разгром данцигской группировки немцев и овладевшим городом и крепостью Данциг (Гданьск) — важнейшим портом и военно-морской базой на Балтийском море. Особо отличившийся в этих боях 1201-й стрелковый полк нашей дивизии был удостоен почетного наименования Гданьский. Два других награждены орденом Красного Знамени.

# У самого моря

После разгрома Данцигского гарнизона противника основные силы 2-го Белорусского фронта форсированным маршем двинулись в район Штеттина (Щецина). Им предстояло сражаться за Одер, принять участие в завершающей наступательной операции советских войск — Берлинской. А в это время 354-й и 193-й стрелковым дивизиям было приказано завершить ликвидацию остатков прижатой к морю вражеской группировки.

Выбитые из Гданьска, в значительной степени дезорганизованные, разрозненные группы гитлеровцев сосредоточились в Хайбуде, у самого побережья Балтики. В мирное время сюда обычно отводился на ночную стоянку городской транспорт — трамваи, троллейбусы, автобусы. Теперь многочисленные гаражи и автопарки Хайбуде стали последним прибежищем остатков фашистских войск, еще не потерявших надежды эвакуироваться морским путем в глубь Германии. В районе Хайбуде имелось также большое количество военной техники, которое немецко-фашистское командование собиралось вывезти на морских судах.

Вражеские военные корабли находились сравнительно недалеко от берега. Фашистские вояки, в основном эсэсовцы, все еще надеялись удрать восвояси и в ожидании подхода своих кораблей сопротивлялись. Бои за Хайбуде длились почти неделю. По нескольку раз в день меня вызывал к рации командарм и требовал объяснений, почему дивизия топчется на месте.

— Мне стыдно за вас со Скоробогаткиным, — говорил командарм. — Две дивизии столько времени не могут разделаться с жалкой кучкой насмерть перепуганных гитлеровцев. Позор!

Две дивизии! Но вернее было сказать — два полка. В бой за Гданьск 354-я дивизия вступила, имея не больше трети штатного состава. Примерно столько же «активных штыков» имелось и в 193-й дивизии генерал-майора К. Ф. Скоробогаткина. К тому же группа гитлеровцев оказалась не такой уж маленькой и небоеспособной, как поначалу ее представляли. Засевшие в Хайбуде эсэсовцы вместе с бежавшими в страхе перед возмездием бывшими полицаями и служившими в войсках вермахта разными изменниками составляли немалую силу.

И все же трудно было оправдаться перед командармом. Дивизия первой в армии форсировала Вислу, отличилась в боях за Старогард и Гданьск, а тут не может очистить от разбитого и действительно перепуганного насмерть противника совсем

небольшой участок побережья.

Вечером 5 апреля мы договорились со Скоробогаткиным атаковать врага на узком участке объединенными силами обеих дивизий. За ночь перегруппировались, а на рассвете 6 апреля нанесли по противнику концентрированный удар. Гитлеровцы, по всей вероятности, не ожидали столь сильного натиска, стали отходить к берегу моря, затем в панике заметались по побережью. Теперь им оставалось одно из двух: либо сложить оружие и сдаться в плен, либо бесславно погибнуть. Эсэсовские офицеры все еще хорохорились, гнали солдат в бой. Но к часу дня Хайбуде было взято и дивизии вышли к морю.

Мне никогда не забыть этих радостных минут. После ожесточенного боя вдруг наступила тишина. У ног слабой волной билась о берег Балтика. Невольно подумалось: «Как долго шли к твоим берегам, суровое Балтийское море!» Перед мысленным взором прошли многие и многие бои, лица тысяч воинов, друзей, товарищей — живых и погибших. Память будто заново провела меня по фронтовым дорогам и полям Молдавии, Украины, Курщины, Орловщины, по лесам и болотам Белоруссии, по деревням, селам и городам дружественной Польши… Сколько же пройдено немеренных и несчитанных фронтовых верст! Без малого четыре года добирались сюда. Стольких людей потеряли.

Наклонившись, зачерпнул в пригоршни морской воды и с неповторимым наслаждением умылся. И вдруг увидел у самого горизонта вражеские корабли. Они на всех парах удирали подальше от Гданьского порта, теперь уже на вечные времена принадлежавшего его исконным хозяевам — полякам.

По подсчетам штабников, в боях за Хайбуде противник потерял только убитыми до семисот солдат и офицеров. Свыше тысячи гитлеровцев было взято в плен. Захвачены огромные трофеи: без малого 2,5 тысячи автомашин, 24 танка и самоходных орудия, 25 тракторов-тягачей, 256 артиллерийских орудий, 26 обычных и 10 многоствольных минометов, свыше 2 тысяч винтовок и автоматов, 3 склада с боеприпасами. Примерно столько же трофеев было захвачено и в полосе действий 193-й стрелковой дивизии. Вся эта боевая техника и военное имущество предназначались гитлеровцами для вывоза в глубь Германии.

Когда я по радио доложил командарму о захваченных трофеях, тот, чувствовалось, поверил не сразу:

— Хорошо, приеду сам посмотрю, — сказал Павел Иванович.

Не прошло и часа, как он прибыл в Хайбуде.

Остановились возле зарытых гитлеровцами в землю «фердинандов». Командарм еще раз окинул взглядом трофеи, с доброй улыбкой удовлетворенности сказал:

— Напрасно, выходит, я ругал вас, друзья. Силы у немцев тут были в самом деле значительные. Ну что ж, будем считать — задача выполнена.

После осмотра захваченных трофеев Павел Иванович Батов рассказал мне и Скоробогаткину об оперативной обстановке. Основные силы 2-го Белорусского фронта, участвовавшие в разгроме восточно-померанской группировки врага, по прибытии на Одер сменяют на левом крыле войска 1-го Белорусского фронта. Теперь туда же двинется и 65-я армия. Она несколько задержалась по той причине, что прикрывала перегруппировку войск от возможных ударов оставшихся еще на побережье разрозненных групп противника. Не позднее 17 апреля армия должна сосредоточиться на восточном берегу Одера южнее Штеттина (Щецина) и готовиться к форсированию реки. До места сосредоточения примерно 350 километров. Их, эти километры, необходимо преодолеть форсированным маршем.

# От Вислы до Одера

Дивизия на марше. Полк за полком, батарея за батареей шли на запад. Марш начался 7 апреля с наступлением темноты. Непременное его условие — скрытность. Разумеется, скрыть от противника передислокацию целой армии не так-то просто, но необходимо. Поэтому приказано двигаться только в темное время суток.

На марше все предусмотрено, все рассчитано: 50 минут хода, 10 минут отдыха. Тем не менее беспокоила дальность расстояния. Успеет ли дивизия вовремя к месту сосредоточения?

На другие сутки пеший форсированный марш стал комбинированным. Чтобы ускорить продвижение армии, штаб фронта выделил ей 500 грузовых автомобилей, которые тут же были распределены по дивизиям.

С прибытием автотранспорта движение заметно ускорилось. В то время как два полка шли пешком, третий на машинах перебрасывался на 70–80 километров вперед, после чего продолжал путь пешком, а машины возвращались и перевозили вперед другой полк.

Успешной переброске войск способствовали также хорошие дороги. Дивизия шла по благоустроенной автостраде Данциг — Штеттин. Кроме того, в связи с густыми туманами, которые держались порой с полудня до рассвета, марш совершался и в светлое время суток. Туманы были настолько плотными, что никакая воздушная разведка противника не смогла бы обнаружить передвижение войск.

*Начальник медсанслужбы 354-й стрелковой дивизии подполковник И. М. Товбин.*

В населенных пунктах, которые проходили, царило предмирное затишье. Из окон домов, с балконов всюду свисали белые флаги — простыни, свидетельствовавшие о сдаче населения на милость победителя.

К Одеру передовые подразделения дивизии вышли на рассвете 13 апреля, на трое суток ранее установленного срока. В густом предутреннем тумане воины увидели проступавшие неясными контурами два широких извилистых рукава реки: Ост-Одер и Вест-Одер, как они тогда назывались по-немецки. Когда туман несколько рассеялся, стала отчетливо видна разделявшая рукава реки трехкилометровая пойма, покрытая густым кустарником и лесом, изрезанная множеством осушительных каналов. Железобетонные мосты, соединяющие берега обоих рукавов Одера, были взорваны.

Казалось, противник все свои силы сосредоточил на западном берегу реки и вовсе не намеревался оборонять ее восточный

берег. Однако при подходе к Ост-Одеру передовые подразделения были встречены пулеметным огнем. Как вскоре установили разведчики, вели его фашистские пулеметчики-смертники, прикованные цепями к арматуре взорванного моста. Их было двое. Оба имели в своем распоряжении большое количество патронов, запас пищи и питьевой воды. Продержались они, однако, совсем недолго. Были уничтожены меткими выстрелами артиллеристов.

С выходом к Одеру войска 65-й армии развернулись на семнадцатикилометровом рубеже Домбе Грыфино, имея задачу форсировать Ост-Одер, уничтожить противника в междуречье, переправиться через Вест-Одер и на четырехкилометровом участке фронта прорвать вражескую оборону на западном берегу реки. На главном направлении сосредоточились семь дивизий армии, а полкам 354-й и соседней дивизий было приказано блокировать город Щецин с юга.

На Одере дивизии предстояло наступать не на главном направлении, и ее участок оказался в тактическом отношении невыгодным. Над ее флангом угрожающе нависал город Щецин, откуда гитлеровцы вели сильный артиллерийский огонь. С наблюдательного пункта одного из стрелковых батальонов хорошо просматривалась часть Щецина с его узкими улицами и переулками и оба рукава Одера. Ширина восточного рукава равнялась примерно 100 метрам, западного достигала 250. Их разделяла трехкилометровая пойма. «Два Днепра, а посередине Припять», — как образно назвал кто-то из бойцов эту водную преграду.

К форсированию Одера части и подразделения готовились еще в ходе марша. Бывалые воины делились опытом переправы через Днепр, Припять, Вислу, рассказывали, как действовать при подходе к обороняемому противником берегу.

Восточный рукав реки дивизия форсировала в ночь на 15 апреля. Под покровом темноты передовые подразделения 1201-го стрелкового полка подполковника Н. И. Петухова на восьми сколоченных саперами из досок плотах и двух надувных резиновых лодках без единого выстрела достигли западного берега Ост-Одера, быстро высадились и завязали бой с гитлеровцами. К счастью, в этом месте вражеских войск было немного, и воинам полка удалось быстро оттеснить их от берега.

Той же ночью форсировали Одер левые соседи — 37, 108 и 186-я стрелковые дивизии, в полосе высадки которых противник имел более плотные порядки.

Поначалу казалось, что бои за овладение заболоченной поймой, особенно на участке нашей дивизии, будут не очень

трудными. Уже в первый день два ее полка серьезно продвинулись вперед. Но чем ближе воины дивизии подходили к восточному берегу Вест-Одера, тем упорнее становилось сопротивление врага. По всей вероятности, на этот участок фашистское командование сумело подтянуть свежие силы. Еще более упорное сопротивление оказывали вражеские войска на участках наступления соседних дивизий.

Бой за овладение поймой принял затяжной характер. Дивизиям приходилось отражать многократные контратаки врага. Помимо того, все дивизии, действовавшие на пойме, почти непрерывно подвергались артиллерийскому обстрелу с кораблей, стоявших в Щецинской бухте. А по боевым порядкам полков правофланговой нашей дивизии велся яростный огонь из зенитных и артиллерийских орудий из Щецина. Укрыться от него было практически негде. В болотистой пойме окопы не отроешь.

Чтобы как-то дезориентировать противника, лишить его возможности вести прицельный огонь из Щецина, дивизионные химики периодически ставили дымовые завесы, но у гитлеровцев все было заранее пристреляно, так что дымы мало в чем помогали. Трое суток почти непрерывных боев за пойму стоили больших потерь. Правда, как раз в это время дивизия получила 1700 человек нового пополнения. Многие из них дрались смело, но все же сказалась неопытность. При отражении вражеских контратак молодые бойцы наступали скученно, мешали друг другу.

На восточный берег Вест-Одера части дивизии вышли в три часа дня 19 апреля. К тому времени на пойму через Ост-Одер были уже доставлены переправочные средства — тяжелые лодки и плоты. Несколько лодок удалось провести по узкому поперечному каналу, а остальные пришлось тащить волоком по торфяному болоту. Таким же образом на волокушах, вручную, под непрекращавшимся артобстрелом артиллеристы и пехотинцы подтаскивали к восточному берегу Вест-Одера пушки. Труд тяжелейший, поистине сверхчеловеческий. На войне, однако, не существовало слова «невозможно». Лодки, плоты, пушки были переправлены через пойму вовремя.

Поздно вечером поступил приказ командарма: на рассвете 20 апреля приступить к форсированию Вест-Одера.

# Тревожная ночь

Перед форсированием Вест-Одера личный состав частей и подразделений нуждался хотя бы в непродолжительном отдыхе. Даже на фронте силы человеческие не беспредельны. К исходу дня все было подготовлено к предстоящему преодолению Вест-Одера. До рассвета, казалось, можно, немного передохнуть. Однако ночью случилось то, чего не ожидали.

Еще до наступления темноты с моря подул холодный северный ветер, сила которого стала быстро нарастать. Сначала на это никто не обратил сколько-нибудь серьезного внимания. Офицеры и бойцы просто констатировали сам факт усиления ветра, в нелестных выражениях говорили о капризах апрельской погоды. Первый сигнал тревоги подал командир полка Павлов. Его полк действовал тогда на самом правом фланге.

— Беда, товарищ генерал, — доложил по телефону Михаил Никитич. — Река вышла из берегов. Вода затопляет пойму и уже поднялась сантиметров на сорок.

Это была действительно беда. Уровень воды в Вест-Одере непрерывно повышался. Ее холодные воды быстро заливали и без того мокрую, чавкающую под ногами заболоченную пойму. Немедля приказал Павлову принять все необходимые меры по сохранению доставленных полку переправочных средств, чтобы их не смыло и не унесло в реку.

— Меры принимаем, — ответил Павлов.

Вскоре после звонка Павлова ощутимо почувствовались признаки начинавшегося наводнения и на дивизионном НП, расположенном на стыке полков. Связался по телефону с командиром корпуса Алексеевым.

— Знаю, о чем хочешь доложить, — упреждая сообщение, сказал комкор. — Дрянь дело. Будем думать, чем помочь. Но и сами не сидите, действуйте по обстоятельствам.

По тону разговора понял, что на помощь надеяться нечего. Главное — не допустить растерянности, паники, сохранить переправочные средства. Все необходимое для этого уже делалось. Бойцы, командиры, политработники, с трудом передвигаясь сначала по колено, а потом и по грудь в холодной воде, привязывали лодки и плоты к деревьям. В ход пошли даже солдатские и офицерские ремни. Дивизионные и полковые связисты под руководством инженер-майора А. Я. Огурэ спешно поднимали на шесты телефонные провода, устраняли повреждения на линиях. Что бы ни случилось, а связь должна работать. Тяжело пришлось артиллеристам, минометчикам. С

помощью пехотинцев они старались как можно быстрее погрузить в лодки и на плоты приготовленные к бою снаряды и мины.

А ветер дул все сильнее. Его бешеные порывы порой валили людей с ног, гнали на пойму злые, не знающие пощады волны.

К часу ночи уровень воды на пойме достиг почти метровой высоты, подобрался к замковой части пушек. Некоторые лодки срывало с привязи, и тогда они под действием ветра, сбивая людей, кружились на месте или двигались вниз по течению реки.

Наблюдательные пункты полков и батальонов пришлось поднять на деревья. Для дивизионного НП саперы быстро соорудили между двумя растущими рядом деревьями что-то похожее на капитанский мостик. Завершив работу по закреплению переправочных средств и погрузку в лодки и плоты боеприпасов, поднялись на деревья почти все бойцы и командиры боевых подразделений.

Как позже стало известно, причиной наводнения был не только сильный северный ветер, нагнавший морскую воду в дельту Одера. Чтобы усилить ее напор, фашисты с началом штурма взорвали неподалеку от Щецинской бухты шлюзы, и вода с моря беспрепятственно хлынула в устье реки. С чисто военной точки зрения расчет был простой: стихия, усиленная взрывом шлюза, смоет советские войска со значительной части поймы или, во всяком случае, заставит их оставить пойму, отойти за Ост-Одер. При этом будет неизбежно брошено тяжелое вооружение, боеприпасы, продовольствие. А чтобы ускорить события, гитлеровцы открыли из Щецина по пойме интенсивный артиллерийский огонь шрапнельными снарядами.

И все-таки расчеты противника не оправдались. Стремясь использовать в качестве союзника стихию, гитлеровские генералы не учли, как это случалось не однажды, самого главного — способности советских воинов во имя победы выдержать любые испытания. Все полки дивизии, весь личный состав — от бывалых воинов до молодых — с честью выдержали их. Даже в самые тяжелые минуты, когда уровень воды на пойме достиг метровой высоты, а гитлеровцы усилили обстрел шрапнелью, никто из бойцов или командиров не струсил, не попытался уйти подальше от берега.

Наконец уже в третьем часу ночи штормовой северный ветер неожиданно стих. Вода в пойме стала быстро убывать, словно отсасываемая гигантским насосом. Бойцы, командиры, политработники, как-то сразу преобразившиеся, повеселевшие, покидали свои места на деревьях, где спасались от воды, стаскивали с себя насквозь промокшее обмундирование, наскоро отжимали гимнастерки, брюки, портянки… Ни обсушиться, ни

обогреться не было возможности. Все это прекрасно понимали и поэтому сразу же дружно брались за устранение последствий ночного наводнения. Только так можно было быстрее согреться, предотвратить возможную простуду.

После того как река вошла в свое обычное русло, пойма превратилась в огромное болото. Ноги по колено увязали в месиве грязи и торфа. До срока начала форсирования Вест-Одера оставалось совсем немного времени. Надо было успеть собрать уцелевшие плавсредства, разбросанные наводнением по пойме, установить и закрепить орудия, расставить по местам минометы, поднести и подготовить к стрельбе погруженные на лодки и плоты боеприпасы. Все это требовалось сделать неотлагательно, быстро. Воины всех полков дивизии в мокром до нитки обмундировании, изрядно проголодавшиеся, едва держась на ногах от усталости, работали, не щадя себя, буквально на руках выносили на исходные позиции боевую технику и боеприпасы.

Незадолго до начала артподготовки позвонил полковник Павлов и доложил, что его полк готов к форсированию Вест-Одера.

— А как настроение у личного состава?

— Нормальное. Ночь была сумасшедшей, но люди остались людьми. Только вот потеряли многих от шрапнельного обстрела. Большую часть раненых уже переправили в медсанбат, на западный берег.

Сумасшедшая ночь! Михаил Никитич прав. Ночь была в самом деле тяжкой. Нашей дивизии, сосредоточенной на правом фланге армии, от наводнения досталось значительно больше, чем левым ее соседям. Некоторые из них наводнения почти и не почувствовали. В этих условиях услышать доклад командира полка о готовности к форсированию Вест-Одера было особенно приятно и радостно. Но, к сожалению, не все полки управились в срок.

Ровно в 6.30 залпы «катюш» возвестили о начале артиллерийской подготовки, которая непрерывно продолжалась 45 минут. С первыми артиллерийскими залпами по условленному ранее сигналу «За шнур и за весла!» передовые подразделения дивизий двинулись на лодках и плотах к западному берегу Вест-Одера.

Из-за пережитого ночью наводнения дивизия несколько задержалась с началом форсирования и вследствие этого огневые точки противника, которые должны были быть в первые же минуты наступления подавлены пушками прямой наводки, остались неподавленными и открыли губительный огонь по боевым порядкам. Била артиллерия из Щецина. С правого фланга

строчили пулеметы и минометы…

Один за другим командиры полков доложили о готовности к наступлению. Разговор шел по радио. По голосу своих командиров угадывал, что люди крайне напряжены. Что тут удивительного? Не успел отдать приказ о начале наступления, как меня прервал командарм. Слова генерала Батова были обращены ко всем командирам, настроенным на волну командарма:

— Мы знаем о ваших трудностях. Поможем. Начинайте, товарищи. Успеха вам!

# Даешь западный берег!

Еще в ходе боев за пойму были сформированы штурмовые группы. В них вошли самые смелые, самые мужественные воины 420-й дивизионной разведроты и приданного дивизии сводного кавэскадрона. Одну из групп возглавил начальник разведотделения штаба майор В. Д. Антипенко. Другую — командир разведроты капитан Н. Я. Друзенко. Группам была поставлена задача — переправиться первыми на западный берег Вест-Одера и захватить небольшой плацдарм.

В группе Друзенко было 24 бойца. У Антипенко несколько больше. Но во время ночного обстрела несколько бойцов были ранены шрапнелью. Однако все легкораненые остались в строю.

Разместившись на плотах, которые кто-то в шутку назвал «плавучие укрепрайоны», а также в нескольких лодках, разведчики и кавалеристы минут за пятнадцать до конца артподготовки повели свою «боевую флотилию» к противоположному берегу, с ходу выбили гитлеровцев из первой траншеи и закрепились на клочке земли севернее Нидерцаден.

Отвагу, ловкость, боевое мастерство проявил ефрейтор Семен Жогов из штурмовой группы капитана Друзенко. Когда лодки подходили к западному берегу, Семен увидел метрах в ста двадцати от кромки воды укрывшийся в кустах расчет вражеского крупнокалиберного пулемета. Фашистские пулеметчики вели огонь по участку переправы. Ефрейтор Жогов с противотанковой гранатой в руке пополз навстречу огню. Увлеченные стрельбой фашистские пулеметчики не заметили, как Семен Жогов оказался в 10–12 метрах от них. Приподнявшись, воин метнул гранату. Огневая точка смолкла.

Вражеские солдаты ринулись в контратаку. Десантники Жогова встретили их дружным автоматным огнем, забросали гранатами.

Штурмовой группе Н. Я. Друзенко вместе с высадившимися на западный берег другими подразделениями пришлось вести бой с превосходящими силами врага. И вновь отличились восемь разведчиков, возглавляемых ефрейтором Жоговым. Они не только уничтожили большое число гитлеровцев, но и сумели 19 вражеских солдат и одного офицера взять в плен.

За образцовое выполнение боевых заданий командования, за проявленные героизм и отвагу при форсировании Одера, при захвате и последующем удержании плацдарма на западном берегу реки Семен Григорьевич Жогов был удостоен звания Героя Советского Союза.

…Форсирование Вест-Одера продолжалось. Вслед за первыми штурмовыми группами, овладевшими небольшим плацдармом, на западный берег переправились другие. Успех, однако, сопутствовал не всем. Не повезло, в частности, большой группе десантников из 1201-го стрелкового полка. Только они разместились по лодкам и плотам, как противник открыл прицельный огонь. Двенадцать лодок опрокинулось, некоторые были разбиты прямым попаданием снарядов. Выручил личный пример молодых солдат Махмуда Вернева и Анзара Шашурадова. Они первыми вскочили в одну из оставшихся на плаву лодок. За ними последовали и другие бойцы. Они вытаскивали из воды опрокинутые взрывом лодки и гребли к западному берегу.

Несмотря на эту неудачу, умело руководил переправой полка инженер-майор А. Бойко. Под ураганным огнем противника он вместе с десантниками совершил несколько рейсов на западный берег.

В числе первых в составе 1201-го полка переправился на западный берег Одера помощник командира взвода старший сержант А. Бурлаченко. Вскоре после того как рота вступила в бой на плацдарме, выбыл из строя ее командир. Его заменил командир взвода, но через несколько минут он тоже получил ранение. Больше офицеров в роте не оказалось, и тогда командование принял на себя Бурлаченко. Не осталось офицеров и во второй роте. Старшему сержанту пришлось командовать двумя ротами. В течение нескольких часов возглавлял он сотни воинов и успешно отразил три сильные контратаки противника.

Инициативу проявил командир артиллерийской батареи 1201-го полка капитан В. М. Маршанишвили и командир расчета 45-миллиметровой пушки старший сержант Розанов. Они выбрали большую лодку, погрузили в нее перевернутую вниз стволом пушку, положили на дно несколько ящиков с боеприпасами и переплыли на плацдарм. Так же поступили и некоторые другие расчеты батареи. Пушки капитана Маршанишвили оказали первым переправившимся за реку стрелковым подразделениям неоценимую помощь в подавлении оживших после артподготовки вражеских огневых точек.

Боевую находчивость и солдатскую смекалку проявили минометчики. Погрузив в лодки минометы и ящики с минами, они привязали к ним обрывками телефонного кабеля поплавки из деревянных чурок. В случае если лодка опрокинется от взрывной волны, минометы и ящики с минами можно было вытянуть со дна реки, определив по поплавкам место, где они затонули.

Предосторожность оказалась не лишней. Метрах в семи от берега одна из лодок с двумя минометами и боеприпасами

перевернулась. Все пошло ко. дну, но наверху остались поплавки. Минометчики вплавь добрались до берега, быстро сняли с себя вымокшее обмундирование и опять бросились в реку, стали вытаскивать минометы и ящики с боеприпасами. Мины хотя и намокли, но не испортились. Их постоянные заряды были предварительно густо смазаны пушечной смазкой.

К полудню половина боевых подразделений 1201-го стрелкового полка вела бой за Одером. А некоторое время спустя на плацдарм перебрался и командир полка подполковник Н. И. Петухов с оперативной группой штаба. Теперь связь с дивизионным НП Николай Иванович поддерживал только по радио. Его сообщения были предельно лаконичными: «Отбиваю атаку», «Немного продвинулся вперед»… Несколько раз по рации со мной связывался майор Антипенко. Из его сообщений следовало, что гитлеровцы упорно обороняются. При этом Василий Данилович непременно добавлял:

— Сбросить нас в реку им все равно не удастся.

Когда доложили командиру корпуса об успехах головного полка, он от души похвалил участников захвата плацдарма и приказал передать им свою благодарность. Однако выполнить приказание комкора удалось не сразу. Сколько ни пытался дивизионный радист старший сержант Шебеко установить связь с Петуховым и Антипенко, их рации молчали. Посланные в полк офицеры связи назад не вернулись.

Дивизионный НП располагался в наскоро сколоченном из досок укрытии возле поперечного канала. Неожиданно я услышал гул мотора. К берегу причалила моторная лодка.

— Откуда вы тут появились? — спрашиваю у молодого лейтенанта с наспех перевязанной головой.

— С того берега, товарищ генерал, — ответил офицер. — Только что переправили туда самоходку.

— Как переправили самоходку? Неужели вплавь?

— На плоту. По приказанию командарма. Плот подцепили к моторной лодке.

— Как там на плацдарме? Где командир полка Петухов?

— Дерутся, товарищ генерал. Самоходка вступила в бой. Теперь им там легче.

Поблагодарив лейтенанта за переправленную на западный берег самоходку, попросил перевезти туда и нас с радистом.

Через Вест-Одер перемахнули быстро, но когда выходили на берег, радист Костя Шебеко у самой кромки воды наступил на противопехотную мину и погиб.

Рация сохранилась. Развернул ее сам. Настраиваясь на полковую волну, услышал голос полковника Павлова. Михаил

Никитич доложил, что одной ротой форсировал реку в километре севернее соседа и теперь переправляет другие подразделения.

Вскоре выяснилась также и причина молчания подполковника Петухова и майора Антипенко. Рации, которыми они пользовались, вышли из строя. В штурмовой группе была повреждена осколком снаряда, а в полковой при переправе отсырели батареи.

…Пять суток непрерывно продолжались бои за удержание и расширение плацдарма на западном берегу Вест-Одера. Они были неимоверно тяжелыми и кровопролитными не только для 354-й дивизии, но и для всех соединений и частей 65-армии. В этом не было ничего удивительного. Одер представлял собой, по существу, последний перед Берлином мощный оборонительный рубеж, и поэтому вражеские войска стремились во что бы то ни стало удержать его. Гитлеровские генералы все еще надеялись, что сумеют если не остановить, то хотя бы задержать на время дальнейшее продвижение советских войск в ожидании обещанного их бесноватым фюрером сверхмощного оружия, а точнее — атомного, разрабатываемого в ту пору нацистскими учеными.

Как позже стало известно, противник только в полосе наступления 65-й армии сосредоточил для обороны до 33 тысяч своих войск, имевших на вооружении большое количество танков, самоходной, полевой и противотанковой артиллерии. Наступающим же стрелковым соединениям на первом этапе пришлось отражать яростные контратаки врага на западном берегу Одера без танков и противотанковой артиллерии. Разумеется, с восточного берега дивизиям постоянно помогали артиллеристы. Они наносили мощнейшие удары по скоплениям пехоты и танков врага, быстро подавляли наиболее опасные огневые точки. И все-таки без танков и артиллерии непосредственной поддержки стрелковым частям было неимоверно трудно, особенно в тех случаях, когда противник предпринимал танковые контратаки с десантом пехоты. При отражении таких контратак против танков приходилось использовать главным образом сорокапятки, противотанковые гранаты и трофейные фаустпатроны.

Обеспечение непосредственной артиллерийской поддержки дерущихся на плацдарме подразделений пехоты было в первый период боя актуальнейшей задачей. При ее решении прекрасный пример организованности показал командир артбатареи 1201-го стрелкового полка капитан Селиванов. Батарея уже к 12 часам дня 20 апреля в полном составе заняла огневые позиции за первой вражеской траншеей севернее населенного пункта

Нидерцаден и открыла огонь по контратаковавшему врагу. Для противника это было большой неожиданностью. Откуда вдруг на западном берегу русская артиллерия? После первых же залпов батареи гитлеровцы, понеся потери в людях и бросив на поле боя один подбитый снарядом танк, отошли.

Умело действовали орудийные расчеты батареи при отражении и последующих контратаках противника. Огонь вели с позиций прямой наводкой, что позволяло наносить удары одновременно и по танкам, и по пехоте. Батарейцам Селиванова принадлежала немалая роль в том, что стрелковый полк Петухова с честью выполнил трудную боевую задачу дня — отразил натиск врага, удержал свои позиции за Вест-Одером.

В боях за удержание и расширение плацдарма с беспримерным мужеством дрались стрелки, автоматчики, пулеметчики, минометчики и воины других специальностей. В сложившейся на первых порах после форсирования реки довольно трудной обстановке высокая боевая активность требовалась буквально от каждого воина. И она проявлялась на каждом шагу.

Комсомолец разведчик ефрейтор Николай Чуяшков в ночь на 20 апреля трижды переправлялся через Одер, без потерь перевез на западный берег целый стрелковый взвод и большое количество боеприпасов, хотя доставшаяся ему лодка была очень тяжелой, с трудом поддавалась управлению. А наутро, когда гитлеровцы перешли в контратаку, он одним из первых вступил с ними в бой, личным примером мужества и бесстрашия увлек за собой однополчан.

Командир пулеметного расчета Михаил Сердюков со своим напарником вторым номером в числе первых высадился на западный берег. Едва успели воины занять огневую позицию в бомбовой воронке на прибрежной возвышенности, как не меньше роты гитлеровцев бросились в контратаку. Вражеских пехотинцев поддерживал огнем расчет крупнокалиберного пулемета. Сержант Сердюков длинной очередью уничтожил вражеский пулеметный расчет, а затем перенес огонь на пехоту. Удар был неожиданным, прицельным. Семь гитлеровцев в первую же минуту были убиты, несколько ранено. Все это привело фашистских солдат в замешательство. Оставив убитых и волоча за собой раненых, они повернули назад. Воины-десантники с ходу овладели вражеской траншеей.

В конце дня противник предпринял самую сильную контратаку. Его танки двигались треугольником. Артиллеристы дивизии встретили их дружными залпами и несколько машин подожгли. Однако небольшой группе танков все же удалось прорваться к боевым порядкам подразделений. Один из них

быстро приближался к траншее, где находились четыре советских воина. Трое вскоре погибли от осколков взорвавшегося поблизости снаряда. В живых остался лишь старший сержант Василий Бородин. От тяжести танка песчаная траншея могла обвалиться. И тогда Василий пополз с противотанковой гранатой навстречу вражеской машине. Его удар был точным. Танк остановился. Из него один за другим стали выскакивать через верхний люк танкисты. Бородин меткими очередями из автомата уничтожал их.

Спасая раненного в бою командира батальона капитана Григорьева, санитар Григорий Лященко вступил в перестрелку с пятью гитлеровцами. Когда кончились винтовочные патроны, он продолжил борьбу трофейным оружием и одержал победу. Двух вражеских солдат уничтожил, остальных обратил в бегство, а главное — спас раненого командира.

Незадолго до конца дня на западный берег была переправлена часть дивизионной артиллерии. И все-таки непосредственная артиллерийская поддержка все еще оставалась недостаточной. Воспользовавшись этим, гитлеровское командование ввело в устье Одера боевые корабли из Щецинской ремонтной базы. Они открыли по защитникам плацдарма ураганный артиллерийский огонь. Вражеские танки и пехота одновременно пошли в контратаку. Создалось критическое положение. Пришлось связаться с командармом и попросить помощи.

— Слышу, слышу, — спокойно сказал командарм Батов. — Сейчас мы вам поможем, благо Вершинин (командующий 4-й воздушной армией) рядом со мной.

Минули буквально считанные минуты, как над Щецинской бухтой и устьем Одера появились советские бомбардировщики. Мощный удар с воздуха, нанесенный ими, заставил фашистских моряков мгновенно прекратить огонь. Несколько кораблей было потоплено, а те, что остались на плаву, поспешно удрали в море.

Помимо 354-й дивизии в первый же день боев на западный берег реки высадились с поймы 193-я и 44-я стрелковые дивизии, а также часть сил 2-й ударной армии. К вечеру того же дня, несмотря на активное противодействие врага, небольшие прибрежные участки, захваченные на западном берегу, слились в один общий плацдарм, достигший примерно 6 километров по фронту и 2–3 километров в глубину.

Захваченный войсками 65-й армии плацдарм сразу же приобрел огромное оперативное значение для всего 2-го Белорусского фронта и вскоре был использован для направления главного удара, так как намеченный командующим фронтом

главный удар в полосе действий 70-й армии не получил своего развития.

…Всю ночь на 21 апреля артиллерийские дивизии, бригады, полки, дивизионы переправляли на плацдарм орудия самых различных калибров и боеприпасы к ним. Необходимо было как можно быстрее создать за Вест-Одером мощный артиллерийский кулак. Он требовался для разгрома спешно стягиваемых противником к плацдарму оперативных резервов, для взламывания сильной заодерской обороны врага, для нанесения мощных огневых ударов по его тыловым коммуникациям. И такой артиллерийский кулак был создан на плацдарме за одну непродолжительную весеннюю ночь. За реку были переброшены вместе с дивизионной и корпусной артиллерией гаубичные артбригады, несколько дивизионов «катюш», минометные части и подразделения.

К рассвету защитники плацдарма имели все необходимое для отражения любой контратаки. Успел подтянуть резервы и противник, но момент для нанесения сколько-нибудь чувствительного удара по высадившимся на западный берег советским войскам был уже утрачен. Хотя танковые и пехотные контратаки врага все еще продолжались, однако не имели никакого успеха.

На второй день все полки 354-й дивизии уже дрались на заодерском плацдарме. Это дало возможность захватить и очистить от врага населенный пункт Курово.

Утром 22 апреля на заодерский плацдарм по построенным саперами мостам и паромным переправам двинулись танки 1-го Донского корпуса генерала М. Ф. Панова. Танковые подразделения во многих случаях сразу же вступали в бой. Успешно переправились на западный берег Одера и другие танковые соединения 2-го Белорусского фронта.

На этом направлении советским войскам противостояла целая танковая армия под командованием Мантейфеля. Кроме того, сюда же были переброшены с берлинского направления отборные фашистские танковые соединения «Остзее», пехотные и артиллерийские дивизии и полки. В связи с этим войскам фронта потребовалось еще более двух суток, чтобы остановить танковые силы врага, заставить его перейти от активных контрнаступательных действий к обороне.

Поставленная командованием фронта задача к 25 апреля была выполнена. Только в полосе наступления войск 65-й армии плацдарм был расширен до 20 километров по фронту и достиг 8

—10 километров в глубину. Не менее крупными плацдармами к тому времени располагали и некоторые другие армии.

Значительно продвинулась вперед и наша дивизия. 23 апреля ее полки овладели важным в тактическом отношении населенным пунктом Пшецлов. Немецко-фашистские войска сильной контратакой танков пытались выбить ее из Пшецлова, но, встреченные мощным огнем всех видов оружия, быстро сникли. Фашистская пехота еще на подступах к населенному пункту залегла. Из трех десятков танков, которые поддерживали ее, несколько машин были подбиты. Казалось, уже все решено: ни вражеские танкисты, ни пехотинцы не осмелятся больше контратаковать. Но после небольшой передышки контратака возобновилась. Небольшим группам пехоты и отдельным танкам врага удалось даже приблизиться к окраинным домам Пшецлова. В ряде мест завязались рукопашные схватки.

Когда бой достиг окраины Пшецлова, в дело вступили советские тридцатьчетверки, и незадолго до рассвета с контратакой врага было покончено.

# Завершающие бои

У южных берегов Балтики бушевала весна. Ясное солнечное утро 25 апреля сулило тишину и тепло на весь долгий весенний день. Но в умах воинов чистое от облаков голубое небо и ласковые лучи солнца по-прежнему ассоциировались с мыслью о летной погоде, о том, что предстоят ожесточенные бои не только на земле, но и в воздухе. Начальник штаба дивизии гвардии полковник А. П. Чумаков, человек немногословный, когда рано утром уточнял детали намеченного плана наступления, коротко заметил:

— Жарко будет сегодня. И в воздухе, и на земле.

Мощная тридцатиминутная артиллерийская и авиационная подготовка, предшествовавшая продолжению наступления на Смоленцин и Помеллен — основные опорные пункты, преграждавшие путь к Щецину, началась ровно в 11 часов. С переносом огня в глубь обороны противника поднялись в атаку стрелковые полки дивизии. Гитлеровское командование, стремясь задержать продвижение 105-го стрелкового корпуса, бросило в помощь основным своим войскам полицейские части и полки морской пехоты из Щецина. Но еще при подходе к полосе обороны их разгромила советская артиллерия и авиация. К 13 часам опорные пункты Смоленцин и Помеллен были взяты. В прорыв вошел танковый корпус генерала М. Ф. Панова. Стрелковые, артиллерийские и танковые части стремительно продвигались все дальше на северо-запад, охватывая Щецин полукольцом, перерезая все ведущие в город сухопутные коммуникации.

Во второй половине дня, когда армия уже начала готовиться к штурму Щецинского гарнизона противника, неожиданное сопротивление наступавшим оказали только что прибывшие в этот район свежие части противника. Но держались они не долго. Предприняв несколько контратак, противник притих.

На фронте, как известно, любая перемена в поведении противника вызывала естественную настороженность. Так было и в этот раз. В чем дело? Почему вдруг после яростных контратак гитлеровцы смолкли, прекратили огонь? Что еще задумали фашистские генералы?

— Думается, удирать решили фашисты, — сказал начштаба Чумаков. — Иного, собственно, выхода, чтобы спасти свою шкуру, у них нет.

Требовалось срочно проверить, что происходит в стане противника.

Близилась полночь. Вызвал начальника дивизионный разведки майора Антипенко. Едва он успел отдать приказание на разведку, как в районе НП и расположении полков дивизии загрохотали сильные взрывы. Гитлеровцы из Щецина открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. Артналет продолжался минут пятнадцать — двадцать. Элементарная логика подсказывала, что вслед за артналетом, ничем не отличавшимся от артподготовки, противник предпримет контратаку. Неужели на этот раз она начнется ночью?

Но так же внезапно, как и начался, артобстрел прекратился. Наступила настороженная тишина. Командиры полков донесли: «На переднем крае противника по-прежнему никаких признаков жизни». Похоже на то, что с переднего края снимаются все подразделения, а перед тем расстреливается весь артиллерийский и минометный боезапас. В сложившейся обстановке у противника иного выхода, как отступать без боя, чтобы сохранить силы для обороны на каком-нибудь новом рубеже, не было.

Срочно выслал вперед дивизионных разведчиков с задачей уточнить силы врага в городе. На шесть утра командарм назначил штурм Щецина. Штурм большого города — довольно крупная боевая операция, и за час-полтора до начала отменить ее будет трудно. Стало быть, надо торопиться.

Нисколько не сомневался, что майор Антипенко сделает все, что надо. Если противник ушел из города, немедленно доложит. Но ведь всякое может случиться. Вдруг не сумеет почему-либо связаться с НП, тогда придется ждать его возвращения. А это потеря времени.

Подумав так, я решил догнать разведчиков, присоединиться к ним и в случае необходимости самому доложить комкору и командарму об обстановке в городе.

Группу Антипенко, выступившую на двух броневиках с противотанковыми пушками на прицепе, мы отыскали возле противотанкового рва, преграждавшего въезд в город. Оставив машины, начальник разведки с несколькими бойцами с трудом перебрался через глубокий и широкий ров, направился к городу. Минут через пятнадцать вернулся, доложил, что на окраинных улицах нет ни души — ни солдат, ни гражданского населения.

Но окраина — окраиной. Надо побывать в самом городе, убедиться наверняка, что противник оставил его. И тогда вместе с разведчиками я отправился сам. Водителям броневиков и своему шоферу Литвину приказал искать переезд через ров. Не может же он быть сплошным.

Выслав разведчиков вперед, мы с майором Антипенко шли по улицам города. Прошли одну, другую, третью…

Вокруг будто все вымерло. Зашли в один из домов. Тоже пусто. На столе оставлен недоеденный ужин. Хозяева, видимо, ушли в последний момент. По соседству настежь распахнута дверь продовольственного магазина. И в нем никого. На чаше весов крупа — как будто тот, кто взвешивал ее, убежал, услышав шаги…

В город наконец-то перебрались броневики разведки и мой «виллис». Включаю рацию, докладываю комкору:

— Нахожусь за противотанковым рвом. В городе никого нет — ни военных, ни гражданских. Никаких признаков присутствия противника.

— Немедленно вышлите за мной двух разведчиков, — приказал генерал Алексеев. — Я сейчас приеду к вам.

Разведчиков отправил на «виллисе». Сам сел в броневик. Машина старого образца, очень тесная. Люк закрыть не удается. Двинулись с открытым люком. Следом пошли разведчики на броневиках с пушками на прицепе.

Въехали в центр города, остановились на какой-то площади. По-прежнему все тихо. И вдруг из дома с большой вывеской над окнами первого этажа выбежали две девушки. Одна бросилась ко мне, другая — к Антипенко.

— Родные наши! Милые! Как мы вас ждали!

Это были советские девчата, угнанные на фашистскую каторгу. От них стало известно: все войска фашистов ночью после артналета ушли из города и угнали с собой почти все население.

Вскоре приехал генерал Алексеев и убедился, что город пуст. Дмитрий Федорович связался по рации с командармом и доложил:

— Противник, поняв, что кольцо окружения наших войск вот-вот сомкнётся вокруг Щецина и осаду не выдержать, вынужден был оставить город без боя.

Приказ о штурме Щецина был отменен. Войска армии двинулись на северо-запад, в направлении города Позевальк.

…Щецин — исконно польский город. После ухода из него гитлеровцы вынуждены были бросить большое количество различных материальных ценностей. Все эти трофеи необходимо было сохранить и передать польскому народу — подлинному хозяину Щецина, которому предстояло по существу заново возродить жизнь города.

Военным комендантом Щецина временно был назначен прославленный боевой генерал, прошедший всю Великую Отечественную войну, Николай Григорьевич Лященко — командир одной из дивизий 2-й ударной армии.

С падением Щецина продвижение советских войск в глубь

Германии значительно ускорилось. Гитлеровские армии теперь уже редко оказывали сколько-нибудь серьезное сопротивление. Впрочем, на подступах к городу Позевальк, да и в самом городе 354-й дивизии пришлось принять бой. Бой был жаркий, но дивизия успешно продвигалась вперед, освобождая улицу за улицей. Исходя из темпа продвижения, я не без оснований определил, что на полное освобождение города потребуется не более двух-трех часов. И когда на НП поступило сообщение о том, что передовые подразделения достигли речки Позевальк, разделявшей город приблизительно на две равные части, доложил комкору, что Позевальк взят. Осталось лишь очистить одну его окраину.

А через три часа раздался телефонный звонок, и полковник Павлов растерянным голосом сообщил, что полк не смог «перепрыгнуть» речку Позевальк. Противник отчаянно сопротивляется.

Ушам своим не поверил. Если полк Павлова не преодолел речку, значит половина города еще в руках противника. Выходит, что введено в заблуждение командование.

— Что будем делать? — грустно спросил начальник штаба.

— Что делать?! Брать Позевальк! До рассвета он должен быть нашим! Иначе позор.

Выехал в полк Павлова. Саперы немедленно соорудили в трех местах легкие, установленные на «козлики» мосты для прохода машин и артиллерии. После десятиминутного артналета пехота бросилась через реку. Бой был ожесточенным, но скоротечным. К пяти утра Позевальк удалось взять.

И тут-то выяснилось, почему гитлеровцы оказывали такое яростное сопротивление. Они надеялись успеть отправить со станции железнодорожные эшелоны с различными военными и другими грузами. Попытка не удалась.

Продолжая развивать наступление, 354-я стрелковая дивизия при поддержке артиллерии и танков с ходу заняла города Ярмен, Гриммен, Францбург и вместе с другими соединениями 65-й армии 1 мая вышла северо-западнее города Штральзунд на побережье Балтийского моря. Это была вторая встреча дивизии с Балтикой.

По подсчетам штаба, за полмесяца боев — с 15 апреля по 2 мая — силами дивизии было выведено из строя более 1200 вражеских солдат и офицеров, уничтожено 15 танков, 54 артиллерийских орудия, 74 пулемета. Более 1500 гитлеровцев взято в плен. Внушительные цифры составляли захваченные трофеи: 20 исправных самолетов, 360 железнодорожных вагонов, частично с военными грузами, 18 паровозов, 370 автомашин, 18

военных складов, много артиллерийских орудий, почти 3,5 тысячи винтовок и автоматов, 8 бронетранспортеров, значительное число пулеметов и фаустпатронов.

*Послевоенная встреча (справа налево): Председатель ЦК ДОСААФ СССР трижды Герой Советского Союза маршал авиации А. И. Покрышкин, Председатель ЦК ДОСААФ Грузинской ССР Герой Советского Союза генерал-лейтенант в отставке В. Н. Джанджгава и второй секретарь ЦК КП Грузии Г. В. Колбин на Тбилисском аэродроме.*

После взятия Позевалька большинство населенных пунктов Макленбургской провинции гитлеровские войска оставляли без боя, уходили из них заранее. С ними, как правило, уходили в сторону Гамбурга и многие местные жители, напуганные геббельсовской пропагандой. Лишь некоторые семьи осмеливались оставаться. Многие поначалу прятались в лесах, а затем на улицах городов и сел становилось все оживленнее. Такое мы видели в Ярмане, Гриммене, в селах Прон, Нисдорф…

Особенно удивил большой приморский город Штральзунд. Удивил и, как это ни странно, обрадовал своей абсолютной неповрежденностью. Ни одного разрушенного дома. Узкие улочки были тщательно подметены. Сказывалась присущая немцам аккуратность. Война войной, а порядок порядком.

Совсем иное творилось вокруг города. Отступая, немецко-фашистские войска согнали сюда многотысячное стадо крупного

скота, главным образом коров. Вероятно, рассчитывали погрузить их на суда и вывезти на запад. Не успели. В те дни гитлеровцам было не до скота. Тысячи недоеных коров с ревом бродили вокруг города, некоторые из них врывались на окраинные улицы. Скот на глазах погибал. Требовалось срочно принять какие-то меры для его спасения. Для этого необходимо было вернуть из лесов и из подвалов прятавшихся там местных жителей. Однако сделать это оказалось не так-то просто. Запуганное лживой нацистской пропагандой население поначалу никак не хотело внять добрым советам.

Разведчики одного из полков обнаружили в пригородном лесу большую группу местных крестьян. Попытались заговорить с ними, но те в страхе разбежались. Разведчики доложили об этом командиру полка. Чтобы уговорить людей вернуться в свои дома, к крестьянам в лес отправились сам командир полка майор Курунин и переводчик В. Вавилин. История повторилась. Крестьяне убежали в лес. Остался лишь один старик лет семидесяти.

Майор Курунин через переводчика объяснил старику, что всем местным жителям надо вернуться домой.

— Мы не можем вернуться домой, — ответил старик.

— Почему?

— Потому что следом за вами придут коммунисты, перебьют нас всех до одного. Наш священник сказал, что у коммунистов на голове рога, как у чертей.

Удивившись столь неожиданному доводу, лейтенант Вавилин с улыбкой снял пилотку, сказал старику:

— Командир полка и я — коммунисты, но, как видите, никаких рогов у нас нет.

— Не верю, что вы коммунисты, — отрицательно покачал головой старик, — они идут вслед за войсками.

Вавилин достал из кармана гимнастерки свой партийный билет и показал его старику. Красная обложка билета произвела впечатление. Старик, потоптавшись на месте, в недоумении развел руками, затем неожиданно громко крикнул, обращаясь к прятавшимся за деревьями односельчанам:

— Идите все сюда. Нас обманули. Никаких коммунистов в образе чертей с рогами нет. Русские обещают не убивать нас.

Не всегда быстро соглашались вернуться в свои квартиры и городские жители. Командирам, политработникам пришлось немало поработать, чтобы разоблачить фашистскую ложь.

В течение двух-трех дней был решен вопрос со стадами беспризорного скота. Часть его была принята на баланс продовольственного обеспечения советских войск, часть роздана

местным жителям.

Сокрушая на пути сопротивление остатков гарнизонов и разгромленных гитлеровских частей, основные силы 65-й армии, в том числе и 354-я стрелковая дивизия, продолжали продвигаться на северо-запад и к 2 мая достигли рубежа Рыбниц, Росток, где соединились с англо-американскими союзными войсками.

Последнюю боевую задачу 354-я дивизия получила от командарма 6 мая 1945 года. Дивизиям 105-го корпуса вместе с приданными частями было приказано разгромить группировку немецко-фашистских войск, перебравшуюся в ходе отступления на остров Рюген, и овладеть островом. Задача, казалось бы, не из легких. Остров большой, площадью без малого 1000 квадратных километров. К тому же, какие там у противника силы, толком никто не знал. Назывались различные цифры — от тысячи до десяти тысяч солдат и офицеров. Но близился конец войны, и это создавало уверенность, что бежавшие на остров гитлеровцы, хотя в их числе было немало эсэсовцев, не станут долго и упорно сопротивляться, поскольку единственная надежда остаться живыми для них была сдача в плен.

Так, собственно говоря, и было. Когда к Рюгену подошли на специально построенных саперами баржах советские «катюши» и открыли огонь, гитлеровцы сложили оружие.

На этом для 354-й стрелковой дивизии, как и для всей 55-й армии, война была закончена.

Победа! Безоговорочная капитуляция фашистской Германии! Эти долгожданные слова с быстротой молнии облетели все части, все подразделения. Радости не было границ.

В первой половине мая пришел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении 354-й Калинковичской орденов Красного Знамени и Кутузова второй степени стрелковой дивизии орденом Ленина. Дивизия стала трижды орденоносной. Пятнадцать раз ее личный состав за доблесть и мужество, проявленные в боях, был отмечен благодарностями Верховного Главнокомандования. Шестеро воинов были удостоены звания Героя Советского Союза: ефрейтор В. А. Алисов, сержант В. Н. Бочкарев, полковник М. Н. Павлов, младший сержант Н. И. Григорьев, красноармеец С. Т. Усолов и старшина Г. Ф. Канцев.

В честь Великой Победы в радостные, незабываемые майские дни сорок пятого года многие воины дивизии, отличившиеся в боях, были удостоены высоких правительственных наград. Вручали их награжденным уже в мирные дни, в торжественной обстановке, перед строем полка, а нередко и всего соединения.

Тогда же, в конце победного мая, Указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

# Вместо послесловия

Неумолимо быстро бежит время. Прошло уже больше полстолетия, как я впервые надел военную форму и навсегда связал свою жизнь со службой в рядах Советских Вооруженных Сил. Давно минула молодость — боевая, кипучая, нелегкая, как и у всех людей моего поколения. Остались далеко позади исключительно трудные времена, когда героические воины Красной Армии стояли насмерть, защищая свою землю от фашистских захватчиков, бесстрашно бросались с гранатами в руках под вражеские танки, закрывали своими телами амбразуры дотов. Стали далекой историей долгие месяцы и годы, полные мужества, стойкости и самопожертвования советских людей в тылу. Новое поколение советских людей, выросшее в послевоенные годы, вместе с ветеранами, под неустанным руководством ленинской партии, успешно строит коммунистическое общество, живет счастливой и радостной жизнью. Тем не менее память о войне по-прежнему жива, она не увядает. Это — память сердца.

Живы в памяти живущих имена всех боевых друзей, с которыми шли тяжкие немеренные версты к Победе: комдив М. И. Мындро; полковой комиссар Н. В. Руденко; начальник политотдела Н. И. Романов; секретарь дивизионной парткомиссий В. Н. Пазаев; комсорги Павел Смирнов, Пантелей Айбабин, Сергей Васякин; комбат М. Е. Золотарев, майор Б. Г. Стуруа, капитан В. А. Фомин, лейтенант Иван Борисюк, старший сержант Григорий Кагамлык, старший лейтенант Ботковели, санитарки Аня Соколова, Вера Дацюк и многие другие, отдавшие свою жизнь за Родину.

Эта бессмертная память призывает каждого советского человека, как зеницу ока, беречь свою Советскую Родину, всегда быть готовым с оружием в руках защитить ее честь и независимость, а когда потребуется, повторить бессмертный подвиг героев Великой Отечественной.

Мне, как ветерану войны и председателю ЦК ДОСААФ Грузии, часто приходится выступать перед молодежью с воспоминаниями о боях, походах. Хорошая у нас молодежь — смелая, волевая, решительная, не боящаяся никаких трудности. Она беззаветно предана своей Советской Родине, нашей ленинской партии и свято чтит память тех, кому она обязана своей нынешней счастливой жизнью.

Этой близкой моему сердцу молодежи я и посвящаю свои записки о войне. Пусть она знает и помнит, какой дорогой ценой

досталась нам победа.

* * *

*Автор выражает большую благодарность всем, кто помог в сборе материалов и работе над книгой, и особенно писательнице М. А. Немировой, генерал-майору в отставке Г. В. Малюге, полковнику в отставке В. П. Егорову, полковнику в отставке Т. Резяпкину, майору в отставке М. В. Агафонову и другим.*

**notes**

# Примечания

# 1

Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 69.

## 2

В состав войск Южного фронта вошли: 9-я армия генерал-майора К. А. Коротеева (в ее числе наш 2-й мехкорпус) и вновь сформированная из двух стрелковых корпусов 12-й армии Юго-Западного фронта 18-я армия, командование которой в первый период войны осуществлял генерал лейтенант А. К. Смирнов (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2, М., Воениздат, 1961, с. 41).

# 3

Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, книга первая. М., Воениздат. с. 170.

# 4

Великую Отечественную войну талантливый военачальник А. Г. Кравченко закончил дважды Героем Советского Союза, генерал-полковником, командующим 6-й танковой армией.

# 5

Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 1274, л. 44.

# 6

К. К. Рокоссовский. Мужество, стойкость, отвага. Сборник «Курская битва», М., Воениздат, 1970, с. 44.

«Правда», 1943, 10 мая.

# 8

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., Издательство АПН, 1971, с. 460.

П. И. Батов. В походах и боях. М., Воениздат, 1974, с. 444.